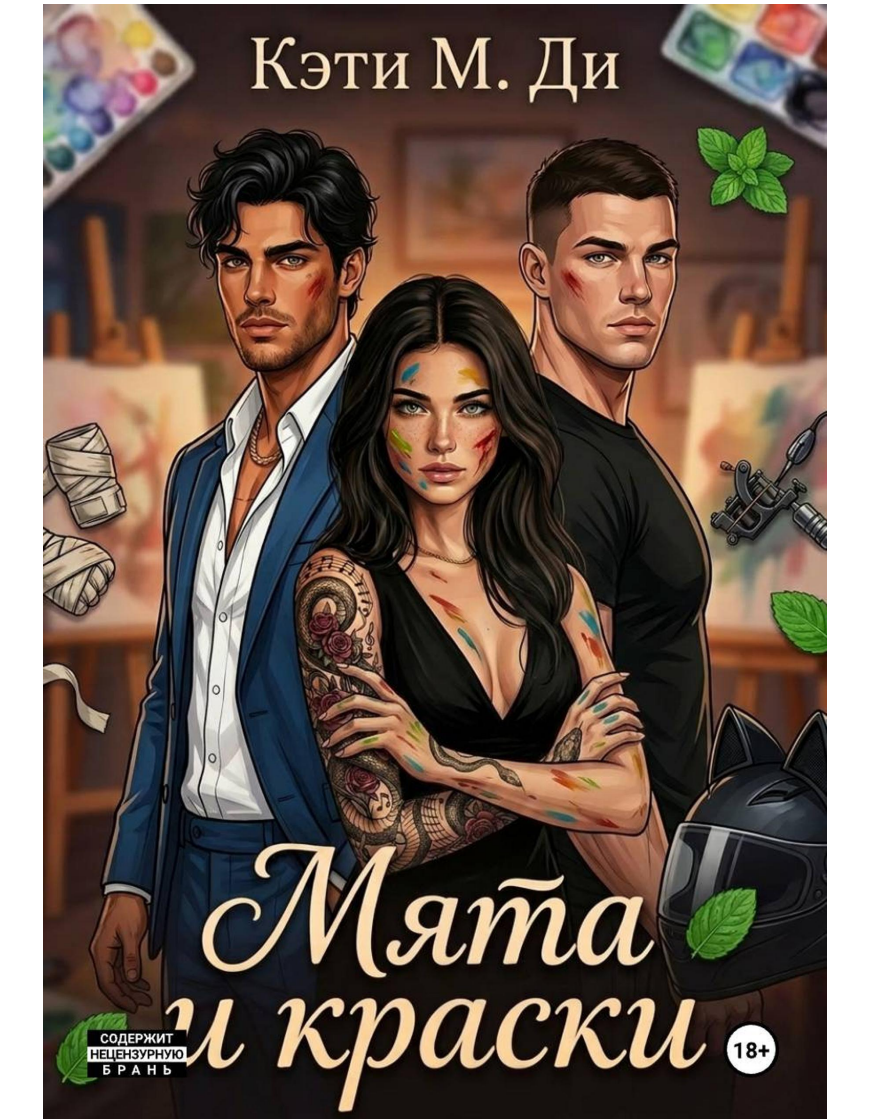

Кэти М. Ди

Мята
и краски

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэти Ди Мята и краски

<https://litres.ru/73926536>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира привыкла к хаосу, но теперь даже память подводит в самый неподходящий момент. Выпускной год в Академии искусств превращается в опасную игру, где ставка — её собственная жизнь.

Марк. Харизматичный куратор, холодный эстет. Для него Кира — идеальная муза, которую он жаждет подчинить. За изысканностью — хищник, за «любовью» — капкан. Искусство становится орудием пытки, сплетённым из тайн и тотального контроля.

Дима. Дерзкий байкер, пахнущий мятой, кожей и ночными трассами. Анонимный король скорости, знающий настоящую Киру без масок. Его мир — жестокая изнанка подпольных боев, но ради неё он готов оставить ринг и бросить вызов её властному отцу. Для Димы она — единственный смысл, ради которого стоит сгореть и воскреснуть.

Когда маски сорвутся, Кира осознает правду своей жизни — и поймёт, было ли всё сном или жестокой реальностью.

Содержание

В книге вас ждут:	5
Пролог	6
глава 1 «Куратор»	10
глава 2 «Чернила под кожей»	46
глава 3 «Воспоминание»	66
глава 4 «Анатомия протеста»	73
глава 5 «Скелеты старого света»	99
глава 6 «Начало войны»	105
глава 7 «Зеркальные визоры»	117
глава 8 «В границах дозволенного»	129
глава 9 «Ночная гонка»	151
глава 10 «Внеклассное напряжение»	174
глава 11 «Конец войне»	188
глава 12 «За пределами выдержки»	195
Глава 13 «Чужой в своем клубе»	213
глава 14 «Шелковые цепи»	223
глава 15 «Выше облаков, ближе к сердцу»	230
глава 16 «Вдребезги»	252
глава 17 «План Б»	274
Глава 18 «Вне зоны доступа»	286
Глава 19 «Пепел на ресницах»	300
глава 20 «Начало нашего пути»	326
глава 21 «Перезагрузка»	333

Глава 22 «Горький вкус дежавю»	365
Конец ознакомительного фрагмента.	367

Мята и краски

В книге вас ждут:

Сложный любовный треугольник: одержимый художник, благородный боец и девушка с тяжелым ударом.

Тайны прошлого.

Накал страстей.

Эмоциональный финал: борьба за любовь, когда тебя даже не помнят.

Всем персонажам и главным героям больше 18 лет.

Пролог

Говорят, что самое страшное утро начинается с раскалывающейся головы и сухости во рту. Вранье. Самый жуткий кошмар наяву — это прийти в себя и обнаружить, что твоя обнаженная грудь вплотную прижата к пышущей жаром спине абсолютно незнакомого мужчины. И ты не просто лежишь рядом, ты буквально вплавлена в него, не имея ни малейшего представления о том, как, зачем и при каких обстоятельствах вы оказались в одной постели.

Когда я распахнула глаза, в виски тут же вонзилась сотня раскаленных игл, заставив мир на мгновение поплыть. Но физическая боль быстро отступила перед парализующим осознанием чужого присутствия. Я кожей чувствовала его мощь. Моя щека буквально прилипла к его лопатке, улавливая тонкий, дурманящий аромат дорогого парфюма и мускусную нотку мужского тела. Моя рука — о боже! — по-хозяйски покоилась на его животе, ощущая под пальцами каждый бугорок литого, каменного пресса.

Он спал глубоко и безмятежно, придавив мою ладонь своей огромной пятерней, словно тяжелым дубовым бревном. Его кожа была обжигающей, и это соприкосновение вызывало внутри целую бурю: от леденящего ужаса до предательского, низкого трепета где-то внизу живота.

Закусив губу почти до крови, я начала медленную, из-

нурительную операцию по спасению. Сердце колотилось в горле, рискуя выпрыгнуть из груди при каждом его вздохе. Миллиметр за миллиметром я высвобождала пальцы из его властной хватки, боясь, что этот хищник проснется и потребует продолжения ночи, которую я напрочь стерла из памяти.

Когда мне, наконец, удалось выскользнуть из его объятий, я рывком села, едва сдерживая судорожный всхлип. Комната встретила меня холодным, высокомерным блеском. Минимализм во всем: от отсутствия лишних деталей до строгого подбора фактур. Здесь всё кричало о власти и безупречном вкусе владельца.

Огромный зеркальный шкаф во всю стену напротив кровати стал моим безжалостным зеркалом позора. В нем я увидела свое отражение: растрепанные черные волосы, разметавшиеся по бледным плечам, пылающий лихорадочный румянец на скулах и припухшие от поцелуев губы. Я выглядела как женщина, которую всю ночь любили с неистовой страстью.

Рядом, на смятых шелковых простынях, продолжал спать он — настоящий Аполлон из плоти и крови. Рельеф его мускулистой спины был настолько совершенным, что казался изваянным из мрамора, если бы не мерное движение лопаток. В приоткрытую балконную дверь ворвался резкий порыв утреннего ветра, взметнув полупрозрачный тюль. Ледяной сквозняк мазнул по моей влажной от пота и волнения

коже, и я мгновенно покрылась колючими мурашками.

«Одежда. Мне нужна моя одежда. Сейчас же», — эта мысль пульсировала в висках в такт с глухими ударами сердца. Паника ледяными пальцами сжимала горло, пока я лихорадочно озиралась по сторонам.

Я сползла с кровати, стараясь не потревожить сон мужчины. Кружевное белье обнаружилось прямо под краем кровати — брошенное так, словно его сорвали в порыве дикого, нетерпеливого голода. Моё маленькое черное платье сиротливо валялось чуть дальше, у самого окна, залитого холодным утренним светом.

Дрожащими пальцами я натягивала платье, пока в голове, словно на старой испорченной киноплёнке, вспыхивали и тут же гасли обрывки вчерашнего торжества. Мой день рождения... Помню звон бокалов, неоновый туман клуба и ледяную сладость коктейлей.

А дальше — пугающая пустота.

Черная дыра, сожравшая несколько часов моей жизни. Для человека, который привык держать всё под жестким контролем, этот провал был сродни катастрофе. Моя безупречная выдержка дала трещину, оставив после себя лишь саднящее чувство тревоги.

Застегнув молнию на спине, я на мгновение замерла. Любопытство, смешанное с непонятным трепетом, оказалось сильнее страха — я обернулась, надеясь разглядеть лицо того, кто разделил со мной эту ночь. Но незнакомец уткнулся

в подушки, скрывая черты лица. Всё, что запечатлела моя память: мощный разлет плеч и темная макушка с короткими волосами.

— Ладно, надеюсь, ты хотя бы красавчик, — едва слышно выдохнула я.

Схватив туфли, я босиком выскользнула в коридор, мечтая лишь об одном — исчезнуть из этого логова роскоши до того, как хозяин откроет глаза.

глава 1 «Куратор»

Три месяца — ровно столько я возводила между собой и той ночью глухую стену из отрицания. Каждое утро я методично убеждала себя, что «Аполлон», обжигающий жар его тела и собственническая хватка огромной ладони — лишь красочный галлюциногенный сон, порожденный коктейлями в честь моего дня рождения. Я выстроила новую жизнь по строгому графику, превратив свою работу в тату-салон в подобие медитации.

Мерное, гипнотическое жужжание тату-машинки и резкий, быющий в нос запах антисептика стали моими лучшими союзниками. Они вытесняли из сознания аромат его дорогого парфюма, который, казалось, въелся мне под кожу. Днем я до боли в пальцах прорисовывала эскизы для магистратуры, перенося на бумагу свои страхи и фантазии, а по вечерам до изнеможения забивала чернилами чужую кожу, стараясь не думать о том, как мои собственные пальцы когда-то скользили по рельефному мужскому прессу. В этом безумном мире игл и красок я почти обрела покой и чувство безопасности.

Будильник, безжалостно установленный на восемь утра, не просто подал сигнал — он взорвался внутри моей головы настоящей акустической бомбой. Каждый его механический вскрик отдавался в висках глухими, тяжелыми ударами, словно кто-то методично вбивал сваи в мой несчастный

череп.

Я с трудом заставила себя разлепить веки, но поплатилась за это мгновенно: агрессивные лучи сентябрьского солнца, пробивавшиеся сквозь щель в шторах, вонзились в зрачки десятками раскаленных игл. Мир вокруг поплыл, подернутый болезненной дымкой. Казалось бы, с той сумасшедшей ночи моего дня рождения прошло три месяца, но мое тело упорно отказывалось объявлять перемирие. Каждая клеточка организма всё еще бунтовала, словно до сих пор хранила в себе отголоски той встряски — и речь шла далеко не только о выпитом алкоголе. Внутри всё еще саднило от фантомных прикосновений и того ледящего ужаса, который теперь преследовал меня каждое утро в этой звенящей тишине.

— Всё, Кира. Конец истории. Режим «рок-звезды» аннулирован, — прохрипела я, уткнувшись лицом в подушку. Мой собственный голос был неузнаваем: севший, надтреснутый, словно всю прошлую ночь я не просто спала, а вела яростный спор с самой судьбой.

Целую неделю я занималась ментальным экзорцизмом — методично выжигала из памяти образ спины того мужчины. Но память предавала: едва я закрывала глаза, как фантомное ощущение его тяжелых, властных ладоней на моих бедрах вспыхивало с новой силой. В тату-салоне я работала на износ, буквально живя за машинкой. Три масштабных проекта, десятки часов предельной концентрации на тонких линиях

и тенях — я надеялась, что геометрия эскизов вытеснит из головы совершенную анатомию его тела. Я искренне верила, что победила. Что он остался там, за бронированной дверью той роскошной квартиры, в душном тумане.

Преодолевая ужасную тяжесть в ногах, я буквально сползла с кровати. Тело казалось чужим, неповоротливым механизмом. Сейчас только один путь — в душ. Единственное место, где обжигающие струи воды могли хоть ненадолго вернуть меня в реальность. Я стояла под потоком, зажмурившись до цветных пятен перед глазами, и чувствовала, как горячая вода смывает налет кошмаров.

Дрожащей рукой я провела по запотевшему зеркалу, и отражение заставило меня вздрогнуть. Из глубины стекла на меня смотрела бледная тень: иссиня-черные волосы спутались в невозможные узлы, а в расширенных зрачках светлых глаз застыло лишь одно желание — зарыться обратно в кокон из одеяла и не показываться миру до следующего года.

Но у реальности были на меня свои планы. Сегодня нельзя было просто исчезнуть, даже если бы я была при смерти. Первый день семестра, магистратура и пугающая пустота неизвестности впереди. Я старалась убедить себя в *«новых надеждах»*, но тревожное жжение под ребрами подсказывало: это утро — лишь затишье перед бурей, которая обещает мне проблемы куда более фатального масштаба.

Смартфон на прикроватной тумбочке зашелся в яростной, надрывной вибрации, заставляя дерево жалобно гудеть

в такт моему пульсу. Звук казался физически ощутимым — он бил прямо по оголенным нервам, не оставляя шанса на спасение. Нехотя, я нащупала гаджет и тут же зажмурилась: свет экрана вонзился в глаза, как ледяной клинок.

Лера: *«Кира-а-а! Подъем, грешница! Ты там вообще в сознании? Я уже у ворот Академии, и тут форменное помешательство. Весь женский состав курса в коллективном экстазе из-за нового препода. Девчонки вырядились так, словно у нас сегодня не лекция по анатомии среди запаха пыли и формалина, а кастинг в Victorias Secret».*

Кое-как выбравшись из ванной, я вытерла влажные руки о полотенце. Голова продолжала пульсировать, но я, кривясь от каждого движения, быстро застучала пальцами по стеклу.

Кира: *«Я в состоянии "опасна для общества". Лила в себя ледяную воду, но мой мозг всё еще в коме. О каком еще препода речь? Очередной зануда с одышкой, который будет два часа усыплять нас байками про золотое сечение и античные каноны?»*

Ответ прилетел почти мгновенно. Лера, как всегда, была в самом эпицентре информационного шторма.

Лера: *«Слухи такие, что у половины группы уже влажные ладошки и подгибаются колени. Говорят, он преступно молод, чертовски крут и какой-то признанный гений прямоком из Европы. В общем, бросай хандрить и лети сюда! Я забила нам стратегический пост на галерке — идеальный обзор, всё как ты любишь. И молю, купи мне самый большой*

латте, иначе я усну и эффектно рухну лицом прямо в мольберт!»

Я раздраженно выдохнула и отшвырнула телефон на кровать. «Молодой гений», как же. Очередной заносчивый павлин с дипломом престижного вуза и непомерным эго. Слишком много шума для обычного утра.

Телефон отправился в недра бездонной сумки, где между ворохом блокнотов и перепачканных тюбиков с краской весомо и надежно позвякивал металлический кейс. Тяжесть тату-машинки действовала на меня отрезвляюще. Сегодня после пар меня ждал клиент на сложный контур, и только эта перспектива удерживала меня от того, чтобы остаться дома. Накинув куртку и намеренно игнорируя собственное отражение в зеркале — видеть там следы бессонницы и смятения не хотелось — я вылетела из квартиры. Свежий воздух был моей последней надеждой привести затуманенные мозги в порядок.

Сентябрьское утро встретило меня резким, колючим ветром. Он бодрил, почти обжигая лицо, и это было именно то, что нужно моей раскалывающейся голове. Я шагала по тротуару, жадно впитывая сырые запахи просыпающегося города, пока через пару кварталов почти на инстинктах не толкнула стеклянную дверь крошечной кондитерской **«Корица и Сахар»**.

Внутри мир мгновенно изменился. Здесь царила иная реальность: густой, обволакивающий аромат свежего хлеба,

терпкой корицы и крепкой арабики мягким коконом окутал мои плечи. Этот запах обещал уют и предсказуемость — то единственное, чего мне сейчас катастрофически не хватало в жизни, превратившейся в хаос после той злополучной ночи.

— Привет, Том, — я заставила свои губы растянуться в подобии улыбки, обращаясь к знакомому бариста. Голос предательски подвел: он звучал слишком низко, с той самой интимной хрипотцой, которая теперь всегда напоминала мне о шепоте незнакомца. — Спасай. Мне нужен самый большой латте, который только влезет в стакан. Двойной эспрессо и, ради всего святого, никакой сладости. И еще один для Леры, но туда не желей карамели — она любит, чтобы слипалось.

Том мазнул по мне внимательным взглядом. В его глазах промелькнуло сочувствие, смешанное с легким любопытством, и он понимающе усмехнулся, принимаясь за привычные манипуляции с холдером.

— Ого, Кира. Вид такой, будто ты в одиночку за ночь написала своды Сикстинской капеллы, причем стоя на одной ноге на самых высоких лесах, — подмигнул он под аккомпанемент ожившей кофемашины.

— Почти угадал, — я устало выдохнула и прикрыла глаза, буквально навалившись на стойку. Вибрирующий гул кофемолки и аромат свежего помола действовали как наркоз. — Только вместо фресок были дикие танцы, литры сомнительных коктейлей и фатальное отсутствие здравого смысла. Плюс попытка вспомнить, что я всё еще студентка.

Я замерла, впитывая каждой клеточкой шум пара и уютное шипение взбиваемого молока. В ту секунду я была готова на любую сделку с дьяволом, лишь бы этот день прошел так же гладко и предсказуемо, как темная струйка эспresso, наполняющая чашку. Я еще не знала, что покой закончится ровно в тот момент, когда я переступлю порог Академии.

++++

Я летела по щербатому тротуару, безжалостно убивая свои старые кеды. Подошва то и дело цеплялась за острые края разбитого асфальта, и пару раз я была в миллиметре от того, чтобы эффектно впечататься лицом в дорожную плитку. Но паника, подгоняемая адреналином, гнала меня вперед. На площадь перед главным корпусом Академии я не зашла, а буквально вылетела, резко затормозив у самых ступеней. В ладонях предательски дрожали два картонных стакана, обжигая пальцы и грозя расплескать латте прямо на мои джинсы.

Зрелище перед входом было тем еще тестом на выдержку. Академия напоминала растревоженный муравейник: пафосно украшенный парадный вход тонул в море людей. Первокурсники в своих чересчур накрахмаленных, душащих воротничках выглядели как стайка растерянных пингвинов. Их родители так и брызжали гордостью, перемешанной с заносчивостью, а наши старшекурсники, напротив, вовсю демонстрировали свое превосходство, соревнуясь в том, чей образ выглядит дороже, моднее и максимально циничнее.

Над толпой вязким маревом висел гул сотен голосов, сквозь который напролом прорывалась пафосная, оглушительная музыка. Каждый мажорный аккорд ввинчивался в мой многострадальный череп, словно раскаленный саморез. Голова запульсировала с утроенной силой, а в висках забил набат, возвещая о том, что моя короткая неделя *«мнимого покоя»* официально признана мертвой.

— Ты — моя персональная спасительница! — звонкий, почти победный возглас Леры прорезал монотонный гул толпы, заставив меня вздрогнуть.

Подруга не просто шла — она эффектно выплыла из человеческого моря, виртуозно балансируя на вызывающе тонких шпильках. Глядя на неё, трудно было поверить, что утро для всех началось одинаково: Лера выглядела так, будто только что покинула съемочную площадку глянца. Нарядный приталенный костюм сидел на ней как вторая кожа, бесстыдно подчеркивая каждый соблазнительный изгиб холеного тела, а безупречная укладка и сложный макияж явно стоили ей нескольких часов жизни и железного терпения.

Ловким, едва ли не кошачьим движением она выхватила из моих дрожащих пальцев стакан с карамельным латте. В порыве признательности Лера впечаталась губами в мою щеку, оставив на коже влажный, липкий след дорогой помады и окутав меня приторно-сладким облаком своего шлейфового парфюма.

— Еще пять минут этого парада родительского тщесла-

вия, и я бы просто отключилась прямо здесь, — томно про-
рокотала она, закатив глаза.

Прильнув к пластиковой крышке, она сделала первый
жадный глоток. Лера блаженно зажмурилась, и по её лицу
разлилось такое удовольствие, будто в этом стакане был не
кофе, а эликсир жизни, способный удержать её в этой греш-
ной реальности.

Я молча впихнула ей в руку бумажный пакет. Сквозь
крафтовую бумагу уже проступили масляные пятна от пон-
чика, утопающего в сахарной пудре. На мгновение я была
вынуждена зажмуриться до боли: агрессивное сентябрьское
солнце, рикошета от сотен панорамных окон Академии, пре-
вратило фасад в сплошное зеркало. Этот свет буквально вы-
жигал сетчатку, заставляя виски пульсировать в такт раска-
ленному набату внутри черепа.

— Что за дешевый цирк устроила администрация? —
пробормотала я, поправляя ремень сумки. Весомый звон та-
ту-машинок внутри отозвался в теле приятной тяжестью. —
К чему этот парад пафоса? Мы в творческом вузе или на
приеме в Букингемском дворце?

Лера нехотя оторвалась от латте. Ее взгляд, только что лу-
чившийся кофейным блаженством, медленно прошелся по
мне сверху вниз. С каждым пройденным сантиметром ее
брови взлетали всё выше. Она смотрела на меня так, будто я
была не лучшей подругой, а уродливым пятном мазута, вне-
запно осквернившим белизну ее рубашки.

— Кира, ради всего святого... — она выдохнула это как приговор, ткнув изящным пальчиком с безупречным французским маникюром в сторону моего наряда. — Ты сегодня вообще встречалась с зеркалом? У нас официальный старт года и, на минуточку, знакомство с новым куратором. Это торжественный прием, а не андеграундная тусовка в подвальном салоне. И уж точно не конкурс *«кто надежнее упаковует себя в мешок из-под картошки»*.

Она окинула мой безразмерный оверсайз-свитер взглядом, полным эстетической боли. В этом красноречивом молчании я кожей почувствовала, как мой план *«сдаться в архив и стать невидимкой»* с грохотом проваливается.

Лера сократила дистанцию, вторгаясь в моё личное пространство, и бесцеремонно дернула за край свитера, словно пыталась раскопать под этими слоями трикотажа хотя бы тень той девушки, которую знала раньше.

— Кира, ну это уже за гранью! — в её голосе задрожало искреннее, почти физическое отчаяние. — Что это за мешковина? А под ней еще и эти бесформенные штаны-паруса? У тебя же фигура — чистый секс, а ты упаковала себя так, будто собралась в одиночку красить забор на заброшенной стройке. Ты должна была влететь сюда на шпильках, в юбке, которая балансирует на грани приличия чтобы у нового препода челюсть с грохотом рухнула на паркет при одном взгляде на твои ноги! А вместо этого ты притащила вот это трикотажное недоразумение.

— Лер, оставь меня в покое, мне так комфортно, — я упрямо вскинула подбородок, крепче сжимая остывающий стакан, который уже не грел пальцы. — И вообще, после того «фееричного» финала моего дня рождения, когда я очнулась в чужой постели без малейшего понятия, как там оказалась, я дала себе клятву. Железную. Больше никакого экстремального мини, никаких шпилек-убийц и вообще ничего, что заставляло бы мужиков пускать слюни и оценивать меня как бесплатную добавку к ужину. С меня хватит провокаций на десять лет вперед. Я официально ухожу в режим невидимости и глубокой конспирации.

Лера не выдержала и прыснула, едва не поперхнувшись пончиком; облачко сахарной пудры легкомысленно осело на лацкане её безупречного пиджака. Её смех, звонкий и совершенно неуместный в этой пафосной обстановке, заставил парочку чопорных первокурсников испуганно обернуться.

— Ой, ну я не могу! Святая Кира, покровительница оверсайза! — она изящно смахнула крошку с уголка губ, а в её глазах заплясали откровенно ехидные чертики. — Стоило один раз словить амнезию после ночи с ходячим секс-символом, и ты уже готова принять постриг? Подруга, твоя маленькая «неудачка» с памятью — не повод добровольно замуровывать себя в этот трикотажный кокон и прикидываться серой мышью.

— Я пришла сюда пахать в мастерских, а не вилять бедрами перед кафедрой, — отрезала я, стараясь, чтобы мой голос

звучал максимально безразлично. — И вообще, этот массовый психоз по поводу «*молодого гения*» — дешевый фарс. Чему нас может научить выскочка, который сам еще вчера должен был месить глину на задворках? Уверена, за душой там ни грамма таланта — только папины счета, купленные отзывы и самомнение выше шпиля нашей Академии.

Я сделала внушительный глоток кофе и обвела бурлящую толпу взглядом, в котором сквозило высшее проявление скуки.

— Если мне захочется посмотреть на смазливую мордашку, я открою соцсети. Там, по крайней мере, можно просто закрыть вкладку, когда начнет подташнивать от чужого нарциссизма. Настоящее искусство пахнет потом, мозолями и прожитыми годами, а не дорогим одеколоном и идеально выбритой челюстью, которой он наверняка придет сюда торговать.

Лера зашлась в заливистом смехе, и этот звук, пропитанный искренней иронией, заставил толпу вокруг нас снова вздрогнуть. Она картинно, почти по-дизайнерски, закатила глаза, изображая на лице крайнюю степень мученичества.

— Боже, Кира, ты просто безнадежна в своем занудстве! — воскликнула она, театрально вскинув ладонь к глубокому декольте. — Если ты всерьез планируешь весь финальный курс пытаться меня этим траурно-серым тряпьем и ролью «*кающейся грешницы*», то мне пора искать психолога. Моему чувству прекрасного физически больно на тебя смотреть

— это же форменное преступление против эстетики!

Я лишь пренебрежительно фыркнула, решив, что ее пафосная тирада не стоит даже капли моего красноречия. Мы синхронно, словно по команде, отправили пустые стаканчики в урну, окончательно вытряхивая из себя остатки утреннего оцепенения. Не успела я и глазом моргнуть, как Лера вцепилась в мой локоть своей железной, не по-женски властной хваткой. С целеустремленностью ледокола она потащила меня сквозь плотное человеческое месиво прямо к эпицентру — поближе к импровизированной трибуне, где вот-вот должна была начаться официальная часть этого абсурдного утра.

— Шевелись, Кира! Мы обязаны рассмотреть этот экземпляр под микроскопом, до мельчайшей родинки! — возбужденно выдыхала мне в самое ухо Лера, практически на буксире таща меня за собой. — Ты только вдумайся в масштаб: он не просто залетный лектор, он наш куратор. Это значит, что весь год, до самой финальной точки в дипломе, мы будем под его личным, неусыпным надзором. Ты хоть осознаешь, какая это трагедия... или, наоборот, какой дикий джекпот нам выпал?

Пока мы с боем прорубали путь сквозь плотные, удушливо пахнущие парфюмом ряды, я успела проклясть всё на свете — от своего дня рождения до решения вообще выбираться сегодня из постели. Мои несчастные кеды пару раз стали мишенью для чьих-то острых, как стилеты, шпилек.

Боль прошивала до самого хребта, и я едва подавляла в себе яростное желание вцепиться виновницам в их холеные гривы и устроить здесь показательную бойню. В этом человеческом месиве чьи-то надушенные кудри то и дело лезли мне в рот и липли к губам, перекрывая и без того скудный запас кислорода.

Я чувствовала себя запредельно, почти физически нелепо. Среди этого слепящего парада тщеславия и лоска я в своем нарочитом *«бомж-стайле»* — в бездонном худи и с огрызком карандаша, торчащим из небрежного пучка, — выглядела как грязная деталь, по недоразумению втиснутая в безупречный механизм швейцарских часов.

Пока Лера, едва не дрожа от предвкушения, вытягивала шею и жадным взглядом сканировала толпу в поисках *«гениального трофея»*, я упорно выстраивала вокруг себя стену безразличия. Мои пальцы яростно летали по экрану, выступив ритм раздражения. Камила, мой администратор в салоне, сегодня явно решила испытать на прочность мои нервы и законы физики, прислав такое расписание на завтра, от которого мышцы сводило заранее.

Камила: *«Кир, только не включай стерву! Я впахнула тебе всего четверых. Всё максимально невинно: пара микро-татуировок и два быстрых контура. Разберешься с этим до обеда и даже не вспотеешь».*

Я ядовито фыркнула, чувствуя, как внутри закипает безумное негодование.

Кира: «Конечно, не вспомню. Потому что завтра я приду и буду месить тебя прямо в студии, как кусок сырой глины, за такие сюрпризы», — отчеканила я в ответ, криво усмехаясь своей маленькой мести.

— Да посмотри же ты, слепая курица! Вон он, прямо перед тобой! — Лера с такой силой вцепилась в рукав моего свитера, что смартфон едва не отправился в свободный полет.

Мне пришлось вынырнуть из безопасного мира чернил и графиков.

Я нехотя оторвала взгляд от экрана и уставилась на группу мужчин, вальяжно застывших поодаль от ректора. Глаза резало от ядовитого сентябрьского солнца, и я тщетно пыталась вычислить, в кого именно метит её дрожащий от экстаза палец. Где в этой шеренге холеных хищников затерялся преподаватель? Они стояли там, словно сошли с конвейера по производству элитных самцов: в костюмах по цене крыла самолета, идеально облегающих широкие плечи, с волосами, уложенными волосок к волоску.

На каждом лице, словно клеймо, читалось высокомерие. «Я наследник империи» или, как минимум, «мой парфюм стоит дороже твоего будущего». В этом мареве из тестостерона, самоуверенности и лоска было решительно невозможно понять, кто из них пришел делиться знаниями, а кто — в очередной раз потешить свое эго перед толпой пускающих слюни студентов.

Я скептически прищурилась, пытаюсь отыскать в этой глянцевої шеренге хотя бы тень интеллекта или творческой глубины, но видела лишь безупречные узлы галстуков и ослепительно белые манжеты рубашек, выглядывающие из-под дорогих рукавов.

— Лер, серьезно, это парад моделей, а не кафедра, — пробормотала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Который из этих павлинов наш куратор? Я вижу только ярмарку тщеславия.

Я раздраженно опустила глаза обратно в телефон, где Камила уже строчила ответные колкости.

— Здесь все выглядят так, будто их только что извлекли из подарочной упаковки с этикеткой «*Типичный мажор*». Лощеные, пустые и до тошноты одинаковые. Ткни пальцем в своего «*гениального мальчика*», чтобы я знала, чьи лекции буду со спокойной совестью просыпать.

++++

Я, верная своей многолетней привычке, умудрилась проспать и прослушать всё самое судьбоносное. Пока телефон сиротливо грелся в кармане, мой мозг работал в режиме экстренной перезагрузки. Толпа студентов, напоминающая стайку дезориентированных мальков, послушно потянулась вслед за наставниками к массивным дверям Академии. Я же замерла, кожей чувствуя, как привычная реальность идет глубокими трещинами и осыпается пеплом мне под ноги.

Мы с Лерой, по старой доброй традиции, плелись в самом

хвосте группы, выстраивая невидимую стену между собой и остальным миром. Но стоило мне сделать шаг к входу, как на моё плечо с размаху обрушилась рука Костика — тяжелая, бесцеремонная и неумолимая, словно чугунная плита. От этой внезапной атаки и его специфического «*дружеского*» давления я едва не осела на щербатую брусчатку, лишь чудом удержав равновесие.

Костик был тем самым типом парней, которые застревают в твоей жизни, как старая жевательная резинка на подошве — избавиться невозможно, да и вроде как привык.

Наше «*трио*» сформировалось душным летом в лагере «*Лесной бор*», когда нам было по двенадцать. Пока остальные девочки плели венки, мы с Лерой и Кости́ком организовали «*Биологический исследовательский центр*» за четвёртым корпусом. Суть исследований была проста и жестока: мы ловили жирных жаб у пруда и соревновались, кто запихнет им в пасть больше дохлых мух. Костик тогда был тощим, вечно ободренным пацаном в растянутой майке, но уже тогда в нем проснулся талант лидера — он всерьёз уверял нас, что так мы помогаем лягушкам «*набрать массу*» перед зимой.

В том же лагере он притащил нас в старый спортзал. Там висели тяжелые, пахнущие пылью и застарелым потом боксерские груши. Костик, нацепив перчатки, которые были ему по локоть, изо всех сил молотил по ним, изображая Рокки Бальбоа, а мы с Лерой честно старались не отставать, отбивая кулаки в кровь. А по вечерам были бесконечные пар-

тии в настольный теннис. Костик играл грязно: подрезал мячи, отвлекал нас дурацкими шутками и дико орал, когда выигрывал, вскидывая ракетку как кубок чемпионов.

С тех пор прошло много лет. Костик раздался в плечах, обзавелся тяжелой челюстью и еще более тяжелым чувством юмора, но для нас он так и остался тем пацаном с мухами и лягушками. Он был единственным человеком, при котором можно было не притворяться *«будущим великим художником»* или *«светской львицей»*. Он знал нас настоящими — пахнувшими речной тиной и пылью спортзала.

Именно поэтому сейчас, когда он едва не впечатал меня в асфальт своим *«приветствием»*, я не разозлилась по-настоящему. Это был наш Костик. Шумный, тактильный и абсолютно свой.

— Привет, Ардова! — его громовой бас бесцеремонно ворвался в мои мысли, заставляя вздрогнуть. — Что, уже в первый день передоз восторгом схватила? Бледная какая-то... Опять до рассвета в своем тату-логове чернила бодяжила, пока зрочки в кучу не съехались? — он залиvisto, на всю площадь, заржал, по-хозяйски прижимая меня к себе и впиваясь в мое плечо локтем.

В ту секунду я готова была провалиться в преисподнюю, лишь бы избавиться от этого навязчивого веса и его самоуверенного гогота. Он мешал мне дышать и, что хуже всего, мешал высмотреть в толпе того, кто застыл на ступенях Академии.

Реакция Леры была мгновенной. Словно разъяренная фурия в дизайнерском пиджаке, она бросилась на амбразуру, пытаясь отбить мою «хрупкую» персону у этой горы неотесанных мышц. Эти двое жили в режиме перманентной войны, напоминая классическую стычку кошки с собакой. Их вечные перепалки, искрящие взаимным раздражением, давно превратились в привычный саундтрек моей жизни. И это зрелище, как всегда, балансировало на грани: оно бесило меня своей предсказуемостью и одновременно дико забавляло, заставляя хоть на мгновение забыть о собственном раздрае.

— Убери свои клешни, животное! — прошипела Лера, с размаху вонзая острый локоть Костику под ребра. — Не смей осквернять её своими грязными лапищами! Что ты приклеился к ней, как банный лист? Иди найди себе пессию под стать своему одноклеточному интеллекту. Твои руки приспособлены только для того, чтобы в носу ковырять, а на нашем курсе такие «дарования» — это балласт!

Костик в ответ лишь выдал очередной приступ громогласного хохота, сверкнув ровными зубами, и даже не подумал ослабить хватку. Напротив, он с удвоенным рвением сжал мое плечо, по-хозяйски пригибая меня к себе и встряхивая так, словно я была его старым боевым товарищем, с которым он прошел все зланные места города.

— Остынь, Лерка, не брызгай ядом, — он снова ощутимо толкнул меня, едва не выбивая из легких остатки воздуха. — Кирюха — свой человек, она на правду не обижается.

Слышь, малая, ты нашего нового цербера видела? Говорят, мужик лютый, спустит с нас три шкуры и фамилию не спросит. Но прикид на нем дьявол, этот костюм точно стоит дороже, чем моя левая почка на черном рынке.

++++

Мы ввалились в прохладный холл Академии, где эхо наших шагов мгновенно утонуло в низком гуле сотен голосов. Костик, не затыкаясь ни на секунду, продолжал виснуть на моем плече, будто я была его персональным костылем в этом «храме искусства».

— Да кому твоя почка сдалась, Кость? Она же у тебя наверняка в пятнах и безнадежно пропитана тем суррогатом, который ты в себя вливаешь каждые выходные, — Лера насмешливо фыркнула, поправляя выбившуюся из идеальной укладки прядь. — Уверена, ее даже бездомному коту побрезгуют пересадить.

Она резко развернулась ко мне, и ее глаза опасно блеснули.

— А препод Господи, Кира, ты видела этого мужчину? Тридцать лет — чистый концентрат тестостерона. Идеальный баланс между хищной молодостью и уже взрослой мужской мощью. Высокий, статный. А эта рубашка? Кажется, она сейчас просто лопнет по швам на его развернутых плечах. Ты видела его руки?

Лера мертвой хваткой вцепилась в мой локоть, сжимая его в каком-то лихорадочном экстазе. Мы медленно втягивались

вглубь здания, пропахшего вековой пылью и свежей краской.

— По ним же вены струятся, как рельефные реки на карте! — продолжала она восторженно шипеть мне прямо в ухо. — Сразу видно — руки запредельно сильные, привыкшие подчинять себе камень или что-то гораздо более нежное и податливое.

Она блаженно закинула голову и рвано выдохнула, словно в холле внезапно выкачали весь кислород.

— Уверена, он этими своими пальцами мастера может за считанные секунды довести любую женщину до орга...

— Лер, ну хватит! — я громко прыснула, едва не поперхнувшись остатками кофе. — Заткнись, ради всего святого! Ты сейчас зальешь слюнями всю парадную лестницу, а нам по ней еще год ходить.

Я продолжала «фукать» на неё, стараясь изобразить высшую степень возмущения.

— Чего ты «фукаешь»? — Лера обиженно надула свои идеально накрашенные губы, но в её глазах продолжали плясать похотливые искры. — Скажи ещё, что не оценила, какой он горячий. Ты же художница, Ардова! Ты обязана преклоняться перед идеальной анатомией. А там, там анатомия просто греховная.

— Я предпочитаю анатомию в гипсе, а не в кураторах, — огрызнулась я, чувствуя, как лицо обдаёт жаром, который невозможно списать на духоту в холле.

Костик, который всё это время шел рядом, снова оглуши-

тельно заржал и попытался навалиться на меня ещё больше всей своей массой.— Слышь, Лерка, ты бы потише со своими влажными фантазиями. А то наш «Аполлон» услышит и выставит тебя за дверь за нарушение температурного режима. Глянь, как Кирюха вспыхнула! Даже этот безразмерный чехол не скрывает её праведного гнева.

— Да хватит вам! — отрезала я, наконец с силой сбрасывая тяжелый локоть Костика со своего плеча. — Я так и не разглядела в этой толпе вашего хваленного куратора и уж точно не собираюсь сейчас вытягивать шею, как голодный гусь, выискивая его среди макушек.

Я поправила сумку, чувствуя, как внутри нарастает раздражение вперемешку с вибрирующей тревогой. Пока Лера продолжала восторженно сканировать пространство, я упрямо сверлила взглядом широкие спины впереди идущих студентов.

— Зайдем в аудиторию, сядем на свои места, и тогда я посмотрю на это ваше *«чудо природы»*, — проворчала я, натягивая рукава свитера на самые пальцы, чтобы скрыть их дрожь. — Уверена, он и вполонину не так хорош, как вы тут расписываете, пуская слюни на его шмотки и вены. Обычный парень с хорошим пиаром. Полгода — и вы сами будете выть от его завышенных требований и нудных лекций. Помните моё слово.

Мы зашли в аудиторию шумной, бесформенной массой, мгновенно пропитав пространство привычным хаосом:

дерзким хохотом, обрывками сплетен и звоном брошенных на столы сумок. За три года эти стены превратились для нас в нечто большее, чем просто лекционный зал — они стали нашим убежищем, безопасным коконом, где мы чувствовали себя абсолютными хозяевами. Здесь каждый скол на старом паркете и каждая пылинка, медленно кружащая в лучах утреннего солнца, были знакомы до боли, до последнего миллиметра.

Однако стоило мне переступить порог, как по телу пробежал странный холодок. Я невольно замерла, сбитая с толку резкой переменой атмосферы. Привычный мир неуловимо исказился, и это заставило мое сердце пропустить удар, а затем сорваться в безумный ритм. Я кожей почувствовала: прежние правила игры больше не действуют. Декорации сменились, и то, что ждало меня впереди, явно не собиралось вписываться в мою уютную студенческую реальность.

Привычный лабиринт из массивных парт, за которыми мы годами оттачивали искусство маскировки от преподавательских глаз, исчез. Пространство мастерской перекроили на новый лад: теперь по залу строгим, властным полукругом выстроились высокие мольберты, а рядом с ними примостились одиночные столики — персональные клетки для каждого из нас. Студия стала просторной и залитой беспощадным светом. Теперь ты не просто студент, ты — объект на ладони, выставленный на всеобщее обозрение, словно натурщик на подиуме.

— В центр, живо! Пока козырные места не разобрали! — лихорадочно выдохнула Лера, переходя на ультразвук.

Она мертвой хваткой вцепилась в мою сумку и, словно таран, начала прокладывать путь сквозь толпу, безжалостно работая острыми локтями. Я плелась следом, чувствуя, как внутри просыпается зуд — почти физическая потребность впиться пальцами в уголь и выплеснуть на холст всё смятение, что душило меня последние дни. Мне было плевать на престижность места; я просто хотела, чтобы меня оставили в покое и не нарушали мои границы, которые и без того были растоптаны.

Но мечты о покое разбились о плечо Костика. Он, с грацией медведя и наглостью старого поделщика, по-хозяйски придавил меня своим весом, игнорируя все мои попытки освободиться. С грохотом он приземлился на стул слева, в то время как Лера уже триумфально оккупировала место справа.

— Костя, ты когда-нибудь отлепишься от неё? — ядовито прошипела Лера, перегибаясь через планшет, чтобы испепелить его взглядом. — Кира — птица совсем другого полета. Она для тебя — недостижимый космос, так что побереги свои слюни.

Костик лишь самодовольно хмыкнул, пропуская её яд мимо ушей. Напротив, он с азартным вызовом наклонился к самому моему уху и, обдав меня жарким шепотом, нагло подмигнул: — Это она просто ещё не видела меня без одежды,

Ардова. Поверь профи: как только это случится, твоё мнение о моих талантах изменится радикально.

Я едва сдержала стон, закрывая лицо ладонью. Внутри закипала обжигающая лава раздражения. Мне стоило титанических усилий не поддаться искушению и не проверить прочность его черепа моим тяжелым металлическим пеналом.

Лера взорвалась звонким, почти издевательским хохотом. В её взгляде читался такой неприкрытый скепсис, что любому на месте Костика стало бы не по себе.

— И чем же ты собрался нас впечатлять, Кости? — она ядовито прищурилась. — Экспонаты вроде твоего «*достояния*» мы в овощном отделе пачками видим. Нашел чем хвастаться.

Костик мгновенно пошел багровыми пятнами, задохнувшись от возмущения, но выдать ответную колкость не успел. Гул в аудитории захлебнулся на полуслове, будто кто-то невидимый разом перерезал все звуковые провода.

Дверь перед нашими лицами захлопнулась. В этой звенящей пустоте сухой, властный щелчок замка прозвучал подобно выстрелу. Куратор демонстративно провернул ключ, запирая нас внутри, и этот жест заставил мои внутренности сжаться от необъяснимой тревоги.

Зачем?

Чтобы мы не смогли дезертировать, когда его взгляд станет невыносимым, или чтобы скрыть от посторонних глаз

тот хаос, который он собирался здесь учинить?

Он направился к кафедре — медленно, с опасной, хищной грацией, которую не в силах был спрятать даже безупречно сидящий костюм-тройка. Каждый его шаг по старому паркету отзывался во мне глухими ударами сердца. Он не просто шел — он метил территорию, заявляя права на каждого, кто находился в этой комнате. И на меня в том числе.

Тяжелый кейс из черной кожи опустился на полированную поверхность стола с глухим, почти зловещим стуком. В ту же секунду по рядам пронесся коллективный вздох — десятки девушек выдохнули синхронно, словно по команде, а кто-то из особо впечатлительных не сдержал едва слышный, томительный стон. Это было похоже не на приветствие, а на добровольную капитуляцию перед врагом.

Я же демонстративно уставилась в недра своего пенала. С какой-то маниакальной, болезненной тщательностью я принялась перебирать карандаши и ластики, будто от их идеального расположения зависело мое спасение. Глупо было отрицать очевидное: его внешность была не просто притягательной, она была порочно, вызываяще совершенной. Чистый яд, облаченный в безупречную форму. Но я упорно отказывалась принимать тот факт, с какой пугающей легкостью все женщины в этой комнате рассыпались в прах, едва коснувшись его тяжелого, пронзительного взгляда.

В моих глазах он не был божеством — лишь очередным атлетичным мужчиной с раздутым самомнением и эго, кото-

рое, кажется, имело собственный VIP-счет в швейцарском банке. В этом безупречном темно-синем костюме-тройке, который хищно облекал мощный разворот плеч и узкие бедра, он казался акулой бизнеса, по ошибке заплывшей в наши тихие заводи, пропахшие масляной краской. Всё в нем — от хрустящих белоснежных манжет до математически выверенного уголка платка в кармане — транслировало идею абсолютного, удушающего контроля.

— Ну что, Кира? На таком расстоянии уже не отвертишься, разглядела? — Лера склонилась ко мне так близко, что я почувствовала приторную сладость её карамельного латте. Её глаза подернулись мутной пеленой жадного, неприкрытого вожделения. — Только рискни вякнуть, что он не Аполлон, сошедший на землю.

— Да что там изучать-то? — проворчала я, продолжая с маниакальным упорством выстраивать карандаши по росту, лишь бы не поднимать взгляд. — Лишних конечностей не наблюдаю. Обычный самец, просто упакованный в запредельно дорогой глянец. Ничего такого, из-за чего стоило бы терять самообладание.

Лерка с силой шлепнула меня по запястью, и мой ластик со стуком улетел под стол.

— Какая же ты непрошибаемая, Ардова! Тебе предлагают прикоснуться к шедевру, а ты ковыряешь щепки в раме, — прошипела она. — У тебя в груди не сердце, а кусок гранита. Только представь: выставить его сейчас на подиум В пол-

ный рост. Без единого лоскута ткани на этом греховном теле. Я бы каждый бугорок его пресса прорисовывала часами, до потери пульса.

— И как только аудитория опустеет, остаться на «*дополнительные занятия*»? — вклинился Костик, расплываясь в сальной, многозначительной ухмылке. — Плавали — знаем, к чему ведут ваши художественные порывы.

— Знаешь что? От такого спецкурса я бы точно не отказалась! — дерзко парировала Лера, задорно подмигнув ему.

Но закончить мысль ей не дали: туго скрученный бумажный снаряд прилетел ей точно в переносицу.

— Эй! — она вскинулась, прикрывая ушибленное место и метая молнии в соседа. — Я тебе руки по локоть вырву, Андрей! Придурок!

— Слюни подбери, — донесся ленивый, издевательский смешок рядом с Лерой. Андрей даже не соизволил обернуться, продолжая что-то чертить. — А то под твоим местом уже лужа вожделения растекается. Нам тут только потопа не хватало для полного счастья.

Градус напряжения в аудитории пробил критическую отметку, и дело было вовсе не в спёртом воздухе или забитой вентиляции. Атмосфера буквально искрила. Женская половина курса, обычно неуправляемая и острая на язык, превратилась в стайку загипнотизированных кроликов: девчонки замерли, не в силах отвести затуманенных взглядов от этого «*хищника*» в безупречно сидящей «*тройке*». В то же

время мужская часть группы буквально закипала от ядовитой злобы.

Парни сидели, демонстративно скрестив руки, их лица перекосило от желчи, будто каждому в рот разом впихнули по лимону. Их уязвленное эго можно было понять. Три долгих года они кропотливо выстраивали иерархию местных «*альфа-самцов*», оттачивая примитивные стратегии по завоеванию женского внимания и штурму кружевных крепостей. Они привыкли чувствовать себя королями этого творческого болота, местными богами в косухах и с дерзкими ухмылками.

И тут в их личную резервацию бесцеремонно вторгся он. Одним лишь своим присутствием этот мужчина превратил их многолетние потуги в дешевый балаган. На фоне его подавляющей, зрелой силы и холодного аристократичного лоска наши «*герои*» мгновенно превратились в неотесанных, косолапых подростков. В воздухе пахло грозой и негласным мужским противостоянием, в котором у моих одноклассников не было ни единого шанса на победу.

Завершив пугающий ритуал раскладывания своих вещей — холодных стальных ручек и кожаного гроссбуха, — куратор выпрямился. В этот миг аудитория погрузилась в такую вакуумную тишину, что шелест пылинок в косых солнечных лучах казался оглушительным.

Он взял журнал так, словно это было оружие, и неспешным шагом хищника вышел в центр нашего круга. Его взгляд

— стремительный и режущий, как ледяной клинок, — прошелся по рядам. Он не смотрел на нас как на людей; мы были для него лишь бесформенными кусками глины, едва намеченными эскизами, которые еще предстояло проверить на прочность. В этом безразличном осмотре сквозило высокомерное превосходство.

— Меня зовут Марк Левицкий. Для вас — Марк Владимирович, хотя я не сторонник пустых формальностей, — его голос, глубокий, бархатистый баритон с вибрирующими низами, прошелся по моим оголенным нервам, точно смычок по туго натянутым струнам.

— С сегодняшнего дня я ваш наставник и куратор на финальный год.

Короткая пауза заставила воздух вокруг меня наэлектризоваться.

— Это значит одно: любые ваши провалы, творческие тупики или сугубо личные вопросы отныне проходят только через меня. Мои двери открыты, — он обвел притихший зал властным взглядом, — но только для тех, кто готов сдирать кожу в кровь ради результата. Слабакам здесь не место.

Он сократил расстояние между нами всего на шаг, но этого хватило, чтобы я оказалась в плену его аромата. Я невольно глубоко вдохнула, позволяя его запаху заполнить мои легкие: терпкая, дорогая кожа, едва различимая горечь элитного табака и леденящий, металлический аккорд озона, какой бывает в воздухе перед самым началом грозы. Этот аромат

вытеснил привычную вонь растворителей и красок, заставляя мой пульс сорваться в безумный ритм.

— С этого дня, — его баритон, казалось, вибрировал прямо в моих костях, — вы забудете всё, чему вас учили раньше. Всю эту пыльную академическую шелуху, застывшие каноны и мертвые правила. Оставьте этот мусор тем, кто боится жить. Здесь, в этих стенах, мы будем создавать иную реальность. По моим правилам. Я не стану пытаться вас бесконечными лекциями, хотя теория — это то неизбежное зло, которое нам всё же придётся переварить, — в его голосе внезапно прорезалась вкрадчивая, почти хищная мягкость. — Наш путь — созидание. Но сразу расставим точки над «i»: это творчество будет жёстким, честным до боли и лишённым всякой глянцевої мишуры.

Марк Владимирович на мгновение замолк, сканируя аудиторию тяжёлым взглядом.

— Для каждого из вас я составлю индивидуальное испытание. Это будет ваша лакмусовая бумажка. Я намерен выяснить, кто из вас способен создать нечто стоящее, а кто — лишь бездарный потребитель дорогой бумаги и моего личного времени.

Я почувствовала, как Костик рядом со мной подобрался и выпрямил спину, а Лера и вовсе перестала дышать, замороженная его силой.

— Сегодня мы ограничимся теорией и обсудим план нашего штурма на неделю. Мне нужно понять, как вы поведё-

те себя в условиях абсолютной свободы, когда у вас отберут привычные академические костыли и шаблоны.

Он резко оборвал фразу. Тишина в зале стала настолько густой, что её можно было почувствовать кожей. И именно в этот момент он позволил своему взгляду сорваться с толпы и с пугающей точностью пригвоздить меня к месту. Его глаза — тёмные, бездонные, пылающие обещанием — буквально опалили меня. По позвоночнику ударила жаркая волна, а ладони мгновенно стали влажными. Это не был взгляд куратора. Это был взгляд мужчины, который нашёл свою добычу и не собирался её отпускать.

— Перейдём к перекличке, — обронил он, и его баритон стал на тон ниже, заставляя воздух в моей груди вибрировать. — Мне нужно услышать голос каждого.

Куратор методично зачитывал список, и каждая девица в зале, казалось, превращала свой отклик в короткий, но страстный перформанс. Одна кокетливо мурлыкала «здесь», зазывно стреляя взглядом, другая едва не кланялась в невидимом реверансе, третья выдыхала своё присутствие так томно, будто это было не формальностью, а интимным признанием. Предсказуемое до тошноты зрелище — коллективная охота на породистого самца началась.

— Кира Ардова, — на моей фамилии его голос обрёл особую тяжесть, вибрируя где-то на грани слышимости.

В отличие от остальных, я даже не соизволила поднять головы. Мои пальцы были заняты куда более осмысленным де-

лом: я с остервенением мяла кусок клячки, превращая его в идеальный шар, чтобы через секунду с силой расплющить в бесформенную лепёшку. Моё холодное равнодушие не было игрой — этот человек был для меня лишь очередным досадным барьером на пути к цели, и я не собиралась дарить ему даже искру своего внимания.

— Тут, — отрезала я, даже не потрудившись приправить ответ дежурным *«Марк Владимирович»*. Голос прозвучал сухо и ровно, без того подобострастного трепета и кокетливых пауз, которыми его только что осыпали однокурсницы. Никаких спецэффектов, только констатация факта: я — просто единица в его списке, он — досадная неизбежность этого учебного года.

В мастерской тут же повисла пауза. Он не спешил называть следующую фамилию, словно мой лаконичный ответ стал для него неожиданным препятствием. Я физически ощутила, как его взгляд — лишенный всякой деликатности — впился в меня. Он препарировал меня взглядом так, будто я была не живой девушкой, а сложнейшим, хаотичным натюрмортом, который никак не желал подчиняться его композиции. Это молчание затягивалось, становясь вызывающим, почти интимным, заставляя воздух вокруг нас гудеть от напряжения.

«Ему что, мое имя поперек горла встало? Или голос недостаточно мелодичен для его элитного, тонкого слуха?» — пронеслось в голове с изрядной долей яда.

Но уже через секунду он едва заметно моргнул, и на его породистое лицо мгновенно вернулась прежняя маска — холодная, непроницаемая броня профессионала. Куратор сухо, с каким-то затаенным ожесточением черкнул что-то в журнале и продолжил список, словно этого минутного сбоя в системе и не существовало.

«Да и больно надо, павлин нахохленный, — подумала я, с удвоенным усердием возвращаясь к терзанию несчастного ластика. — Дорогой костюм и надменный вид еще не делают тебя богом, какими бы перьями ты тут ни тряс перед толпой восторженных студентов».

Для меня он оставался лишь очередным этапом в затяжном марафоне учебы — просто функцией, человеком, который обязан поставить зачет и исчезнуть. Если этот Левицкий всерьез полагал, что статус куратора и хищная харизма заставят меня трепетать, то он явно ошибся адресом. Я пришла сюда за дипломом, а не за сомнительными интрижками, какими бы многообещающими ни казались его плечи под этой безупречной рубашкой.

Марк

"Искусство никогда не было для меня хобби или просто способом самовыражения. Это был мой осознанный выбор, мой личный алтарь, на который я положил годы жесткой дисциплины и работы на износ. Я привык относиться к своему делу с серьезностью: если ты берешь в руки кисть

или резец, ты должен быть готов вывернуть свою душу наизнанку. Иначе это не творчество, а дешевая имитация.

Решение взять кураторство над выпускным курсом было для меня очередной ступенью, логичным этапом в карьере. Я шел в Академию с четким планом: выжать из этих ребят максимум, отсеять посредственность и, возможно, найти пару неограниченных алмазов. Я знал, что меня ждет. Знал этот лихорадочный блеск в глазах студенток, их старательно выверенные наряды, шлейфы парфюма и кокетливые «здесь», произнесенные с придыханием. Я привык к этому вниманию, оно было частью рутины, фоновым шумом, который я научился мастерски игнорировать.

Пока не увидел её.

Она сидела на среднем ряду и выглядела как серая, почти незаметная мышь, каким-то чудом затесавшаяся в этот парад тщеславия и элитного лоска. Нарочито небрежная одежда, безразмерный свитер, скрывающий фигуру, и обычный графитовый карандаш, небрежно воткнутый в растрепанный пучок вместо заколки. Весь её облик кричал о желании исчезнуть, раствориться в тенях мастерской.

Но больше всего меня ударило её равнодушие.

Когда я произнес её имя, она не вскинула голову, не попыталась поймать мой взгляд, как делали остальные. Она даже не сочла нужным оторваться от своего ластика, который с остервенением терзала тонкими пальцами. Её «тут» прозвучало настолько сухо и безжизненно, словно я был не

куратором, а назойливой мухой, мешающей ей думать.

Это было не просто отсутствие интереса. Это был вызов, брошенный мне в лицо без единого слова. Она не считала меня достойным своего внимания. И, черт возьми, это задело меня гораздо глубже, чем я готов был признать даже самому себе. Под маской профессионального спокойствия внутри всколыхнулась волна необъяснимого, темного азарта.

Я медленно опустил взгляд в журнал и сделал жирную пометку карандашом напротив фамилии «Ардова». Костяшки пальцев побелели от того, с какой силой я сжал края переплета.

Эта девочка думает, что сможет спрятаться за своим оверсайзом и напускной холодностью? Ошибаешься, Кира. Теперь ты — мой личный проект. И я не успокоюсь, пока не сорву все эти слои, пока не разгадаю, что скрывается за этим колючим взглядом, который ты так старательно прячешь. Я заставлю тебя смотреть на меня. Даже если для этого мне придется превратить твой выпускной год в персональный ад или в самое яркое откровение в твоей жизни."

глава 2 «Чернила под кожей»

— Лер, я серьезно: еще одно упоминание фамилии «*Левицкий*», и я за себя не ручаюсь. Клянусь, я вылью этот ледяной смузи прямо на твой безупречный лацкан, — я со стоном откинулась на спинку дивана, чувствуя, как мягкая обивка поглощает мою усталость.

В висках пульсировало — полтора часа в душной мастерской под этим препарирующим взглядом выпили из меня все силы. Мы забились в «**Арт-Паузу**» — крошечную кофейню, спрятанную в тени стен Академии. Это было наше стратегическое логово, где воздух пах свежесваренной арабикой и теплой выпечкой, а не жженой сангиной и запредельным, удушающим эго нашего нового куратора.

— Да что я такого сказала? Я просто называю вещи своими именами! — Лера с лихорадочным рвением терзала ложечкой несчастный фарфор, и этот звон бил мне прямо по натянутым нервам. В её глазах всё еще полыхал нездоровый огонь, вспыхнувший в миг, когда Левицкий переступил порог. — Ты видела этот взгляд, Кира? Когда он читал твою фамилию, у меня по коже слоны пробежали, а не мурашки! А этот фокус с ключом? Это был не просто жест, это был чистый секс.

— Это была атмосфера колонии строгого режима, Лер, не путай жанры, — отрезала я, уставившись в окно на колы-

шущее море студентов. — Он типичный нарцисс, который ловит почти физический оргазм от осознания своей власти над нами.

Нашу хрупкую идиллию бесцеремонно раздавили. К столу развязной походкой подрулил Андрей — «*снайпер*», что пол-урока упражнялся в меткости, обстреливая нас бумажными снарядами. Без тени сомнения он втиснулся на диван рядом со мной, едва не смахнув мой смузи, и по-хозяйски закинул руку на спинку, едва не касаясь моего затылка.

— Что, девчонки, препарируете нашего нового диктатора? — он выдал свою фирменную ухмылку с ямочкой, от которой первокурсницы обычно падали в обморок. Андрей был чертовски хорош собой, но его самоуверенность отдавала патологией. — Говорят, он в Европе такие перформансы устраивал, что критики до сих пор в шоке. Мужик — чистый кремьень, об него зубы в крошку стереть можно. Кирюха, а ты сегодня знатно дала ему под дых своим ледяным игнором. Видала, как у него желваки заходили, когда ты буркнула своё «*тут*»? Это было красиво.

— Я не обязана перед ним расстилаться и строить глазки, — я сделала глубокий, почти жадный глоток ледяного смузи, наслаждаясь тем, как морозный вкус обжигает горло. — Он обычный человек из плоти и крови, Андрей. Просто его рубашка стоит дороже твоего хваленого байка, вот и вся разница.

С Андреем нас связывало нечто большее, чем просто об-

щие лекции по живописи. Нас связывал запах жженой резины, свист ветра в ушах и адреналин, который заставлял зрачки расширяться до предела. Мы познакомились еще на первом курсе, когда я, вся в краске и ссадинах, вкатила свой потрепанный байк на задний двор Академии. Он тогда просто стоял там, прислонившись к своему спортивному монстру, и лениво пускал дым в небо.

— Переливает, — бросил он тогда, даже не глядя на меня. — И цепь подтяни, если не хочешь оставить свои красивые ноги на асфальте.

С того дня мы стали частью одной стаи. Андрей был парнем, который мог в три часа ночи сорваться с места, если я звонила и говорила, что «*мой конь*» заглох посреди пустой трассы. Он был чертовски хорошим механиком: когда он возился с моим мотоциклом, его руки — всегда перепачканные в масле, с содранными костяшками — двигались с такой уверенностью и силой, что я невольно засматривалась. В эти моменты он не был заносчивым «*снайпером*» из аудитории; он был частью механизма, понимающим металл лучше, чем людей.

Иногда мы гоняли по ночному городу, когда улицы превращались в серые ленты, а огни фонарей сливались в одну золотую нить. В нашей компании любителей скорости Андрей считался одним из самых безбашенных, но рядом со мной он всегда сбавлял газ, держась на дистанции вытянутой руки — словно охранял мой фланг.

Он не раз пытался перевести наши отношения в другую плоскость. Бывали моменты в гараже, когда он, вытирая руки ветошью, подходил слишком близко. В воздухе пахло бензином и его резким парфюмом, а его взгляд становился опасно темным.

— Ой, да не слушай ты её, — влезла Лера, бесцеремонно прерывая попытки Андрея вклиниться в моё личное пространство. — Наша Кира забаррикадировалась в танке под двойным слоем брони. После того фееричного дня рождения она вообще ушла в глухую завязку: никакой памяти о ночных подвигах, никаких чувств и — боже упаси! — ни капли интереса к опасным и породистым самцам. Истинная монашка, только вместо четок у неё тату-машинка.

Андрей заинтересованно качнулся вперед, втискиваясь в мое личное пространство так нагло, что я кожей почувствовала исходящий от него жар. Его губы оказались в пугающей близости от моего плеча.

— Серьезно, Ардова? Прямо-таки девственно чистый лист памяти? — в его голосе прорезались низкие, интимные нотки, от которых обычно тают первокурсницы. — Слушай, может, тебе нужна грамотная *«перезагрузка»*? Я знаю одно злачное место, завтра там будет по-настоящему горячо, как раз в твоём стиле.

Я почувствовала, как в груди тяжелой, удушливой волной закипает ярость. Сначала медвежьей нежности Костика, теперь этот дешевый флирт Андрея. Почему они все решили,

что имеют право бесцеремонно лезть мне под кожу и копать-ся в моих секретах?

— Андрей, — я медленно, с пугающей расстановкой повернула голову, впиваясь в него взглядом, способным заморозить ад. Голос звучал почти шепотом, но в нем отчетливо слышался лязг стали. — Если ты сию секунду не уберешь свои конечности и не захлопнешь рот, я лично набью тебе тату прямо на лбу. Этим самым карандашом. Поверь, я буду давить так сильно, что ты запомнишь этот *«сеанс»* на всю оставшуюся жизнь.

Он коротко, по-мужски усмехнулся, оценив мою ярость, но руку всё же убрал, возвращая мне глоток свободы.

— Ладно-ладно, Ардова, остынь. Ты сегодня просто оголенный провод под напряжением, — он примирительно вскинул ладони. — Но, между нами, Левицкий с тебя глаз не сводил всю пару. Он препарировал тебя взглядом, как рентген. Скажи честно, что ты там такое изобразила на холсте, что наш *«ледяной король»* едва не забыл, как дышать, когда проходил мимо твоего места?

— Ничего особенного, — максимально сухо отчеканила я. — Просто анатомический набросок, Андрей. Ничего, что могло бы тебя заинтересовать.

Лера хитро прищурилась. В её глазах вспыхнула искра, не сулившая мне ничего хорошего. Но лавина вопросов сорвалась, так и не успев обрушиться. Мой телефон, брошенный на стол, надрывно забился в вибрации. Экран вспыхнул, вы-

свечивая уведомление из общего чата группы, которое мгновенно превратило уютный гул кофейни в звенящую тишину.

«Завтра, 09:00.

Явка строго обязательна. Мастерская 402. Начинаем цикл индивидуальных разборов. Ардова — первая по списку.

Куратор М.В. Левицкий».

— Ну всё, приплыли, — Андрей выдал залиvistый свист, бесцеремонно втискиваясь в мой экран. На его лице расплылась ехидная, почти плотоядная ухмылка. — Похоже, Кирюха, твоя *«простая анатомия»* зацепила нашего куратора куда сильнее, чем ты тут пытаешься нам скормить. Желаю удачи. Судя по тону босса, завтра он намерен препарировать твою душу лично, причем без всякого наркоза.

— Это просто бред какой-то, — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё клоочет от возмущения. — Первый день нормальной учебы, и сразу «индивидуалка»? Он реально возомнил себя ломателем всех правил Академии.

Завтрашняя встреча в девять утра пугала своей неопределенностью. Я сверлила взглядом экран, и буквы сообщения расплывались перед глазами. Что за дикие порядки? Академия всегда была местом консервативным, где личные консультации назначались только перед защитой диплома, но никак не в первое же утро семестра.

Чем можно заниматься один на один в пустой мастерской, когда за окном едва забрезжит рассвет? Препарировать мои

ошибки?

— Ардова, прием! Ты что, в астрал ушла? — резкий окрик Андрея бесцеремонно выдернул меня из вязкого оцепенения. — Ты сверлишь это сообщение таким взглядом, будто там черным по белому вынесен смертный приговор с исполнением на рассвете.

— Просто пытаюсь подсчитать, сколько раз он размажет меня по холсту своим ядовитым сарказмом, прежде чем соизволит отпустить, — я нервным, почти дерганным жестом заблокировала экран и швырнула смартфон в недра сумки, словно хотела похоронить его там навсегда.

— Ой, да ладно тебе драматизировать, — Лера лениво и по-кошачьи потянулась, отчего дорогая ткань её пиджака опасно, до предела натянулась на груди. — Вдруг он просто разглядел в тебе *«невероятный потенциал»*?

В её голосе слышалась неприкрытая ирония, но меня бросило в жар.

— О каком *«невероятном потенциале»*? ты шепчешь, Лер? — я выдавила из себя сухой, нервный смешок. — Искренне надеюсь, что этот породистый павлин не заставит нас фиксировать на холстах свою драгоценную тушку только ради того, чтобы потешить собственное раздутое эго.

— Подожди, а что, так реально можно? — Лера мгновенно встрепенулась, и в её взгляде вспыхнул опасный, почти хищный азарт. — Да я бы из белья выпрыгнула, лишь бы выбить себе такой сеанс с натуры!

— Куда ты лезешь со своим «искусством», женщина? — Андрей беззлобно, но весомо щелкнул её по лбу, пресекая полет эротической фантазии. — Ты и анатомия — это заведомо катастрофа мирового масштаба. Твой потолок — кривые яблоки, которые на твоих холстах вечно выглядят так, будто их покусал рой бешеных пчел.

— Наглая ложь! — Лера обиженно надула губы, приняв воинственный вид. — Моё призвание — творить руками, осязать форму тактильно! Будет настроение — слеплю твое «хозяйство» из самого дешевого куска пластилина, — она картинно развела пальцами в воздухе, имитируя работу скульптора.

— Ха! Да у тебя всей глины Академии вперемишку со складскими запасами гипса не хватит, чтобы всё моё «добро» уместить! — Андрей громогласно заржал, вальяжно растекаясь по дивану.

Я лишь тяжело выдохнула и привычно закатила глаза, делая очередной, спасительно холодный глоток смузи. Обычно их пошлые перепалки и плоский юмор меня забавляли, но сейчас в моей голове стоял такой гул, что хотелось просто нажать кнопку «ВЫКЛ» и исчезнуть из этой реальности.

Нашу идиллию прервал резкий стук каблуков. Лиза, главная сплетница курса, буквально запрыгнула за наш столик, едва не перевернув поднос Андрея. Лицо её горело нездоровым триумфом, а в руках она сжимала смартфон, как драгоценный артефакт.

— Девчонки, вы сейчас просто выпадете в осадок! — выдохнула она, тыча экраном мне прямо в нос. — Я его нашла. Куратор наш, Левицкий. Смотрите, какой он... разносторонний.

Пальцы Лизы начали лихорадочно листать ленту. На первом кадре Марк, облаченный в неопрен, эффектно рассекал снежный склон на сноуборде — скорость чувствовалась даже через пиксели. На следующем он, напряженный до предела, карабкался по отвесной скале, и рельеф мышц на его руках выглядел пугающе безупречно. Потом — вспышка культурной жизни: Марк в музее, замерший на фоне античных статуй, чьи обнаженные тела из мрамора странным образом рифмовались с его собственной статью. Следом шел кадр у бассейна, где вода стекала по его кубикам пресса, заставляя Лизу и Леру синхронно сглотнуть.

— И к какому выводу ты пришла, детектив? — Андрей скептически выгнул бровь. — Мужик любит экстрим и следит за собой. В чем сенсация?

— В том, что он явно любит жесткий секс! — выпалила Лиза, победно сверкнув глазами.

— С чего такие глубокие аналитические выводы? — захохотал Андрей, отпивая кофе.

— Да вот же, смотри! — она пролистнула к следующему фото.

Марк стоял спиной к камере в обтягивающей черной футболке, подчеркивающей его мощь. Но внимание привлекал

фон: какая-то странная комната с тусклым светом, где с потолка свисали непонятные кожаные петли, карабины и длинные веревочные подвесы. Выглядело это всё как минимум двусмысленно и мрачно.

— И? — Андрей снова расхохотался, откровенно издеваясь над Лизиным восторгом. — Обычная комната для функциональной растяжки суставов. Ты чего, Лизка, в нормальных спортзалах никогда не была? Это же «Альфа-Гравити». Для тех, кто пашет с тяжестями или подолгу сидит в одной позе у мольберта — идеальная штука, чтобы позвоночник не рассыпался. А ты уже небось целую пыточную в подвале ему дорисовала?

Лиза заметно сдулась, обиженно поджав губы. — Ну не знаю... Выглядит всё равно очень подозрительно. Слишком уж много у него этого... напряжения.

— Максимум, что я тут вижу, — Андрей откинулся на спинку, глядя на девчонок с нескрываемой иронией, — это то, как у вас стремительно намокают трусы от одного его вида. Неужели вас так легко развести на возбуждение? Я вот прямо сейчас могу снять рубашку и...

— Ой, да замолчи ты! — шикнула на него Лиза, даже не повернув головы. — Где ты, а где наш куратор? — Она тяжело вздохнула, снова возвращаясь к экрану смартфона. — Тебе ещё сопли подтирать и в гараже копать, а он — мужчина опытный. Наверняка знает, как умело разогреть тело до нужной кондиции...

— Может, ты хотела сказать «глину»? — встряла я, пытаюсь вернуть этот разговор в хоть сколько-то профессиональное русло.

— Нет, я сказала именно то, что хотела! — возмутилась Лиза, и её глаза хищно блеснули. — И чтобы он вот так, своими пальцами... — она начала медленно и выразительно двигать ими в воздухе, имитируя не то массаж, не то нечто более интимное.

— Так, ладно, — я резко подскочила с места, чувствуя, как по щекам разливается предательский жар. — У меня работа в салоне, клиенты ждать не будут. А вашу пошлятину слушать у меня нет ни малейшего желания.

Я схватила сумку, стараясь не смотреть на экран телефона, где Марк Левицкий всё так же стоял спиной, демонстрируя свою безупречную мощь. Мне нужно было бежать. Подальше от этих обсуждений, от фантазий Лизы и, самое главное, от собственных воспоминаний, которые после её слов стали пугающе осязаемыми. Завтра в девять утра эти *«пальцы мастера»* будут перебирать мои эскизы, и мне нужно было как-то дожить до этого момента, не сойдя с ума.

++++

Я ворвалась в квартиру настоящим вихрем, на ходу срывая с себя этот нелепый оверсайз, который за день превратился в тесную камеру пыток. Свитер казался пропитанным не только запахом мастерских, но и навязчивыми мыслями о Левицком. Хотелось немедленно содрать с себя этот акаде-

мический налет и вернуть контроль над собственным телом.

Домашняя броня пала, уступив место рабочей экипировке: плотные черные легинсы обхватили бедра, словно вторая кожа, а короткий топ оставил открытой полоску талии. Ничего лишнего — только чистая функциональность и полная свобода движений. Скрутив непокорные волосы в тугий узел и закрепив их карандашом, я, вооружившись остатками выдержки, рванула в салон.

Работа в студии всегда была моим персональным транквилизатором. Мерное, гипнотическое жужжание машинки и вид того, как чернила послушно и навсегда впечатываются в кожу, умирляли внутренних демонов. Здесь, среди игл и антисептика, я снова была хозяйкой положения, а не растерянной девчонкой с последнего ряда.

Три часа работы пронесли в один миг, оставив в теле приятное оцепенение и легкий гул в пальцах. Но реальность решила нанести сокрушительный удар по моим планам на отдых.

Я заперлась в своем небольшом кабинете, пытаюсь сосредоточиться на эскизах для завтрашнего «судного дня» в Академии. Разложенные на столе листы жгли мне глаза, когда дверь внезапно приоткрылась, и в проеме возникла Камила. Вид у неё был такой, словно она пришла сообщать о падении метеорита, но была готова стоять до последнего.

— Кирюш, только не прибивай меня прямо здесь... Но у тебя еще один клиент, — выпалила она, не давая мне вста-

вить и слова. — Последний на сегодня, честно! Двойной тариф за сверхурочные, любые бонусы, только не отказывай.

— Камил, ну имей совесть, я сегодня выжата как лимон... — я до боли замассировала пульсирующие виски, чувствуя, как мигрень возвращается с новой силой.

— Знаю! Но у Марата форс-мажор, он сорвался и улетел, подменить его просто некому.

— И что, перенести никак? — я посмотрела на неё, почти умоляя.

— Никаких вариантов, Кира. Самое паршивое — он уже там, ждет на кушетке с незаконченной работой. Марат бросил всё на середине контура.

— Что?! Кому, черт возьми, приспичило забиваться в такой час? — я раздраженно вскочила, резким движением поправила облегающий топ и, нацепив маску ледяного профессионализма, вышла в зал навстречу своей «судьбе».

В студии сгустился интимный, почти осязаемый полумрак, сквозь который пробивался запах спирта и едва уловимый, дразнящий аромат мяты и дорогого табака. Мощная лампа била направленным конусом света прямо на кушетку, превращая сидящего на ней мужчину в единственный центр этой вселенной. Он сидел ко мне спиной, широко расставив ноги и низко склонив голову, — безупречный рельеф его лопаток и литых мышц в этом свете казался изваянным из темного мрамора.

Я заставила себя смотреть на него отстраненно, как смот-

рят на чистый холст. За годы в профессии я видела сотни тел, и эта спина должна была стать для меня лишь очередной рабочей поверхностью, набором сухожилий и кожи, которую нужно заполнить пигментом. Никаких эмоций, только техника.

Камила сделала шаг вперед, её голос в тишине прозвучал мягко, почти заискивающе:— Не беспокойтесь, наш лучший мастер Кирюша закончит работу. Она профессионал, вы будете довольны.

Мужчина не обернулся. Он лишь едва заметно кивнул, и этот властный жест заставил воздух в кабинете стать еще плотнее. Я молча подкатила столик с инструментами, стараясь, чтобы звон металла не выдал моего напряжения. Проверила иглы, заправила краску. Как только по комнате разнеслось ровное, хищное жужжание тату-машинки, и я поднесла её к его разгоряченной коже, и он заговорил.

— Почему «Кирюша»? — его голос, глубокий и низкий, отозвался вибрирующей дрожью где-то в моем солнечном сплетении. Он продолжал лежать неподвижно, уткнувшись лицом в сгиб локтя и глядя в сторону стены.

— Так меня называют близкие, — отозвалась я, стараясь, чтобы рука оставалась твердой.

— А как звучит настоящее имя? — в его интонации промелькнула мягкость.

— Кира.

На этом коротком слове наш диалог оборвался, оставив

место лишь электрическому гулу машинки и моему бешено колотящемуся сердцу.

Я вбивала чернила под его кожу, методично прорисовывая размах крыльев огромного феникса, который брал начало у лопаток и стремительным пике уходил к самой пояснице. Внутри я уже сотню раз прокляла и Камилу, и Марата за этот «сюрприз». Становилось ясно: я застряла здесь минимум на четыре часа, и домой попаду разве что глубокой ночью, если этот парень вообще способен вытерпеть такую дозу боли за один присест.

Эскиз был запредельно сложным — плотный закраш, тонкие тени, детализация каждого пера. Судя по рваным линиям маркера, оставленным Маратом, они правили рисунок прямо на ходу, подгоняя анатомию птицы под капризный рельеф его мышц. Каждое движение иглы требовало от меня ювелирной точности, но близость этого тела, его жар и мерное дыхание сбивали настройки моего профессионализма, превращая обычный сеанс в изнурительную пытку для нас обоих.

— Можно спросить? — я подала голос, стараясь, чтобы он не дрожал в такт работающей машинке. — Почему именно феникс? Обычно мужчины просят черепа или оскалы хищников. На моей памяти это первый феникс на мужской спине.

Я вела иглу по линии крыла, чувствуя, как под моими пальцами перекачиваются его мышцы.

— Просто картинка понравилась, или в этом есть смысл?
— добавила я, не в силах сдержать любопытство.

— Не понимаю, зачем бить что-то без смысла, — отозвался он, и его баритон, приглушенный подушкой, прозвучал неожиданно интимно. — Это своего рода отголосок моей души. То, чем я живу. Феникс будет полезен мне в этой сфере.

— Понятно, — лаконично ответила я.

То, как сухо и веско он это произнес, не оставляло сомнений: допытываться о его роде деятельности — затея гиблая, да и опасная.

«Да и какая тебе разница, Кира?» — одернула я сама себя. — «Просто добей птицу и вали домой. Тебе еще нужно выспаться перед завтрашним эскутором в 402-й мастерской, который точно вытрясет из твоего разума весь максимум».

Работа затянула меня настолько, что из головы выветрились все мысли, а потребность в разговорах исчезла сама собой. Клиент оказался на редкость удобным: спокойным, податливым и, что самое главное, абсолютно молчаливым. Время летело незаметно, и когда часы начали отсчитывать последние минуты сеанса, я осознала, что практически закончила. Его выдержка поражала — он ни разу не дернулся и не попросил перерыва, хотя объем работы был колоссальным.

В начале я еще пыталась осторожно спрашивать, не нужна ли ему пауза, но он ясно дал понять, что не уйдет из кресла без готовой татуировки. Завершая последние штрихи у ло-

патока, я вдруг уловила ровное, безмятежное сопение. Чуть отстранившись и заглянув сбоку, я поняла — он спит.

«*Прекрасно. Не мужчина, а скала*», — пронеслось в голове с оттенком невольного восхищения. В профиль он был по-настоящему красив: расслабленные черты лица, короткие светлые волосы. Сейчас он не выглядел опасным хищником, только уставшим человеком.

Я не стала его беспокоить. Действуя максимально бережно, я обработала свежую работу, наклеила защитную пленку и только после того, как всё было стерильно упаковано, решилась его разбудить.

Дима

"Моя жизнь со стороны кажется сценарием дешевого боевика, но на деле всё куда прозаичнее. Я — обычный парень из детдома, которому однажды просто чертовски повезло столкнуться с нужным человеком в темном переулке. Теперь у меня свой бизнес, о котором не пишут в газетах: подпольные бои, где кровь и деньги текут рекой. А для прикрытия — элитный клуб, где я иногда сам встаю за стойку. Все знают меня как Дмитрия Власова, серьезного игрока, но для немногих близких я просто Митя. Смешно до боли: моя внешность — два метра мышц, шрамы и тяжелый взгляд — ну никак не вяжется с этим ласковым прозвищем.

В этот тату-салон я шел с одной-единственной целью. Увидеть её. Я выкупил Марата с потрохами, заплатил ему

столько, чтобы он испарился на середине сеанса и передал работу ей. У меня была всего одна попытка зайти с козырей, и она сработала.

Но что могло пойти не так? Да всё, черт возьми! Напримёр, можно было феерично облажаться и уснуть под нежной рукой девчонки, которая запала тебе в душу.

Я молил всех богов, чтобы не начал нести во сне всякую чушь или, что ещё хуже, не захрапел как старый дизельный мотор.

Когда она меня разбудила, я нацепил свою самую невозмутимую маску, мол, просто утомился ждать, пока она возится с иглой. На самом деле меня «вырубило» совсем не от усталости.

Я просто ловил кайф. Расслаблялся от этой тупой, ритмичной боли и её жаркого дыхания, которое то и дело мазком касалось моей кожи. Я закрыл глаза, прокручивая в голове тот момент, когда впервые увидел её и... просто отрубился.

Идиот, не иначе.

Проспал свой единственный шанс на нормальный разговор.

Когда её пальцы коснулись моего плеча, приводя в чувство, я готов был проклясть свою выдержку.

— Готово? — я выдавил из себя голос, стараясь, чтобы он звучал максимально равнодушно, хотя внутри всё вибрировало от её близости.

Я сел, чувствуя, как кожа на спине стянута пленкой, и поймал её взгляд в зеркале. Она смотрела на меня — серьезная, немного уставшая, в этом своем коротком топе, который не оставлял места для воображения.

— Работа закончена, — сухо ответила она. — Надеюсь, феникс принесет вам удачу в вашей «сфере».

Я усмехнулся про себя. Она даже не представляет, какую удачу она мне уже принесла, просто дотронувшись до меня."

++++

Я видела, как он на мгновение замер, проснувшись. В его взгляде промелькнуло нечто похожее на мальчишеское замешательство, но он тут же взял себя в руки, возвращая лицу маску непроницаемого спокойствия. Ему было неловко — я чувствовала это кожей, но тактично промолчала. В конце концов, сон под машинкой — лучший комплимент мастеру. Это значит, тебе доверяют.

Пока он надевал футболку, осторожно расправляя ткань поверх свежей пленки, в студии повисла звенящая тишина. Я уже начала прибирать столик, когда он вдруг заговорил, внимательно рассматривая мою правую руку.

— А что обозначает твоя татуировка? — он кивнул на мой рукав.

В ярком свете лампы мой «рукав» выглядел особенно контрастно. Плотное переплетение ветвистых роз с шипами, изящные музыкальные ноты, теряющиеся в листве, и огромная змея, которая мощными кольцами обвивала руку от са-

мого запястья до плеча, скрываясь под лямкой топа.

— Жизнь, — только и сказала я, не вдаваясь в подробности о том, сколько боли и красоты вплетено в этот рисунок.

Он ничего не ответил. Лишь едва заметно улыбнулся самым уголком губ — эта полуулыбка на его жестком лице выглядела странно притягательно. А затем он просто развернулся и ушел. Никаких дежурных *«до свидания»*, никаких прощаний. Просто закрыл за собой дверь, оставив после себя запах мяты и какое-то странное послевкусие в воздухе.

Я осталась одна в пустой студии. Усталость накрыла меня тяжелой бетонной плитой. Сил не было даже на то, чтобы злиться на Камилу. Кое-как заперев салон, я вышла на ночную парковку.

Мой байк ждал меня, блестя хромом под светом одинокого фонаря. Я оседлала своего железного коня, чувствуя, как прохладное сиденье и тяжесть шлема немного приводят в чувство. Рык двигателя разорвал ночную тишину, и я сорвалась с места, ввинчиваясь в пустые улицы спящего города.

глава 3 «Воспоминание»

Дима

Мой клуб — это не просто бизнес, это моя личная империя, скрытая от посторонних глаз за тяжелыми дубовыми дверями и золоченым логотипом.

Здесь, в «Элизиуме», всё подчинено моим правилам. Но иногда мне чертовски надоедает сидеть в кожаном кресле кабинета, наблюдая за гостями через мониторы. Тогда я надеваю простую черную рубашку, закатываю рукава и встаю за барную стойку, подменяя кого-то из ребят.

Мне нравится эта роль: из-за стойки мир выглядит честнее, а люди — уязвимее.

В тот вечер я не планировал задерживаться, но стоило мне поднять взгляд на вошедшую компанию, как всё остальное перестало существовать.

Кира.

Тогда я еще не знал её имени, но я видел её энергию — она буквально искрила. Это был её день рождения, и она выглядела чертовски сексуально в том облегающем платье, которое при каждом её движении дразнило моё воображение.

Она была эпицентром этого хаоса: смех, громкие тосты, сумасшедшие танцы. Я сразу сделал им щедрую скидку — просто потому, что не мог отвести от неё глаз.

Весь вечер я наблюдал за ней. Она пила текилу, морщи-

лась и тут же заливисто смеялась, отбрасывая голову назад. В воздухе вокруг неё витал аромат, который вьелся мне в память: сладкая, тягучая ваниль, переплетенная с нежной свежестью пионов. Этот запах преследовал меня у стойки, даже когда она уходила танцевать.

Рядом с ней постоянно крутился какой-то парень — кажется, один из тех студентов-мажоров. Он всё время пытался приобнять её, шептал что-то на ухо, и я уже почти записал её в категорию «занятых», чувствуя, как внутри закипает глухая ревность. Но когда этот придурок решил, что настал момент для триумфа, и полез целоваться, Кира сработала красиво. Она жедстко оттолкнула его обратно на диван, пригрозила пальцем с такой дерзкой ухмылкой, что я невольно усмехнулся.

Ближе к завершению, когда музыка стала тише, а компания начала редеть, я решил подойти к ней. Она стояла у края танцпола, чуть покачиваясь, и выглядела немного потерянной в этом полумраке. Я хотел спросить, нужна ли ей помощь, вызвать ли такси...

Но я не успел произнести и слова. Стоило мне оказаться в шаге от неё, как она резко сократила дистанцию. Её пальцы мертвой хваткой вцепились в ворот моей футболки, и в следующую секунду мир взорвался.

Это был поцелуй-атака. Жадный, напористый, пропитанный алкоголем и первобытной страстью. Она целовала меня так, словно хотела выпить мою душу, сминая мои губы свои-

ми. Я почувствовал вкус её помады и жар её тела, прижатого к моему. В тот миг я забыл, что я владелец этого заведения, что вокруг люди... Я просто хотел, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

А потом она отстранилась, мазнула по мне затуманенным взглядом и просто ушла, оставив меня стоять посреди собственного клуба с горящими губами и твердым намерением найти её, чего бы мне это ни стоило.

Я шел за ней, как какой-то гребаный сталкер, не в силах разорвать эту невидимую дистанцию. Она лишь слегка повернула голову и просияла такой обезоруживающей улыбкой, что у меня перехватило дыхание.

Она играет со мной? Или это алкоголь стер её границы?

Кира развернулась ко мне лицом и начала медленно пятиться по длинному коридору, который вел к комнатам отдыха. Я просто следовал за ней, не отрывая взгляда, а она хищно улыбалась, завлекая меня в свой омут. Когда она зашла в одну из комнат, я на секунду замер на пороге, но тут же почувствовал резкий рывок — она затянула меня в полумрак.

Снова этот жадный, безумный поцелуй. Её горячие ладони скользнули под мою футболку, обжигая кожу, а из её груди вырвался стон наслаждения, который едва не лишил меня рассудка. Мне пришлось буквально заставить себя остановиться. Я не мог осквернить её в этом сомнительном месте, среди чужих запахов и дешевого пафоса.

Только не её.

Крепко сжав её руку, пришлось увести её из клуба. На ходу была брошена фраза о том, что есть место поспокойнее. Она не сопротивлялась. Весь путь до квартиры на окраине города она молчала, лишь накручивала локон на палец и смотрела странным, отсутствующим взглядом. Глядя на неё, росла уверенность в правильности решения: в таком состоянии она явно не осознавала своих действий, и оставлять её одну в шумном заведении было опасно.

План был прост — довести её до безопасного места и дать возможность выспаться. Контроль над ситуацией был необходим. Однако, как только дверь квартиры закрылась, обстановка снова накалилась. Вместо того чтобы пойти отдохнуть, она проявила неожиданную агрессию, явно не контролируя свои эмоции и движения. Её руки дрожали, когда она вцепилась в одежду, не давая даже вставить слово. Стало очевидно, что впереди сложная ночь, требующая огромного терпения и выдержки, чтобы просто помочь ей прийти в себя и не позволить совершить ошибок, о которых она пожалеет утром.

Именно в тот момент я совершил ошибку, о которой теперь проклиная себя каждую ночь. Когда моя футболка с треском разошлась по швам под её пальцами, а её платье бесформенным лоскутом улетело в угол комнаты, я окончательно потерял дар речи. Она не медлила ни секунды. Я никогда не был из тех парней, что стоят в стороне или сомневаются в

себе, но тогда я впал в настоящий ступор. Обычно инициатива была в моих руках: я заманивал, я предлагал, я вел игру. Но чтобы женщина вот так, без единого слова, просто брала то, что ей нужно... это сводило с ума и заставляло сердце колотиться о ребра в панике.

Я пытался достучаться до её затуманенного разума, шептал, что утром она будет жалеть, что я не хочу пользоваться её беспомощностью. Но эта маленькая хищница знала, чего хочет.

— Просто заткнись, — шикнула она мне в самые губы, резким движением избавляя меня от последних преград одежды.

Её пальцы, скользившие по моей коже, лишали всякой возможности сопротивляться, а поцелуи — требовательные и невыносимо жадные — выбивали почву из-под ног. Сознание молило о благоразумии, но тело уже предало меня, отвечая на каждый её порыв. В надежде охладить этот внезапный пожар и хоть немного протрезветь от её близости, я увлек нас в ванную. Прохладные струи душа ударили по плечам, но ожидаемого спасения не принесли. Напротив, потоки воды, стекающие по её обнаженному телу, превратили каждое наше касание в электрический разряд. Мы сплелись в тесном пространстве душевой, забыв о времени и приличиях; только шум воды и прерывистое дыхание заполняли эту реальность, ставшую слишком тесной для двоих.

Когда она, не раздумывая, опустилась на колени прямо

под ледяные струи воды и прильнула к самому сокровенному, я едва не снес стенку душевой, пытаясь удержаться на ногах. Тело прошибло мощнейшим разрядом тока; каждая мышца натянулась до предела, а по коже пробежала волна колючих мурашек от её бесстыдных и в то же время невероятно умелых ласк. Она не отводила взгляда, смотрела мне прямо в глаза, и в этом затуманенном взоре было столько первобытного вызова, что мне казалось — она видит не просто мое лицо, а проникает в самую душу, вычерпывая её до самого дна.

Позже, в полумраке спальни, наши тела превратились в единый, пульсирующий механизм страсти. Я ласкал её с одержимостью безумца, покрывая каждый сантиметр её кожи жадными поцелуями. Мои губы и язык изучали её самую нежную глубину, втягивая в себя её влажные стоны и чувствуя, как она содрогается под моими пальцами. Каждое её движение, каждое судорожное сжатие бедер вокруг моей головы сводило с ума, заставляя забыть о реальности. Мы брали друг друга снова и снова, не спрашивая имен, растворяясь в этом исступленном ритме.

Она была невероятно податлива, горячая и гибкая в моих руках, откликаясь на каждое движение с пугающей и манящей жадностью. Я входил в неё снова и снова, заполняя собой до самого предела, чувствуя, как она буквально поглощает меня, становясь со мной единым целым. Каждый толчок отзывался в ней глубоким вздохом, а её губы обжига-

ли мою шею и плечи лихорадочными поцелуями, оставляя невидимые клейма страсти.

Её стоны заполняли всю квартиру, отражаясь от стен и выбивая из головы последние крупницы здравого смысла. Я тонул в этом черном водопаде её волос, которые разметались по моим подушкам шелковой сетью, и сходил с ума от контраста её бледной кожи. Ей было хорошо, нам обоим было запредельно хорошо — в этом ритме, в этом жаре, в этой абсолютной честности тел. В ту ночь я больше всего на свете не хотел, чтобы рассвет когда-либо наступил, желая навсегда остаться в этом коконе из наслаждения и её запаха.

Однако рассвет принес с собой болезненное пробуждение. Стоило открыть глаза, как стало ясно — место рядом пусто. Постель была холодной, тишина в комнате казалась неестественной. Она исчезла так же внезапно и бесшумно, как и ворвалась в эту жизнь накануне.

На прикроватной тумбочке не было ни записки, ни какой-либо другой зацепки. Комната выглядела нетронутой, если не считать смятых простыней, хранивших тепло недавнего присутствия, и едва уловимого, тающего в воздухе аромата её парфюма.

Этот тонкий шлейф цветов и мускуса был единственным доказательством того, что всё произошедшее не было наваждением или сном. Ночь, обещавшая стать началом чего-то большего, закончилась абсолютной неизвестностью, оставив после себя лишь горькое послевкусие тайны.

глава 4 «Анатомия протеста»

Проспать самое важное занятие в году? О да, это в моем стиле. Видимо, вселенная решила, что вчерашнего стресса мне было мало. Все те несчастные четыре часа, что я урвала у ночи, мне снился этот проклятый феникс — я раз за разом вбивала чернила в его спину, но рисунок всё не кончался, а кожа под моими пальцами становилась всё горячее.

Будильник я просто не услышала. Вскочила, когда солнце уже вовсю издевательски заливало комнату светом. На сборы ушло рекордно мало времени: лосины, первая попавшаяся майка и джемпер сверху. Шлем под мышку — и в путь. На завтрак не было даже секунды. По дороге чуть не отправила на тот свет черного кота, который решил, что середина проезжей части — идеальное место для солнечных ванн. Едва успела увернуться, мысленно пообещав себе больше никогда не ложиться спать.

В аудиторию я не вошла — я туда буквально влетела, едва не вынеся массивную дверь плечом. Запыхавшаяся, с растрепанными после шлема волосами и безумным взглядом.

Марк Владимирович даже не вздрогнул. Он медленно отложил в сторону какой-то эскиз и плавно вздернул одну бровь, глядя на мое *«триумфальное»* появление.

— Ардова, — его голос в пустой мастерской прозвучал пугающе спокойно и глубоко. — Девять тридцать две. Я уже

начал гадать, что именно вас задержало.

Он стоял у окна, залитый светом, и его белая рубашка казалась ослепительной. Он смотрел на меня так, словно видел насквозь — и мой недосып, и мой страх, и, возможно, те самые лозы роз, что скрывались под рукавом джемпера.

— Простите, — выдохнула я, пытаюсь унять дрожь в коленях и бешеное сердцебиение. — Пробки. И кот.

— Кот? — Марк едва заметно усмехнулся, и в его глазах промелькнула опасная искра. — При чем тут животное? Он что, прилег вам на ухо, чтобы вы не услышали будильник? — в его голосе сквозила ледяная ирония.

— Нет, — я с глухим стуком опустила шлем на парту.

Пальцы привычным, заученным до автоматизма движением собрали растрепанные волосы в тугой узел, и я вонзила в него карандаш вместо шпильки.

— Этот негодяй просто развалился посреди проезжей части, решив поймать немного солнца. Я едва не превратила его в кровавое пятно на асфальте — пришлось тормозить так, что дух вон. А будильник я его даже не заводила. Слишком поздно закончила работу вчера, было не до того.

— Что ж, допустим. На первый раз я проявлю снисходительность, — его голос прозвучал как сухой щелчок хлыста. — Но имейте в виду: в следующий раз я просто выставлю вас за дверь с неудом в журнале.

Я лишь безразлично пожала плечами, хотя внутри всё скрутило от раздражения — этот напыщенный индюк начи-

нал бесить меня до зубного скрежета. Марк властным жестом пододвинул стул к своему столу, приглашая сесть в опасной близости от него. Когда я неохотно опустилась рядом, он пододвинул мой вчерашний набросок.

— Я вижу в вашем «шедевре» слишком много граней и переплетенных узоров, Ардова. Почему вы не смогли остановиться на чём-то одном? — Его палец медленно обвел контур на бумаге, почти касаясь моих пальцев. — И как вам пришлось в голову вписать детальную анатомию мужской спины в этот хаос из цветов и линий?

— Разве в искусстве есть запреты? — я вызывающе наклонила голову, поймав его тяжелый взгляд. — По-моему, выглядит лаконично. А вы, я смотрю, фанат минимализма? Предпочитаете, когда всё однозначно и одиночно?

— Предпочитаю, когда неналяписто, — отрезал он, и в этом коротком слове я почувствовала всю тяжесть его контроля.

Я до белизны в костяшках сжала кулаки на коленях, стараясь сдержать рвущийся наружу гнев. Да что он о себе возомнил? Мои работы всегда приводили преподавателей в восторг, я три года была фавориткой на всех конкурсах и пачками собирала дипломы. В тату-салон не берут за красивые глаза — там нужны твердая рука и безупречный вкус, который у меня точно есть. Но я заставила себя проглотить колкость. Пусть думает что хочет.

— И что вы от меня хотите? — я вскинула подбородок,

глядя ему прямо в глаза. — Будете переучивать меня рисовать «что-то одно»? Стирать мою индивидуальность, пока она не впишется в ваш идеальный минимализм?

Марк медленно сократил расстояние между нами, облокотившись на стол. Теперь я чувствовала жар его тела.

— Я не собираюсь стирать вашу индивидуальность, Кира, — его голос стал опасно тихим, почти интимным. — Я хочу, чтобы вы научились отделять главное от второстепенного.

— Здесь **всё**главное! — я резко поднялась с места, едва не опрокинув стул, и с силой ткнула пальцем в свой набросок. — Вы просили изобразить душу? Я её изобразила. У кого-то она в спорте, у кого-то в коллекционировании тарелочек, а моя — вот в этом хаосе. Музыка, цветы, моя работа и...

Я сделала паузу, вызываяще глядя на его широкие плечи, скрытые под дорогой тканью.

— ...и анатомия. Я, знаете ли, обожаю рисовать человеческое тело. В изгибе мышц и рельефе позвоночника есть особый шарм, который вам, как минималисту, видимо, не понять. Если ваша цель — вырезать из моей души «*лишние*» куски, чтобы я вписалась в ваши рамки, то вам не место в этой Академии. Преподаватель должен учить летать, а не подрезать крылья, заявляя, что ограничить в чем-то одном — это норма. Это преступление против искусства!

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как внутри всё дрожит от праведного гнева.

— Или вы хотите, чтобы я выдала вам «Черный квадрат»

Малевица и мы разошлись? Пожалуй, ставьте свой «неуд». У меня нет ни малейшего желания сегодня с вами заниматься.

— Вы слишком эмоциональны, Кира, — проговорил он неожиданно тихо, и в его голосе вместо стали прорезалась какая-то странная, почти интимная хрипотца. — В душе может быть сколько угодно хаоса, но здесь — учебный процесс. Преподаватель, а уж тем более новый человек, не обязан знать ваши скрытые мотивы. Как я должен понять, что за этим нагромождением линий стоит любовь к музыке или анатомии, а не банальное желание заполнить пустоту листа, потому что вам нечего сказать?

Его слова ударили по самолюбию сильнее, чем открытая критика. Я сделала резкий шаг вперед, сокращая расстояние до опасного предела. Теперь я чувствовала жар, исходящий от его тела, и видела собственное отражение в его расширенных зрачках.

— Мне наплевать, что вы там понимаете, а что нет, — я вздернула подбородок, глядя ему прямо в глаза. — Если вы ждете, что я буду вздыхать перед вами и заглядывать в рот, как остальные дурочки в этой Академии, то окститесь. Моя работа перед вами. Это моё видение и моё творчество. Не нравится? Ставьте свою оценку и я пошла. Мне есть на что тратить время, кроме ваших лекций по «*правильному*» искусству.

В воздухе между нами, казалось, затрещали статические разряды. Я видела, как его взгляд на мгновение опустился к

моим губам, а затем снова вернулся к глазам, становясь темнее ночного неба. Марк Владимирович медленно поднялся со стула, возвышаясь надо мной, и я кожей почувствовала мощь.

— Смелое заявление, Ардова, — выдохнул он мне почти в губы. — Но вы забываете одну деталь: чтобы нарушать правила, нужно сначала научиться их соблюдать. Вы свободны. Но учтите — завтра я буду ждать от вас не *«душу»*, а безупречную технику.

— Уж поверьте, — выдохнула я ему почти в губы, намеренно сокращая дистанцию до критической, — с техникой у меня всё отлично. Мы с ней друзья с самого детства, так что за мои руки можете не переживать.

Я резко развернулась, подхватила шлем с парты и, не оборачиваясь, вылетела из аудитории. Грохот захлопнувшейся двери эхом разнесся по пустому коридору Академии, ставя жирную точку в нашем первом *«индивидуальном занятии»*.

Провал дня? В яблочко. Как говорится, как утро встретишь, так его и проведешь. Моё утро началось с едва не задавленного кота и опоздания, а продолжилось прямой стычкой с мужчиной, который сегодня решил поиграть в моего личного тирана.

Спускаясь по лестнице, я чувствовала, как горят щеки. Перед глазами всё еще стоял его взгляд — темный, препарирующий, слишком внимательный.

++++

Я выскочила на улицу, чувствуя, как осенний воздух остужает пылающее лицо. Мотор байка взревел, и я рванула с места, надеясь, что скорость выветрит из головы этот вкрадчивый голос Левицкого и его претензии к моей «душе».

Через десять минут я уже сидела в нашей любимой кондитерской «*Корица и Сахар*». Здесь пахло ванилью и спокойствием — полная противоположность тому электрическому хаосу, что царил в мастерской. Я заказала огромный двойной эспрессо и вторую порцию ягодного смузи, просто чтобы занять руки.

Два часа я тупо смотрела в окно, машинально черкая на салфетке острые перья того самого феникса. Зачем ему это было нужно?

Дверь кондитерской распахнулась, и я увидела Леру. Она не вошла, она впорхнула, сияя ярче всех панорамных окон Академии вместе взятых. Щеки розовые, глаза светятся, а походка — как у модели на подиуме после триумфального показа.

— Кира! Это было о боже, это было невероятно! — она плюхнулась напротив меня, даже не потрудившись снять пальто. — Ты не представляешь, какой он тонкий, какой чувственный! Он разобрал мой натюрморт так, словно читал мои сокровенные мысли.

Она прижала ладони к пылающим щекам и мечтательно вздохнула, глядя куда-то сквозь меня.

— Он подошел так близко, когда поправлял мою руку с

кистью Я думала, у меня сердце остановится. И он сказал, что у меня *«особая мягкость линий»*. Кир, ты чего такая кислая? Тебя что, Левицкий на завтрак съел и не подавился?

Я посмотрела на её окрыленное лицо и поняла, что мой пересказ событий явно не впишется в её розовые облака.

— Рада за тебя, Лер, — буркнула я, сминая салфетку с наброском феникса. — У нас с ним *«мягкости»* как-то не случилось. Скорее, обоюдное желание придушить друг друга прямо в мастерской.

— Ты что, опять припёрлась в этом? — Лера нахмурилась и бесцеремонно ткнула пальцем в мою майку. — Я, конечно, всё понимаю: формы видно, талия на месте. Но это не тот калибр, Кира! Нужно ноги показывать, — она демонстративно вытянула свои бесконечные ноги в дорогуших шпильках из-под стола, заставив короткую юбку задраться ещё выше. — Ты должна была его ослепить, а не изображать из себя мастера на выезде.

— Да плевала я на твои ноги и на его вкус в одежде, — огрызнулась я, с силой вонзая ложечку в остатки десерта. — Этот «эстет» заявил, что мой рисунок — сплошная наляпанность. Видите ли, минимализм ему по душе! А моя душа, по его мнению, это просто хаос и ничего больше.

Я раздраженно выдохнула, чувствуя, как внутри снова закипает обида.

— Он даже слушать не захотел! «Слишком много граней», «перегруженный холст»... Да он просто черствый су-

харь в дорогой упаковке. Пока ты там таяла от его «чувственности», он методично втоптывал моё творчество в грязь своими полированными туфлями.

Лера на мгновение замолкла, изумленно моргая, а потом её лицо приняло хитрое выражение.

— Подожди... То есть он тебя не просто отчитал, а залез тебе под кожу? Кир, да он тебя провоцирует! Хочет посмотреть, на что ты способна, когда злишься. Поверь мне, такие мужчины, как Левицкий, никогда не тратят время на критику того, что им безразлично.

— Никуда он мне не залазил! — я почти выкрикнула это, чувствуя, как внутри всё клокочет от несправедливости. — Он просто растоптал мою работу, ясно тебе? Взял и прошелся своими холеными словами по всему, что мне дорого.

Лера попыталась что-то вставить про его *«глубокий взгляд»*, но я только яростно отмахнулась.

— И мне плевать на твои восторженные придыхания, Лер! Хватит пускать слюни на его безупречный костюм. Да, обертка у него красивая, породистая, но внутри сидит абсолютно отвратный, холодный и высокомерный тип. Он не видит искусства, он видит только свои дурацкие правила. И если ты думаешь, что под этим лоском скрывается нежная душа, то ты ошибаешься — там кусок льда, который получает кайф от того, что ломает других.

Я схватила свою сумку, и металл тату-машинок внутри отозвался глухим, поддерживающим звоном.

— Он меня бесит. До дрожи, до темноты в глазах. И завтра он увидит, что я не из тех, кто ломается после первой же критики. Если ему нужен минимализм — он его получит, но в такой извращенной форме, что его аристократическая бледность сменится багровыми пятнами.

Я вышла из кофейни, даже не обернувшись. Холодный ветер ударил в лицо, но он был ничем по сравнению с тем пламенем, которое зажег во мне этот чертов Марк Левицкий. На сегодня с меня хватило «гениев» и «кураторов». Сейчас мне нужно было только одно: вскочить на байк, выжать газ до упора и оставить этот день далеко позади, в зеркалах заднего вида.

Трасса была почти пустой, и я дала волю своему «коню». Стрелка спидометра лениво ползла вверх, а потом я резко сбавляла газ, заставляя мотор недовольно урчать. Ветер обтекал черный пластик шлема, кошачьи ушки на макушке забавно подрагивали, но мне было не до смеха — я вытравливала из себя утреннюю ярость.

На светофоре я замерла, выставив ногу и удерживая равновесие. В этот момент справа к стоп-линии плавно подкатил мощный спортивный байк. Пилот был в глухом черном экипе, а его визор — такой же зеркально-черный, как и мой. Мы замерли друг напротив друга, два анонимных всадника в центре раскаленного города.

Он смотрел прямо перед собой, но потом медленно, почти тягуче повернул голову в мою сторону. Несмотря на рев

моторов и удушливый запах выхлопных газов, до меня долетел странный, пронзительный аромат. Мята? Тонкая, ледяная мята вперемешку с чем-то дорогим и терпким.

«*Приятно пахнет, черт возьми*», — пронеслось в голове, но я тут же отогнала эту мысль.

Я замерла, вперившись взглядом в его темный визор, словно надеялась пробить эту зеркальную броню и рассмотреть хотя бы искру в его глазах. Между нами, разделенными лишь ревом моторов, возникла странная, почти осязаемая нить. Но стоило светофору вспыхнуть зеленым, как я резко выжала сцепление. Мой байк взвился, и я сорвалась с места, оставляя таинственного всадника в облаке пыли и запахе жженой резины.

Я неслась по залитому солнцем городу, лавируя между машинами. Дневной зной плавил асфальт, но встречный ветер приятно охлаждал кожу под тонкой майкой. Мне нужно было убежище, и тату-салон был идеальным местом, чтобы заземлиться.

В студии пахло спокойствием. Камила, заметив мой взвинченный вид, молча пододвинула мне чашку крепкого чая. Мы проболтали часа полтора о всякой чепухе — о новых пигментах, о капризных клиентах и о том, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на мудаков в дорогих костюмах. Я лениво перебирала старые эскизы, пытаясь сосредоточиться, но мысли всё равно соскальзывали к завтрашнему дню.

Около пяти вечера мой мобильник на столе зашелся в над-рывной вибрации. Уведомление в общем чате.

«Тема завтрашнего занятия: Анатомия живого тела. Работа с натурой. Всем подготовить инструменты, свежую голову и» — я замерла, читая следующую строчку, — **«настоятельно рекомендую некоторым вспомнить, что дисциплина — это тоже часть искусства. Опоздания неприемлемы. Ни для кого».**

— Вот же хрен в костюме! — вскрикнула я, едва не выронив телефон.

Камила подскочила на месте от моего возгласа.— Что там? Снова твой куратор-садист?— *«Ни для кого»*, — передразнила я его низкий голос, чувствуя, как внутри закипает праведный гнев. — Он это мне написал! Лично! При всей группе ткнул носом в моё утреннее фиаско.

++++

На следующее утро я решила сменить тактику. Хватит прятаться в коконе из оверсайза — если он хочет видеть *«чистые линии»*, я покажу ему их.

Я приехала в Академию за сорок минут до начала, припарковав байк так, чтобы он был виден из окон мастерской. В этот раз на мне было платье: вызывающе короткое, с пышной клешеной юбкой, которая при каждом моем шаге взлетала, едва прикрывая бедра. Высокие ботильоны на шпильке сделали мои ноги бесконечными, а распущенные иссиня-черные волосы тяжелой волной падали на открытые плечи.

Когда я вошла в 402-ю, в ней стояла звенящая тишина. Я демонстративно повесила пиджак на спинку стула, оставшись в одном тонком платье на бретельках. Сев за свой мольберт в самом центре, я начала прогревать кисть, закусив кончик карандаша и делая вид, что полностью погружена в свои мысли.

Дверь открылась, и уверенные шаги Марка Владимировича затихли прямо у порога. Я чувствовала его ошеломленный взгляд, который медленно, словно обжигающее клеймо, скользил по моим ногам, поднимаясь к талии и декольте.

Он громко прокашлялся, пытаясь вернуть себе самообладание, и сухо поздоровался. Я не спеша, почти лениво, подняла голову и посмотрела на него из-под густо накрашенных ресниц.

— И вам не хворать, Марк Владимирович, — отозвалась я, и мой голос прозвучал ниже обычного.

— Вы сегодня рано, Ардова, — он прошел к своему столу, но я заметила, как он на мгновение запнулся, глядя на мои распущенные волосы. — У вас, я вижу, серьезные проблемы с тайм-менеджментом. То опаздываете на полчаса, то приходите за вечность до начала. У вас совсем нет золотой середины?

Я медленно облизнула губы и подалась вперед, так что юбка еще больше задралась, обнажая кружевную резинку чулка.

— Конечно, есть, Марк Владимирович, — проговорила

я томно, удерживая его взгляд. — Только эту середину еще заслужить надо. А вы пока только на критику наработали.

Марк замер. Его челюсть плотно сжалась, а рука, державшая журнал, напряглась так, что костяшки побелели. Между нами в пустой аудитории воздух затрещал, как перед ударом молнии. Он медленно снял пиджак, оставаясь в одной рубашке с закатанными рукавами, и я снова увидела вены на его предплечьях.

— Что ж, — его голос стал опасно тихим. — Раз вы так настроены, сегодня мы будем искать вашу «середину» очень тщательно. Доставайте планшет. Начнем с набросков вашей самоуверенности.

— А еще что мне сделать? — бросила я, и мой голос прозвучал как вызов, брошенный прямо в его безупречно выглаженную рубашку. — До пары еще уйма времени. А значит, я могу делать всё, что захочу.

Я демонстративно поднялась с места. Цоканье моих шпилек по старому паркету в пустой мастерской звучали ритмично и вызывающе. Юбка платья взметнулась при каждом движении, дразня его и открывая чуть больше, чем позволяли приличия. Я медленно взяла телефон с парты, ощущая на себе его тяжелый, почти осязаемый взгляд.

Проходя мимо него к выходу, я уловила резкое движение: Марк Владимирович нервно поправил узел галстука, словно тот внезапно стал его душить.

«Нравится, значит, вам такое, Марк Владимирович? —

торжествующе подумала я, скрывая победную улыбку. — *Что ж, поиграем в ваши правила. Порисуем сегодня на славу».*

Я вышла в коридор, чувствуя себя чертовски живой и опасной. Мой «хаос» наконец-то обрел форму, и эта форма ему явно пришлась не по вкусу... или, наоборот, слишком понравилась.

Я не спеша дошла до автомата с водой, ловя на себе взгляды проходящих мимо студентов, но в мыслях всё еще была там, в 402-й. Интересно, о чем он думает сейчас, оставшись один в кабинете? Пытается усмирить свой гнев или... что-то более греховное?

Когда через десять минут я вернулась, аудитория уже начала заполняться одnogруппниками. Лера, завидев мой наряд, едва не выронила из рук стакан с кофе, а Андрей просто замер с открытым ртом, провожая меня взглядом до самого мольберта.

Марк стоял у доски, уже полностью вернув себе маску ледяного спокойствия, но я заметила, что его взгляд стал еще темнее, чем утром.

Андрей, почувствовав мой триумф, решил подлить масла в огонь. Он вальяжно прошелся вдоль рядов и, к моему полнейшему шоку (а Лерка так и вовсе подавилась вдохом), подошел вплотную. Его ладонь по-хозяйски легла на мою талию, прижимая к себе, и я почувствовала мимолетное прикосновение его губ к своей щеке.

— Доброе утро, Ардова. Выглядишь просто супер, — пророкотал он, явно наслаждаясь моментом.

Я мельком глянула на Марка Владимировича. Он замер у кафедры, и я готова была поклясться, что пальцы, которыми он сжимал мел, побелели от напряжения. В воздухе буквально запахло грозой.

— Чего тебе надо? — шикнула я на Андрея, пытаюсь высвободиться, но он лишь крепче сжал пальцы на моем бедре, прямо там, где заканчивалась экстремальная длина платья.

— У меня байк сдох прямо на подъезде, — виновато, но чертовски обаятельно улыбнулся он. — Подвезешь вечером до дома?

— Вот же ты наглый, — я закатила глаза, чувствуя, как взгляд Левицкого буквально прожигает дыру в руке Андрея, лежащей на моей талии. — Шлем хоть взял, горе-механик?

— Обижаешь, — Андрей кивнул на подоконник, где рядом с моим «ушастым» шлемом красовался его черный матовый интеграл.

— Черт с тобой, заноза. Подвезу, — выдохнула я.

— Благодарю, крошка, — он наконец отпустил меня, но напоследок нарочито медленно скользнул взглядом по моей спине.

В этот момент Марк Владимирович с таким грохотом опустил журнал на стол, что половина группы подпрыгнула.

— Ардова, Кузнецов! — его голос был подобен раскату грома. — Если вы закончили обсуждать свои логистические

проблемы, может, мы всё же займемся искусством? Или мне стоит напомнить, что в этой мастерской оценивают талант, а не навыки извоза?

— Звонка еще не было, Марк Владимирович, — лениво отозвался Андрей, вальяжно развалившись на стуле и закидывая ногу на ногу. — Можем обсуждать что угодно. Хоть курс валют, хоть личную жизнь.

Левицкий ничего не ответил, но я видела, как желваки на его лице дрогнули. Он медленно обвел взглядом аудиторию, и когда его глаза встретились с моими — обжигающе-коротким, почти интимным касанием — я едва не забыла, как дышать. В этот момент заливисто прозвенел звонок, разрезая шум кабинета.

Дверь мастерской приоткрылась, и Марк впустил высокого парня. Они обменялись парой тихих фраз, после чего Левицкий прошел за кафедру, а незнакомец остался стоять у подиума.

Парень был чертовски хорош: спортивное телосложение, которое не скрывала простая серая футболка, и дерзкий взгляд светлых глаз. Настоящий магнит для женского внимания. Лера рядом со мной мгновенно превратилась в пунцовый помидор и так сильно закусила губу, что я испугалась, как бы она не прокусила её до крови.

— Ты его знаешь? — шепнула я, толкая её локтем.

Она лишь отрицательно качнула головой, не в силах отвести взгляд от «объекта».

— А чего тогда покраснела так, что аж светишься? — не унималась я.

— Да она просто уже оргазм получила, не видишь? — донесся сзади издевательский шепот Костика. — У Лерки возбуждение работает быстрее, чем она кисть в руки берет.

Реакция подруги была мгновенной. Она, не оборачиваясь, профессионально выгнулась назад и отвесила Костику такой звонкий подзатыльник, что тот едва не впечатался лбом в свой планшет.

— Заткнись, животное, — прошипела она, возвращаясь в состояние *«влюбленного транса»*.

— Внимание, — отчеканил Марк Владимирович, и этот ледяной тон мгновенно обрезал все разговоры. Я кожей чувствовала, что его внутреннее раздражение достигло предела. — Знакомьтесь, это Сергей. Сегодня он наш натурщик.

Сергей не стал церемониться: с вызывающей небрежностью скинул футболку, следом полетели кроссовки и штаны. Женская половина группы тут же зашушукалась, а Лерка, кажется, была в паре секунд от глубокого обморока. Натурщик уже потянулся к резинке боксеров, и когда ткань сползла, обнажая гладкую кожу лобка, Марк резко его оборвал.

— Достаточно, — отрезал он, и в его голосе прорезалась сталь. — Хватит с них и этого.

Марк Владимирович стоял, скрестив руки на груди, и я видела, как плотно сжаты его губы. В мастерской воцарилась тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием Лер-

ки. Сергей, ничуть не смущенный произведенным эффектом, вальяжно расположился на подиуме, демонстрируя безупречную рельефную мускулатуру.

— Ардова, — голос Марка прозвучал как выстрел в этой тишине. — Вы вчера так смело рассуждали о шарме человеческой анатомии. Прошу, выходите к подиуму.

Я замерла. Все головы тут же повернулись в мою сторону.

— Зачем? — я старалась, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от предчувствия подвоха.

— Вы станете моим ассистентом, — он медленно подошел к Сергею, не сводя с меня глаз. — Раз у вас *«всё отлично с техникой»*, вы будете наносить разметку основных мышечных групп прямо на модель. Маркером. Чтобы остальные видели, как хаос линий подчиняется костному каркасу.

В аудитории кто-то присвистнул. Лера испуганно округлила глаза, а Андрей заметно напрягся. Это была провокация в чистом виде. Марк Владимирович заставлял меня, в моем экстремально коротком платье, подойти вплотную к полуголому Сергею и касаться его кожи на глазах у всех.

— Пусть сначала попробует Валерия, — произнесла я, нарочито растягивая слова и не двигаясь с места. — У неё явные пробелы в этой области, а вы, как наш наставник, просто обязаны помочь ей освоить схему разметок.

Я видела, как по его лицу пробежала тень, а челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки. Мой открытый протест явно не входил в его планы *«укрощения»*.

— Я хочу, чтобы это сделали именно вы, Ардова, — в его голосе прозвучало предупреждение.

— При всём уважении, Марк Владимирович, — я вызывающе сложила руки на груди, отчего тонкая ткань платья опасно натянулась, — вы должны помогать тем, кто в этом нуждается. Как она защитит диплом, если не способна построить элементарную схему? Думаю, вам будет крайне неловко, если ваша студентка завалит экзамены.

Левицкий замер, сверля меня взглядом, в котором ярость боролась с чем-то похожим на признание моей тактической победы. Он сдался, но я знала — он мне это припомнит.

— Ладно. Валерия, к подиуму, — сухо скомандовал он.

Лерка, ставшая цвета спелого граната, метнула в меня короткий, панический взгляд и, едва переставляя свои шпильки, поплелась к Сергею. Следующие полтора часа превратились для неё в сладкую пытку. Под бдительным и холодным надзором Марка, она, едва дыша и дрожа всем телом, медленно вела маркером по рельефным мышцам натурщика, спускаясь от груди к самому краю боксеров. Марк стоял за её спиной, периодически перехватывая её руку своей ладонью, чтобы поправить линию, и каждый раз, когда он это делал, я видела, как у Леры подкашиваются колени.

— Хорошо, после перерыва продолжим, — сухо бросил он, как только звонок разрезал тишину мастерской.

Лерка не дала мне даже закрыть пенал. Она вцепилась в мою руку мертвой хваткой и потащила в туалет, словно от

этого зависела её жизнь. Влетев внутрь как фурия, она с размаху уселась на подоконник, тяжело дыша и обмахиваясь ладонями.

— Я не пойму, Ардова, ты меня сейчас подставила или королевскую награду выписала? — выпалила она, и её глаза всё ещё были шальными. — У меня руки до сих пор вибрируют! Я кожей чувствую, какой этот Сергей горячий... а когда Марк Владимирович перехватил мою кисть, я вообще забыла, как дышать. Думала, прямо там на подиум и сползу!

Я не выдержала и заливисто расхохоталась, прислонившись к холодному кафелю стены. Вид ошарашенной и одновременно восторженной подруги был лучшей компенсацией за утренний стресс.

— Считаю, что я устроила тебе интенсивную терапию, — я хитро подмигнула ей. — Не благодари. Тебе нужна была практика — ты её получила в лучшем виде. Зато теперь ты точно знаешь, где у мужчины крепятся дельтовидные мышцы.

— Да я теперь знаю даже то, о чем в учебниках анатомии стесняются писать! — простонала Лера, постепенно приходя в себя. — Но ты видела Левицкого? Кира, он же тебя взглядом на атомы расщеплял, пока я там по Сергею маркером возила. Ты играешь с огнем, дорогая. И, кажется, в этом пожаре мы сгорим все вместе.

Как только звонок разрезал тишину, мы вернулись на свои места. Сергей уже натянул футболку, и из-под его рукавов

синели полоски маркера — следы Леркиного «*боевого крещения*». Подруга, едва завидев его, тут же уткнулась взглядом в пол и пулей пронеслась к своему мольберту, стараясь не отвечивать.

Но стоило мне коснуться стула, как голос куратора пригвоздил меня к месту:— Ардова, на подиум. Живо.

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как внутри всё натягивается, словно струна. Шпильки звонко отчеканили мой путь к возвышению. Я встала в самом центре, кожей ощущая внимание всей группы. Марк Владимирович подошел вплотную. Его близость обжигала, а запах дорогого парфюма заполнил всё пространство. Он всучил мне красный маркер, и его пальцы намеренно задержались на моих.

— Теперь ваша очередь демонстрировать знания, — произнес он с вызовом.

— Боюсь, на Сергее мест для разметки больше нет.

Вместо ответа он потянулся к своей шее. Медленным, почти гипнотическим движением он расслабил узел галстука и начал расстегивать пуговицы ослепительно белой рубашки. Одну за другой. Я почувствовала, как в легких закончился кислород.

— Покажите на мне, — бросил он, скидывая рубашку на спинку ближайшего стула.

Аудитория буквально взорвалась безмолвным криком. Девчонки окончательно «*поплыли*», глядя на безупречный торс куратора вживую, а я просто задохнулась от такой наг-

лости. Это был не учебный процесс, это была дуэль.

— Давайте, Ардова. Или вы отправили Валерию только потому, что сами боитесь ошибиться? — его голос стал низким, вибрирующим. — Если сомневаетесь, я могу подсказать.

Он резко перехватил мою руку с маркером. Его ладонь была горячей и властной. Не отрывая тяжелого, темного взгляда от моих глаз, он медленно потянул мою руку к себе. Кончик красного маркера коснулся его кожи прямо у ключицы.

Марк вел мою руку вниз по своей груди, заставляя меня чувствовать каждый рельеф, каждую мышцу, которая перекатывалась под его кожей.

Минутная борьба взглядов превратилась в настоящую дуэль, в которой воздух между нами можно было резать мастихином. Я первой прервала этот электрический контакт, резко остановив его руку.

— Я знаю, — бросила я ему в самое лицо, стараясь, чтобы голос не дрогнул от близости его обнаженного тела. — Обойдусь без вашей помощи.

Он медленно убрал ладонь, но не отступил ни на сантиметр. Я сделала глубокий вдох, наполняя легкие его сводящим с ума ароматом, и решительно положила свободную руку ему на плечо. Кожа была обжигающей, гладкой и плотной.

Я начала вести красный маркер по его телу, превращая учебную разметку в интимный ритуал. Я выводила контуры грудных мышц, прорисовывала рельеф пресса, чувствуя, как

под моими пальцами вздрагивает его плоть. Когда я перешла к спине, мастерская окончательно погрузилась в вакуумную тишину. Я очерчивала каждую линию, каждую впадину вдоль позвоночника до самых мышц у линии брюк. Мои пальцы то и дело «случайно» задевали его кожу, оставляя за собой дорожку из мурашек.

Закончив, я обошла его и встала лицом к лицу. Марк тяжело дышал, его глаза потемнели. Я молча вложила маркер в его ладонь, на мгновение крепко сжав его пальцы, и, не дожидаясь реакции, развернулась.

— Думаю, на этом всё, — бросила я через плечо.

Под звонкий стук своих шпилек я вернулась на место, кожей ощущая на себе взгляды всей группы — от шокированного Андрея до пребывающей в транс Леры. Но важнее всего был его взгляд, который жег мне спину, обещая, что этот раунд был далеко не последним.

Марк

"В мастерской наконец-то воцарилась тишина, но воздух всё еще казался наэлектризованным. Студенты разошлись, оставив после себя запах пыли и терпкий аромат духов Ардовой, который, казалось, въелся мне в кожу. Я всё еще стоял у подиума, не спеша надевать рубашку. Красные линии маркера на моей груди и животе горели, словно настоящие шрамы.

Сергей лениво поднялся, натягивая куртку, и бросил на

меня многозначительный взгляд. Синие полосы на его руках выглядели жалко по сравнению с той картой чувственности, которую Кира вывела на мне.

— Знаешь, Марк, — Сергей усмехнулся, закидывая рюкзак на плечо. — Твои студентки — те еще горячие штучки. Особенно эта, с карандашом в волосах. У неё рука не дрогнула, когда она тебя «препарировала».

Я молча подошел к окну, чувствуя, как под кожей всё еще вибрирует отголосок её прикосновений.

— Ты снова ввязался в опасную игру, — продолжал Сергей, подходя ближе. — Опять этот твой азарт завоевателя? Помнишь, чем закончился твой «первый раз» с той художницей в Европе? Громкий скандал, выбитые окна в студии и едва не загубленная карьера. А теперь твоя новая жертва совсем девчонка. Сколько ей?

— Двадцать два, — отозвался я, и мой голос прозвучал суше, чем я планировал.

Я всё еще ощущал тепло её ладони на своем плече. Она думает, что победила в этом раунде, отправив Валерию к натурщику. Но она не понимает, что этим только разожгла мой аппетит.

— Двадцать два... — протянул Серега, доставая телефон. — Совсем молодая кровь. Её подруга, кстати, тоже ничего. Смотри, я уже нашел её соцсети. Валерия... милое личико, и смущается так забавно.

Он повернул ко мне экран, где на фото Лера позировала с

Кирой в каком-то клубе. На Ардовой было то самое платье, которое сегодня едва не свело меня с ума.

— Завязывай с этим, Марк, — Сергей стал серьезным. — Если ты решишь её «наказать» или «переучить», как ты любишь, это может выйти боком.

— Именно поэтому я должен его обуздать, — отрезал я, наконец беря в руки рубашку.

Я знал, что иду по тонкому льду. Но когда Кира смотрела мне в глаза, водя маркером у края моих брюк, я понял: её хаос — единственное, что заставляет меня чувствовать себя живым."

глава 5 «Скелеты старого света»

Марк

Я стоял у панорамного окна своего кабинета, сжимая в руке бокал с янтарным виски. Лед давно растаял, разбавляя напиток, но я не замечал вкуса. Мой взгляд был устремлен на пустую мастерскую, где еще недавно Кира Ардова выводила на моём теле красные линии.

Память — это холст, который невозможно закрасить полностью. Старые слои всегда проступают сквозь свежую краску.

Европа.

Пять лет назад я был там богом. Мои выставки собирали толпы, а мастер-классы в престижной академии Флоренции считались привилегией. Именно там я встретил Элизу. Она была похожа на Киру — такая же талантливая, такая же строптивая.

Сначала я просто хотел отточить её талант, превратить её хаос в идеальную симметрию. Но сам не заметил, как профессиональное доминирование превратилось в одержимость.

Я приручал её медленно, как дикое животное. Я диктовал ей, что рисовать, что носить, с кем дышать. И Элиза подчинялась. Ей казалось, что это и есть высшее проявление любви гения — полная власть.

Она была моим идеальным творением, живым полотном. До того рокового вечера.

Я нашел её в кафе с молодым архитектором. Ничего особенного — просто смех, просто касание руки. Но внутри что-то сдетонировало.

Ревность сорвала все замки моего самоконтроля. Когда мы вернулись в мою мастерскую, разразился ад.

— Ты — моя! — мой крик рикошетил от высоких сводов флорентийской студии, разбиваясь о холодные мраморные полы.

— Ты не имеешь права даже дышать без моего дозволения! Я метался по комнате, чувствуя, как внутри закипает неуправляемая лава.

Элиза стояла у окна, и её смех — звонкий, надрывный, почти безумный — резал меня по живому.

— Очнись, Марк! — бросила она, и в её глазах я увидел то, чего боялся больше всего — ледяное безразличие. — Я устала. Твой контроль — это не любовь, это медленная смерть. Я хочу дышать сама, а не через твой кислородный баллон. Всё кончено. Я ухожу.

Эти слова стали детонатором. Моя муза, моё идеальное творение, которое я вылепливал годами, собиралась просто захлопнуть дверь? В груди что-то лопнуло. Я не смел её отпускать. Не мог.

Сам не понял как начал разносить кабинет. С грохотом летели на пол подрамники, холсты рвались с пугающим трес-

ком, летели в стены бесценные фарфоровые статуэтки. Я крушил всё, до чего мог дотянуться, превращая храм искусства в камеру пыток.

Злость застелила глаза кровавой пеленой, я не видел ничего, кроме своего рушащегося мира. Я не замечал, что Элиза стоит слишком близко. Очнулся только тогда, когда наступила звенящая тишина.

— Элиза?..

Она лежала на полу среди обломков. Без сознания. Её лицо, которое я считал вершиной божественного замысла, было изрезано острыми краями разбитых холстов и осколками фарфора. Кровь — пугающе яркая — медленно пропитывала светлый паркет кабинета.

Я стоял и смотрел на свои руки, не в силах осознать, что сотворил. Моя дикость обернулась против единственного, что я любил.

Потом были бесконечные коридоры больницы, едкий запах антисептика и долгие месяцы реабилитации. Она выжила, но моё «искусство» оставило на ней шрамы на всю жизнь — глубокие борозды, которые не смог бы скрыть ни один макияж в мире.

Когда она впервые открыла глаза и посмотрела на меня, в них не было ненависти. Только бесконечная пустота.

— Уходи, Марк, — прошептала она изуродованными губами. — Просто исчезни. Не появляйся в моей жизни. Никогда.

Она не подала в полицию. Наверное, это была её последняя милость или финальный акт презрения. И я исчез. Бежал в другую страну, выжег в себе все чувства и стал тем самым ледяным «минималистом», которого сейчас так ненавидит Кира Ардова.

Но сегодня, глядя на колючую и дерзкую Киру, я чувствую, как тени Флоренции тянут ко мне свои руки. Она — мой второй шанс или моё окончательное падение?

Я хочу её привязать, но боюсь, что мои цепи снова обернутся лезвиями. Это решение стало моим внутренним манифестом, окончательным и бесповоротным. Я слишком хорошо помню цену своего бешенства, чтобы позволить первобытной тьме снова поглотить меня и — что еще страшнее — погубить мою новую, и я в этом абсолютно уверен, последнюю музу.

Теперь я истязая собственное тело в спортзале до седьмого пота. Бесконечные серии ударов по тяжелой груди и изматывающие, жесткие спарринги на грани фола стали моей ежедневной рутинной; только так я могу хоть немного усмирить этот разрушительный пыл, буквально вышибая из легких ядовитые остатки неконтролируемой ярости. Но порой наступают моменты, когда внутри становится по-настоящему невыносимо.

Когда осознание того, что я не имею права обладать Кирой прямо здесь и сейчас, сдавливает горло мертвой хваткой и мешает дышать. В такие ночи я сбегая туда, где со-

циальные маски и светские приличия рассыпаются в прах. Подпольные бои. Там, в тесном кольце из колючей проволоки, под истошные крики жаждущей крови толпы, я даю волю своим демонам.

Я выплескиваю всё до последней капли: удушающую ревность к этому выскочке Андрею, параноидальную одержимость Кирой и тот леденящий душу страх снова превратиться в монстра из своего прошлого. Там чужая и своя кровь на костяшках — это не трагедия и не повод для раскаяния, а единственный доступный мне способ почувствовать себя живым, не ломая при этом жизнь той, что стала моим единственным смыслом и персональным адом.

Я усвоил горькие уроки прошлого и теперь действую с ювелирной точностью, выверяя каждое движение, каждый вдох. Элиза в своё время стала моей слишком быстро, без боя; мне не пришлось разворачивать полномасштабную стратегию осады. Она с первого же взгляда начала дышать моим признанием, рассыпаясь в том приторном обожании, которым меня привычно одаривают восторженные студентки.

Но Кира она — вызов моей выдержке. Она не просто не идет на сближение, она возвела вокруг своего творческого хаоса неприступную стену и вцепилась в него, как в единственный щит, способный защитить её от меня. И что бесит, что распаляет мой азарт больше всего — это её взгляд.

Она смотрит на меня не с благоговением, а как на послед-

него подонка, не скрывая своего презрения. «Напыщенный индюк» — вот то клеймо, которым она наградила меня перед своими друзьями, наивно полагая, что мне нет дела до её колючих прозвищ.

Но я знаю: это лишь вопрос времени. Я стану её персональным проводником, тем единственным мастером, который откроет ей двери в высшую лигу искусства, где правила диктую я. Я намерен подарить ей такое наслаждение — и в исступленном творчестве, и в тех моментах, что останутся за дверями мастерской, — которое выжжет на её памяти моё имя навсегда.

Где-то глубоко внутри, под слоями напускного отрицания, она уже чувствует нашу фатальную связь. Мы с ней сделаны из одного теста. Ведь истинный творец узнает себе подобного по едва уловимой вибрации, и в её работах, за всем этим нагромождением лишних деталей, бьется тот же лихорадочный, темный ритм, что и в моём сердце.

Она сдастся, упадет в мои руки, и этот момент её добровольной капитуляции станет моим величайшим триумфом

глава 6 «Начало войны»

Я сидела на заднем ряду, подпирая подбородок кулаком, и с нескрываемым скепсисом наблюдала за массовым помешательством. Мастерская буквально плавилась — и не от жара софитов, а от коллективного вожделения моих однокурсниц. Стоило Марку Владимировичу просто поправить запонку или — о ужас! — медленно расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, как по рядам проносился такой благоговейный вздох, будто перед ними явился сам Аполлон Бельведерский.

Серьезно? Я закатила глаза, переводя взгляд на свой планшет.

Ну да, он симпатичный. Объективно. Привлекательное лицо, правильные черты, плечи широкие. Но на этом всё. Для меня он был просто очередным индюком в дорогом костюме, который стоит больше, чем вся моя жизнь вместе с байком и тату-машинками.

Я искренне не понимала, по чему тут сохнуть. У нас в Академии полно ребят ничуть не хуже. Тот же Андрей — поджарый, дерзкий, с живым огнем в глазах. А самое главное — они молодые. В них есть драйв, есть эта безумная жажда жизни.

А что взять с тридцатилетнего мужика? Он же застывший памятник самому себе. Грубый, высокомерный, с вечно под-

жатыми губами. Марк Владимирович перемещался по аудитории с таким видом, будто оказывал нам великую милость своим присутствием. Самодовольство сочилось из него так явно, что он рисковал продырявить небеса своим заносчивым носом, не говоря уже о моих несчастных работах, на которые он взирал с высоты своего эго

Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что он совершенно не умел ценить искусство других. Он не искал искру, он искал соответствие своим сухим канонам. Если ты не вписываешься в его личную систему координат — ты мусор. Бездарность.

Когда он проходил мимо моего мольберта, я кожей чувствовала его холод. Он остановился, глядя на мой эскиз, и я буквально видела, как в его голове созревает очередная едкая гадость.

— Ардова, в этой линии столько же смысла, сколько в случайном кляксе, — обронил он, даже не глядя на меня.

— Зато в ней есть пульс, Марк Владимирович, — огрызнулась я, не отрываясь от работы. — В отличие от ваших лекций, которые напоминают вскрытие в морге.

Он замер. Я почувствовала, как воздух за моей спиной наэлектризовался. Индюк. Напыщенный, самовлюбленный индюк. И если он думает, что я стану в очередь за порцией его внимания, то он ошибается аудиторией.

Я сидела, до белизны в костяшках сжимая угольный карандаш, и сверлила взглядом спину удаляющегося Левицко-

го. В голове пульсировала только одна мысль: чего он добивается этим бесконечным фарсом?

Каждое его едкое замечание, каждый презрительный изгиб губ при взгляде на мои холсты — это ведь не про обучение. Это про власть. Он хочет, чтобы я сломалась. Чтобы я выжгла в себе всё живое, стерла свои резкие, кричащие линии и начала послушно выводить его бездушные закорючки. Он ждет, что я сдамся и приползу к нему за одобрением, как побитая собачонка.

Да ни за что. Никогда.

Я — личность. Я — художник, а не ксерокс для его амбиций. У меня есть свой взгляд на этот чертов мир, и он не ограничивается рамками его идеальных пропорций. Марк Владимирович — просто сухарь, который, кажется, давно разучился мечтать о чем-то большем. Что у него есть, кроме этой пустой, вылизанной до блеска квартиры, которую я себе представляю, и нищего, выхолощенного искусства, в котором нет ни капли пота и крови?

Он боится моего хаоса. Боится, потому что в моем беспорядке жизни больше, чем во всей его упорядоченной карьере. Он хочет причесать мою душу, загнать её в стойло, потому что сам — раб собственных правил.

Хаос — это и есть я. Это мои татуировки, мой ревуший байк, мой недосып и мои дерзкие ответы. Это та энергия, которую он так отчаянно пытается задушить, потому что она его пугает. И если он думает, что я поменяю свою искрен-

ность на его холодный «минимализм», то он глубоко ошибается.

Я буду черкать, мазать и взрывать цветом каждый лист, который попадет мне в руки. Я буду его персональным кошмаром до самого диплома. Пусть злится, пусть угрожает недопусками — я не стану одной из тех безликих кукол, которых он штампует по своему образу и подобию.

И вот снова в очередной раз между нами заискрило. В мастерской буквально запахло озоном — настолько плотным было напряжение. Никто не хотел уступать: он стоял на своем с упрямством бетонной стены, а я была готова расшибиться в лепешку, но не прогнуться.

— Вы должны выполнять мои задания строго по курсу! — трендил он всю пару, чеканя каждое слово, будто забивал гвозди в крышку гроба моего вдохновения.

Марк Владимирович расхаживал между рядами, небрежно поправляя манжеты, и его голос, холодный и монотонный, действовал на меня как китайская пытка каплями воды.

— Задание на доске, Ардова. Будьте любезны изучить его и не добавлять в работу ничего лишнего от своей «богатой натуры», — он выделил последние слова такой дозой яда, что у меня скулы свело.

Я посмотрела на доску. Сухая, бездушная схема. Линейная перспектива, выверенные тени, никакой экспрессии. Это было не творчество, это была стерилизация разума. Он хотел, чтобы я превратилась в чертежный инструмент, но мой

уголь уже чесался в пальцах, чтобы провести «неправильную», живую линию, от которой его идеальный минимализм пойдет трещинами.

Я стояла перед ним, тяжело дыша, и чувствовала, как от его груди исходит почти осязаемый жар. Расстояние между нами сократилось до какого-то критического минимума — я буквально упиралась носом в его безупречно выглаженную рубашку, но отступить не собиралась.

— Это искусство, Марк Владимирович! — выкрикнула я прямо ему в лицо. — Искусство, а не урок черчения в средней школе! Вы требуете минимум линий? Больше тени? Да вы просто пытаетесь загнать живое чувство в рамки своего мертвого минимализма!

— Ардова, я предупреждал в самом начале, — его голос стал пугающе низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости. — В этой мастерской правила устанавливаю я.

— Тогда какого черта вы здесь забыли со своими правилами?! — я сорвалась на крик, чувствуя, как адреналин застилает глаза. — Катитесь обратно в свою хваленую Европу и там командуйте своими бездушными манекенами! А здесь люди, которые умеют чувствовать, а не просто копировать ваши скучные схемы!

Я видела, как на его шее вздулась вена. Он весь напрягся, словно струна, готовая лопнуть и хлестнуть меня по лицу. На мгновение мне показалось, что он сейчас схватит меня за плечи и встряхнет так, что у меня зубы застучат. Но Марк

сделал глубокий, резкий вдох и медленно выдохнул, прикрыв глаза. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде была какая-то странная, утомленная пустота.

— Ладно, — бросил он, отступая на шаг и тем самым возвращая мне воздух, которого вдруг стало катастрофически не хватать. — Заканчивайте свое... безобразие. И сдавайте работу. Посмотрим, насколько хватит вашего «чувства», когда придет время выставять итоговый балл.

Он развернулся и чеканным шагом направился к своей кафедре, ни разу не оглянувшись. Я осталась стоять у мольберта, чувствуя, как дрожат руки. Победа? Или я только что окончательно подписала себе смертный приговор?

Я посмотрела на свой холст. Жирные, неровные линии, мазки, нанесенные с такой яростью, что кое-где бумага порвалась. Это был хаос. Мой хаос. И я была готова защищать его до конца, даже если этот индюк решит вышвырнуть меня из академии.

++++

Мы сидели в «*Арт-Паузе*», и я с таким остервенением кромсала свой салат, будто это было лицо Левицкого. Лерка уже полчаса зудела над ухом, возмущаясь моим рвением довести куратора до белого каления, а я только пыхтела, как перегретый паровоз.

— Да потому что меня бесят такие заносчивые люди, ясно тебе? — я с грохотом отложила вилку. — За три года в этой Академии мне никто кость поперек горла не вставлял!

Всем нравилось, как я вижу этот мир, все ценили мой стиль. А он? Этот человек — ходячий абсурд. Вместо солнца он требует рисовать идеальный круг, а вместо сочной травы — выжженное скошенное поле. Как его вообще приняли сюда с таким кастрированным взглядом на искусство?

— Ну не знаю, Кир... — Лерка мечтательно заболтала ложечкой в кофе. — Есть в этом его минимализме что-то... сексуальное. Чистые линии, ничего лишнего. Знаешь, как это будоражит?

Я не выдержала и громко расхохоталась, представляя эту картину.

— Ой, Лер, умоляю! Только не вздумай звать его к себе в гости, — я вытерла выступившие от смеха слезы. — Он же сознание потеряет, как только переступит порог и увидит твой «минимализм» с кружевными трусами, висящими на люстре. А когда ты кинешься его откачивать, он придет в себя, снова наткнется взглядом на этот хаос и опять отрубится. Это будет бесконечный цикл!

Лерка обиженно надула губы, но через секунду сама приснула в кулак.

— Зато это было бы эффектное свидание, — пробормотала она.

— Ага, — я снова посерьезнела, глядя в окно на массивные двери Академии. — Этому индюку полезно было бы хоть раз оказаться в настоящем беспорядке. Может, тогда бы он понял, что жизнь — это не только прямые углы и стериль-

ные тени.

Я сделала глоток ледяного чая, чувствуя, как внутри всё еще вибрирует отголосок нашего спора в мастерской.

— И что, ты теперь собираешься до самого выпуска с ним лаяться? — Лерка скептически выгнула бровь, ковыряя десерт.

— Пусть извинится, тогда и перестану! — я упрямо скрестила руки на груди. — Потому что он в корне не прав. Ты видела, что Лизка сегодня сдала? Там же чепуха полная, мазня без единого проблеска смысла! И что? Хоть слово он ей сказал поперек? Нет, стоял и кивал с этим своим непроницаемым видом.

Я сделала паузу, чувствуя, как желчь подступает к горлу.

— А знаешь, почему? Потому что Лизка разве что трусы свои ему на стол еще не выложила. Она же буквально стелется перед ним, заглядывает в рот и ловит каждое слово, как божье откровение. А я не вздыхаю. Я не теку от его костюма и ледяного взгляда. И этого индюка это бесит. Он решил меня проучить, понимаешь? Мол, «всем я нравлюсь, все передо мной на задних лапках, и ты, Ардова исключением не будешь».

— Но знаешь что, дорогая? — я в сердцах ткнула пальцем в сторону Леры, едва не смахнув со стола чашку с уже ледяным чаем. — Я намерена стать досадным исключением в его безупречном списке побед. Мне плевать на его хваленую сексуальность и этот терпкий, дурманящий шлейф дорогого

парфюма, от которого у наших девиц коллективно отшибает мозги. Я просто стисну зубы, переживу этот чертов курс и испарюсь из Академии быстрее, чем высохнет краска на дипломе. Сделаю всё, чтобы наши пути больше никогда не пересеклись даже на самой узкой тропинке.

Я прищурилась, прожигая подругу взглядом, полным праведного негодования.— И вообще, ты — самая настоящая предательница! Вместо того чтобы встать на сторону лучшей подруги, с которой мы пуд соли съели, ты что сделала? Потекла при первом же его властном взгляде и без боя сдала свою уникальную, сочную манеру письма ради его «двух палочек» на холсте! Продала талант за сомнительное удовольствие созерцать этого индюка вблизи.

Лера лишь зашлась в заливистом хохоте, ничуть не задетая моей тирадой. Она вытерла выступившую от смеха слезинку и потянулась через стол, чтобы накрыть мою ладонь своей.— Ой, Кира, я тебя просто обожаю за твою праведную ярость, — проворковала она. — Но давай будем честными: не с тобой же мне, в конце концов, делить постель! А он ну признай, он чертовски хорош. Породистый, опасный и такой холодный, что хочется проверить, до какой температуры он может раскалиться. Я уверена, это просто преступление против искусства — не затащить такого мужчину к себе хотя бы на одну ночь. Чисто в исследовательских целях, ради детального изучения «анатомических пропорций», понимаешь?

— Пропорции она изучать собралась, — буркнула я, чув-

ствуя, как лицо обдаёт жаром. — Смотри, как бы он тебя саму по линейке не выстроил. У него вместо сердца — штангенциркуль, а в венах течёт ледяной закрепителем, так и знай.

— Надеюсь, в штанах у него тоже какой-нибудь выдающийся «инструмент», — подытожила Лера с самым серьёзным видом, — иначе я окончательно разочаруюсь в красивой обертке. Помнишь того Сашку из клуба? Так вот, там был — она красноречиво показала двумя пальцами крошечный размер, и меня передернуло от отвращения.

— Да-да, — продолжала она, не обращая внимания на мою гримасу. — А парню, на минуточку, уже двадцать четыре было! Так что, если и у этого хваленного красавца в кармане окажется «грош», то с меня хватит этих эстетов. Пересплю тогда с Костиком, и дело с концом.

— Да фу-у-у! — я буквально взорвалась, едва не подпрыгнув на стуле от возмущения. — Как ты вообще можешь такое нести? Переспать с Костиком?! Зная всё, что мы творили вместе, всё, через что прошли нашей бандой? Это же это же инцест какой-то, Лер!

Я смотрела на неё во все глаза, не понимая, шутит она или у неё реально на почве Левицкого все предохранители сгорели. Костик был для нас как непутевый брат, а не как объект для сексуальных экспериментов.

— Ты совсем с катушек съехала от своего «анатомического голода»? — я покачала головой, чувствуя, как по спине пробежал холодок от одной мысли о такой «альтернативе».

— Уж лучше пусть Марк Владимирович окажется со штангенциркулем вместо достоинства, чем ты совершишь такую роковую ошибку с Костей.

— Тогда не смей меня осуждать за мокрые трусики! — Лера с вызовом ткнула в меня пальцем, и в её глазах заплясали шальные огоньки. — Вот увидишь, Ардова, пройдёт совсем немного времени, и у тебя самой они станут такими же. Как только этот индюк сдастся под твоим напором и начнёт буквально лебезить у твоих ног, ты поплывёшь первой. Я-то тебя насквозь вижу!

Она хитро прищурилась, наслаждаясь моим замешательством.

— Не зря Андрей скачет вокруг тебя как заведённая обезьяна. А всё почему? Потому что запретный плод всегда самый сладкий. И для Левицкого ты — именно такой плод. Ты его бесишь, ты рушишь его идеальный мир, и поверь мне, он уже на крючке. А когда он решит тебя «приручить», искры полетят такие, что вся Академия сгорит.

Я хотела было возразить, вскинуть подбородок и заявить, что скорее перейду на акварель, чем позволю этому минималисту ко мне прикоснуться, но слова застряли в горле. В голове некстати всплыл образ его длинных пальцев, сжимающих край кафедры, и то, как опасно темнеют его глаза, когда он стоит слишком близко.

— Мечтай больше, Лер, — проворчала я, пряча лицо за стаканом с ледяным чаем. — Лебезить он будет только перед

своим зеркалом. А я... я просто доживу до зачета.

глава 7 «Зеркальные визоры»

Пять пар кряду — это не образовательный процесс, а изошренная пытка, добровольная лоботомия без наркоза. Когда в шестом часу вечера наша группа наконец вывалилась на крыльцо Академии, прохладный уличный воздух показался мне сладким и густым, как липовая патока. Мы жадно вдыхали его всей грудью, отчаянно пытаясь вытравить из легких въедливый запах масляной краски, а из сознания — низкий, вкрадчивый баритон Левицкого, который последнюю пару методично препарировал наши нервы.

Андрей, вальяжно помахивая моим «ушастым» шлемом, увлеченно травил Костику очередную байку про нашего «Аполлона», сопровождая рассказ активной жестикуляцией. В итоге Костик вызвался подбросить Лерку, а Андрей, как банный лист, прилип ко мне. Его собственный байк всё еще пылился в ремонте — отец наотрез отказался спонсировать его гоночные амбиции, и теперь Кузнецов был готов чуть ли не на коленях ползать перед всей Академией, лишь бы я его подвезла.

— Слушай, Кир, ну будь человеком, дай я за руль прыгну? — он состроил жалобную мину, на которую обычно покупались все девчонки, кроме меня. — Мой-то в сервисе, я уже по вибрации мотора сучаю до судорог. В прошлый раз обещала же!

— Строгое «нет», Кузнецов, — отрезала я, резким движением выхватывая у него шлем. — Своего «коня» я не доверю тебе даже под страхом смертной казни. И ничего я не обещала, не сочиняй. Садись назад, вцепляйся крепче и молись, если жизнь дорога.

Я перекинула ногу через сиденье, и плотная кожа экипировки натянулась до предела, вызывая обрисовывая каждый изгиб моих бедер. Андрей тут же выдал одобрителный свист, но, наткнувшись на мой ледяной взгляд, покорно запрыгнул сзади, мертвой хваткой вцепившись в мою талию.

— Да что ты как школьница в лифчик вцепился? Сядь ровно! — прошипела я сквозь визор, чувствуя его слишком плотное присутствие за спиной.

— Это чтобы тебе было теплее, крошка, а то курточка у тебя совсем тонкая, — усмехнулся он, прижимаясь еще теснее.

Мы летели по проспекту, и где-то на полпути к его дому судьба решила, что дневной дозы стресса мне недостаточно. На красном светофоре, прямо у моей правой подножки, плавно затормозил хищный черный байк. Пилот в глухом экипе, зеркальный визор, скрывающий лицо, и этот странный, леденящий аромат мяты, который умудрялся пробиваться даже сквозь городской смог и запах жженой резины. Сердце пропустило удар: этот запах был слишком знаком, чтобы быть просто совпадением.

Незнакомец не просто ждал зеленого сигнала — он бук-

важно препарировал нас своим вниманием, буравя взглядом сквозь зеркальный визор. Я ощущала это давление каждой клеткой тела, кожей чувствуя исходящую от него холодную, подавляющую ауру.

Андрей, эта невыносимая, вечно ищущая приключений зараза, моментально считал чужой интерес и тут же решил обозначить границы, играя в *«хозяина положения»*. Он вызывающе усмехнулся, глядя в глухое черное стекло чужого шлема, и медленно, с намеренной, тягучей властью провел широкими ладонями по моим бедрам. Плотная кожа экипировки натянулась под его пальцами, когда он прочертил путь от самых коленей до ягодиц, по-хозяйски притягивая меня к себе.

— Ты совсем страх потерял?! — выдохнула я, чувствуя, как лицо обжигает яростная краска гнева.

Я наотмашь треснула его по рукам, надеясь привести в чувство, но этот наглец только плотнее вжался в мою спину, наслаждаясь моим бессилием. Терпение лопнуло. Не долго думая, я со всей силы откинула голову назад, вкладывая в удар всю свою досаду. Мой затылок с тяжелым костяным стуком приложился прямо в его визор. Раздался звонкий «бум», Андрей обиженно взвизгнул, схватившись за лицо, и наконец-то отцепился, давая мне долгожданную свободу.

В этот момент из-под черного шлема анонима донесся короткий, вибрирующий смешок. В нем слышалось искреннее, почти издевательское одобрение — так охотник наблюдает

за строптивой добычей, которая показывает клыки. В ту же секунду вспыхнул зеленый. Незнакомец, коротким рывком крутанув ручку газа, заставил мотор взречься, и сорвался с места первым, в мгновение ока превращаясь в призрачную точку на горизонте.

— Вот же придурки, — прорычала я, до боли выкручивая газ и чувствуя, как сердце колотится о ребра. — И ты, Кузнецов, и он.

Я прибавила газ, следуя за ним как привязанная. То ли нам было по пути, то ли этот аноним намеренно маячил перед моим колесом, дразня своей безупречной траекторией. Ветер свистел в ушах, но азарт внутри перекрывал всё.

— Кира, поддай жару! Сделай его, чего мы плетемся в хвосте? — орал мне в шлем Андрей, вцепившись в мою талию.

— У него чертовски хороший зад, Кузнецов! — прокричала я в ответ, перекрывая рев моторов. — Чем не картина для завтрашнего просмотра?

— Спасибо, утешила! Давай приедем, я тебе свой покажу, — тут же съязвил он.

— Обойдусь, я домой слепая ехать не планирую! — огрызнулась я, закладывая байк в очередной поворот.

Мы почти поровнялись на длинном прямом отрезке. Я шла с правой стороны, буквально в метре от его черного бочка, всматриваясь в зеркальный визор. И в этот момент мир сошел с ума.

Слева, из слепой зоны, откуда никто не ждал удара, вырвалась шальная иномарка. Водитель, возомнивший себя пилотом «Формулы-1», пошел на безумный, самоубийственный обгон. Резкий удар пришелся анониму прямо в левый бок. Я в ужасе наблюдала, как его руль начал бешено колотиться — воблинг, страшный сон любого байкера. Он среагировал мгновенно: расслабил руки, мертвой хваткой сжал бак колесами и попытался плавно загрузить переднее колесо, но его «конь» уже окончательно сорвался с цепи.

— Твою мать! — искаженный шлемом рык утонул в визге резины за секунду до того, как неуправляемую махину потащило прямо на меня.

Мир вокруг замедлился до невыносимости. Тяжелый металл его байка с сокрушительной силой впечатался в мое переднее колесо. Удар, ледящий душу скрежет, и мой мотоцикл, подхватив ту же смертельную пляску руля, швырнуло к отбойнику. Андрея сдуло с сиденья мгновенно — я лишь краем глаза зацепила, как его тело беспомощным мешком покатилося по асфальту. А меня со всей инерции впечатало в ограждение; байк рухнул сверху, намертво придавив ногу к раскаленному полотну, и протащил так добрых сто метров.

Скрежет железа выбивал искры, которые рассыпались перед глазами ярким фейерверком. В голове, перекрывая звон, билась одна пульсирующая мысль: *«Лишь бы не вспыхнуло. Только не огонь»*. Когда инерция наконец отпустила, я замерла в неестественной, ломаной позе, жадно вдыхая густую

смесь бензина и жженой резины.

На трассу упала ватная тишина, а через мгновение в ушах зазвенел невыносимый ультразвук.

Аноним не раздумывал ни секунды отшвырнул свой искореженный аппарат в сторону, даже не удостоив его взглядом, и, наплевав на стонущего поодаль Андрея, бросился ко мне. Его шаги по асфальту отдавались в моей голове тяжелым, отчетливым ритмом.

Я лежала неподвижно, придавленная своим «конем», и тупо смотрела в темнеющее небо, по которому плыли мутные пятна. Адреналин, затопивший вены, работал как мощная анестезия: боли почти не было, только странное, холодное онемение во всем теле.

— Эй! Ты как?! Живая?! — в его голосе, приглушенном пластиком шлема, слышалась такая неприкрытая, дикая паника, будто это он только что прочертил кожей по асфальту.

Он подлетел ко мне и с рывком, на который способен только человек в состоянии крайнего шока, начал поднимать тяжелый байк. Я медленно моргнула, возвращаясь в реальность, и осторожно пошевелилась, проверяя, слушаются ли конечности.

— Нормально... — прохрипела я, пытаюсь сфокусировать взгляд.

Экипировка превратилась в лохмотья, кое-где виднелась содранная кожа, но, к моему величайшему удивлению, кости казались целыми.

Он тут же выругался — грязно и яростно.— Гадство! Твою мать, ты хоть понимаешь, как тебе повезло?!

Но я его уже не слушала. Игнорируя настойчивый голос незнакомца и дрожь в коленях, я вскочила на ноги. В голове шумело, но страх за друга оказался сильнее шока. Я бросилась в сторону Андрея, который медленно плелся нам навстречу, согнувшись в три погибели и напоминая скрюченную краковскую колбасу.

Я едва не сбила его с ног, налетев с разбега и сильной хваткой вцепилась в его плечи.— Ты как?! Живой? — голос дрожал, я лихорадочно ощупывала его руки, проверяя, всё ли на месте. — Цел? Ничего не сломал?— Нормально... — пропыхтел Андрей. Каждое движение давалось ему с трудом. — Но задницу отшиб знатно, Кирюха. Так что извини, обещанное «шоу» сегодня отменяется — продемонстрировать решительно нечего.

От дикого облегчения к горлу подступили слезы, но я лишь с силой хлопнула его по груди, заставляя снова ойкнуть.— Вот же ты придурок, Кузнецов! О заднице он своей печется, когда мы чуть на тот свет не отправились! Не в силах больше сдерживаться, я порывисто обняла его, утыкаясь шлемом в плечо. Андрей на секунду опешил, замер, а потом я почувствовала, как его руки тяжело сомкнулись на моей талии, притягивая ближе. Он прижался ко мне, продолжая шумно и болезненно пыхтеть, но не отпуская.

Я медленно обернулась через плечо. Аноним застыл всего

в паре шагов от нас, его грудь тяжело вздымалась. Зеркальный визор по-прежнему скрывал любые эмоции, превращая его в бездушного черного рыцаря, но его поза — напряженная, словно натянутая тетива — выдавала ярость. Он стоял, сжав кулаки, и в этой тишине я физически ощущала, как от него исходит жажда расправы: то ли над тем водителем, что скрылся в ночи, то ли над нами, устроившими этот опасный спектакль на дороге.

Незнакомец быстро оценил масштаб разрушений: его байк хоть и выглядел побитым, но уверенно держал ход, в то время как мой после встречи с отбойником подозрительно подвывал. Аноним коротко бросил Андрею предложение поменяться, и тот, к моему изумлению, даже не стал спорить.

— Давай, Кирюх, прыгай к нему. Тебе сейчас только на разваливающемся байке не хватало до дома добираться, — Андрей почти силой подтолкнул меня к незнакомцу и усадил прямо позади него. — Я твоего коня завтра на починку отгоню, не дрейфь!

С этими словами он оседлал мой мотоцикл и с ревом скрылся за поворотом. Мы же развернулись и направились в сторону моего дома.

Эта поездка превратилась в изощренную пытку для моих чувств. Из-за разбитой подвески байк нервно вздрагивал на каждом стыке асфальта, и при каждом вынужденном торможении инерция беспощадно вжимала меня грудью в его широкую, обтянутую грубой кожей спину. Это было пугающе

интимно — я чувствовала жар его тела и твердость мышц, находясь на опасно близком расстоянии от незнакомца, чье-го лица даже не видела.

Но по-настоящему сводили с ума его руки. Каждый раз, когда мотоцикл подбрасывало на кочке, он на долю секунды отрывал правую руку от руля и намертво вцеплялся в мое бедро, там, где экипировка была безжалостно разодрана асфальтом. Он сжимал пальцы так крепко, будто всерьез боялся, что я сорвусь с седла и исчезну в ночи, повторив полет Андрея.

Его ладонь в кожаной перчатке казалась обжигающе горячей. Каждое такое властное касание прошивало меня насквозь электрическим разрядом, заставляя забыть о боли в ноге. Я буквально покрывалась колючими мурашками, чувствуя, как по венам разливается тягучий жар, который не имел ничего общего с пережитым шоком от аварии. Это было необъяснимое, пробуждающееся влечение.

Мы неслись сквозь сумерки вечернего города, и в этом давящем молчании, пропитанном тактильным напряжением, я чувствовала себя в гораздо большей опасности, чем во время столкновения с машиной. Этот мужчина пугал меня своим спокойствием и той властью, которую его руки забирали над моим телом.

Когда мы наконец замерли у моего подъезда под болезненно-желтым светом фонарей, тишина стала почти осязаемой. Я сползла с байка, едва удерживаясь на ногах — коле-

ни мелко дрожали то ли от адреналинового отката, то ли от невыносимой близости этого молчаливого гонщика. Мы застыли друг напротив друга, так и не сняв шлемов. Два зеркальных визора отражали лишь пустоту спящей улицы и наши неподвижные тени. Между нами так искрило, что, казалось, этот воздух можно поджечь одной спичкой, а в наступившем безмолвии был слышен лишь металлический щелчок остывающего двигателя.

— Спасибо, — глухо буркнула я из-под пластиковой защиты, отчаянно стараясь, чтобы голос не сорвался и не выдал моего смутения.

В ответ не прозвучало ни слова — лишь едва уловимый, почти ритуальный кивок. Я замерла, когда его рука в кожаной перчатке медленно потянулась к моему лицу. Сердце в панике ударилось о ребра: я была уверена, что сейчас он коснется края моего шлема, рывком поднимет зеркальный визор и наконец сотрет эту чертову анонимность между нами.

Но его пальцы, сохранившие жар недавней гонки, скользнули ниже. Он осторожно перехватил собачку моей куртки, которая разошлась при падении, и одним плавным, собственническим движением застегнул молнию до самого подбородка, словно упаковывая меня в защитный кокон.

— Обработай рану, — его голос, приглушенный шлемом, прозвучал неожиданно низко и властно. Этот тембр обволакивал меня знакомым мятным холодом, от которого по коже пробежала волна предвкушения.

Он резко крутанул ручку газа, и яростный рев мотора вдребезги разорвал сонную тишину двора. Прежде чем я успела выдохнуть хотя бы слово, байк сорвался с места, оставив после себя лишь едкий запах жженой резины и затихающий гул в моих ушах.

Я так и осталась стоять на тротуаре, глядя в пустоту, пока кроваво-красный огонек его задней фары не растворился в лабиринте ночных улиц. В голове царил абсолютный сумбур.

Медленно, преодолевая сопротивление затекших мышц, я стянула шлем и тут же поморщилась от резкой, протрезвляющей боли в ноге. Рану действительно нужно было промыть, но, хромя вверх по лестнице, я думала вовсе не об антисептике. В голове крутился один и тот же вопрос: почему этот таинственный всадник заботился о моем внешнем виде и сохранности моего тела больше, чем о собственном разбитом мотоцикле, стоившем баснословных денег?

Дима

"Я рвал ночной воздух на части, выжимая из байка всё, на что он был способен после удара. Остановился только на набережной, там, где городская суета сменялась черной пустотой воды. Спрыгнул с седла и, не снимая шлема, со всей дури вмазал тяжелым ботинком по колесу своего «ко-ня». Потом еще раз. И еще.

— Твою мать! — мой рык утонул в шуме прибоя.

Я проклинал эту иномарку, проклинал весь этот чертов

мир, но больше всего — себя. Свой косяк. Не удержал дистанцию, не просчитал этого ублюдка на обгоне, позволил ей влететь в этот долбаный отбойник. Перед глазами до сих пор стояла картинка: она, зажатая металлом, и искры, летящие из-под её байка.

Сейчас она дома. Одна. С раненой ногой. Ей повезло, нерезально повезло, что всё обошлось только содранной кожей и испугом. Она оказалась куда крепче и злее, чем я думал — настоящая маленькая воительница. Но в груди всё равно kloкотало от ярости на самого себя.

Я должен был заставить её поехать в травмпункт. Схватить в охапку, закинуть на плечо и отвезти к врачам. Проверить на скрытые переломы. У неё мог быть шок, под которым боли не чувствуешь, а я просто высадил её у подъезда и уехал. Идиот.

Я долго стоял, опершись на парапет, и смотрел на темную воду. Но, несмотря на весь этот ад на трассе, внутри горел какой-то дикий, неправильный огонь. Я был рад, что встретил её там. Рад, что она снова оказалась в моих руках, пусть и при таких обстоятельствах.

Я всё ещё чувствовал, как она вжималась в мою спину, как её руки обхватывали мой торс, пытаясь удержаться на кочках. А мои пальцы кожа на подушечках до сих пор горела от прикосновения к её бедру. Эта мягкость и жар её тела теперь преследовали меня."

глава 8 «В границах дозволенного»

Утро навалилось на меня тяжелым одеялом и резкой, пульсирующей болью в ноге. Стоило только пошевелиться, как разодранная кожа напомнила о себе жгучим протестом. Я со стоном откинулась на подушки, понимая, что сегодня мой максимум — это маршрут до кухни и обратно.

Дрожащими пальцами я нащупала телефон и открыла чат с Леркой.

Я: *«Лер, я нас. Нога превратилась в нечто неопишное, ходить больно даже в мыслях. Скажи там, что я временно выбыла из строя».*

Ответ прилетел почти мгновенно, будто она уже сидела на паре и умирала от скуки.

Лера: *«О боже, Кира! Сильно развезло? Марк Владимирович уже зашел в аудиторию, и вид у него такой, будто он лично собирается проводить перекличку по головам. И, кажется, он уже ищет тебя глазами...»*

Я: *«Пусть ищет. Передай этому индюку, что анатомия живого тела сегодня изучает процесс регенерации на дому. Скинь потом, что он там наплетет про дисциплину».*

Лера: *«Поняла, боец. Отдыхай. Кстати, Кузнецов тоже не явился. Сказал, что он официально — котлета. С чего бы это?»*

Я не успела ответить Лере, как телефон снова завибриро-

вал. На этот раз это был сам виновник «шоу» на заднем сиденье.

Андрей: *«Ардова, ты как? Я вот встать не могу. Чувствую себя так, будто меня пропустили через мясорубку, а потом забыли пожарить. Я реально как отбивная».*

Я: *«Не ной, Кузнецов. У меня пол-ноги в мясо, а ты просто мягко приземлился».*

Андрей: *«Мягко?! А ты посмотри на это! Это, по-твоему, мягко?»*

Экран мигнул, и я чуть не выронила телефон. Андрей, в своем репертуаре, прислал фото своей полуголой пятой точки. Масштаб бедствия впечатлял: кожа была содрана до розового мяса, а вокруг расплывался огромный, налитый фиолетовым синяк, по цвету подозрительно напоминающий переспелый баклажан.

Я: *«Господи, Андрей! Зачем я это увидела?! Спрячь свой баклажан немедленно!»*

Андрей: *«Оценивай ущерб! Это всё ради твоей скорости, Кирюха. Так что готовь мази, будем лечиться вместе по видеосвязи».*

Я отложила телефон, чувствуя, как губы невольно расплываются в улыбке, несмотря на боль. Но стоило мне вспомнить про Марка, который сейчас стоит в аудитории, как веселье испарилось.

А потом взяв телефон, я мысленно закатали глаза так глубоко, что едва не увидела собственные мозги. Лерка скину-

ла в мессенджер фото доски: «Задание на сегодня: Изучение статике. Изображение натуралика исключительно прямыми линиями. Минимум деталей, только каркас и геометрия».

Я: «Он издевается? Две палочки, огурчик — вот и вышел человек? Это не академия искусств, это курсы подготовки чертежников для завода тяжелого машиностроения. Я не буду это делать. У меня даже в бреду линии не будут такими прямыми, как его самомнение!»

Лера: «Кирюха, не бесись! Тебе вредно, рана дольше заживать будет. Наш Индюк стоит у окна с таким видом, будто он лично изобрел линейку. Сказал, что любая попытка добавить "хаотичный штрих" будет караться пересдачей в шоне».

Я: «Да пошел он в свой минимализм! Это же преступление против натуры. Лишить тело объема и изгибов — это всё равно что лишить музыку звука. Лер, ну серьезно, ты-то как это терпишь?»

Лера: «О-о-о, дорогая, я терплю это с огромным удовольствием! Потому что наш Сергей-натуралик снова здесь. И знаешь что? Левицкий заставил его стоять в одних максимально облегающих боксерах. Так вот, пока Марк Владимирович вещает про "чистоту вертикалей", я смотрю на эти вертикали у Сергея, и у меня под партой уже просто визуальная лужа. Я тоню, Кира! Пришлите спасателей!»

Я: «Фу, Лерка! Фу! Тебе вообще нельзя доверять каран-

даш, ты им только слюни подтирать можешь. Смотри, не залей там мольберт, а то Левицкий решит, что это у тебя такая "экспрессивная акварель"».

Лера: «Пусть решает что хочет! Сергей так пошевелил плечом, что я забыла, как рисовать даже прямую линию. В общем, выздоравливай быстрее, а то я тут одна все "соки" натуралика заценю».

Я откинулась на подушки, игнорируя вспышку боли в колене, и быстро застрочила ответ Лерке.

Я: «Цени-цени своего Сергея, дорогая. Можешь даже зарисовать каждую его мышцу себе на подкорку. Меня ни твой натуралик, ни твой ледяной Марк не цепляют ни на йоту. А вот вчерашний аноним... черт, Лер, он зацепил меня повзрослому».

Я замерла, вспоминая то ощущение чудовищной силы, которая исходила от него на трассе.

Я: «Он был горячим даже через плотную кожу экипировки. Когда он меня прижимал к себе на байке, я думала, что передо мной не мужчина сидит, а какой-то литой стальной шкаф в шлеме. И аромат... божье, Лер, у него такой притягательный запах. Мята и что-то еще, от чего поджилки трясутся».

Пальцы сами собой замерли над экраном, а перед глазами всплыл его зеркальный визор.

Я: «Жаль только, что у меня язык вчера отвалился в самый нужный момент. Даже имени не спросила. Да какое

там имя! Я как дура стояла перед ним с закрытым лицом, и даже не попросила его визор поднять. Мы просто пялились друг на друга через пластик, как два космонавта. Надеюсь, он лицом так же хорош, как и телом, иначе это будет величайшее разочарование в моей жизни».

Лера: «Ого! Похоже, нашу Киру всё-таки проняло? Мята, говоришь? Слушай, дорогая, а не слишком ли много совпадений на один квадратный метр? Наш Индюк сегодня благоухает так, будто только что вернулся с мятных плантаций. Тебе не кажется, что твой загадочный "шкаф" и есть Левицкий в своем ночном амплуа?»

Я: «Да упаси боже! Если выяснится, что это он, я лично впечаталаю его байк в стену Академии. Нет, Лер, это исключено. Мой аноним способен на сочувствие — он заботливо застегивал мне молнию на куртке, а Марк способен только закрывать ведомости и лишать допуска к зачетам. Это абсолютно разные полюса, поверь. Скорее всего, наш куратор просто проспал, не успел почистить зубы перед своим уроком "стерильного минимализма" и в панике зажевал всю пачку жвачки разом».

Лерка в ответ прислала кучу смеющихся смайликов и очередное фото полуобнаженного Сергея, на котором тот удачно замер вполоборота.

Я отложила телефон на смятую простынь и невидящим взглядом уставилась в потолок. Несмотря на весь мой скепсис, сердце предательски пропустило удар. Я всё еще отчет-

ливо чувствовала то фантомное тепло его пальцев, крепко сжимающих мое бедро. Кто бы ты ни был, таинственный всадник, ты оставил после себя слишком много жгучих вопросов и ни одного внятного ответа.

Если бы он был Марком, он бы, наверное, прочитал мне лекцию о неправильном угле наклона байка при падении, а не вжимал бы меня в свою спину, боясь потерять по дороге.

++++

Полдня я провела в постели, превратив одеяло в импровизированный мольберт. Нога ныла, напоминая о вчерашнем «полёте», но азарт внутри горел ярче всякой боли. Глядя на фотографии Серёги, которые заботливо (и с кучей пошлых комментариев) накидала Лера, я методично, штрих за штрихом, выполняла это чёртово задание.

На этот раз я решила играть по его правилам. Хочешь стерильности? Получи. Я выводила сухие, бездушные линии, соблюдая каждый каприз этого минималистичного сухаря. Каждая пропорция была выверена до миллиметра, каждый изгиб торса превращен в строгую геометрию. *«Пусть изойдёт пеной от восторга, когда увидит, что я умею обуздать свой талант под его дурацкие рамки»*, — злорадно думала я. Хочешь видеть только палочки? Да подавись ты своими палочками, Марк Владимирович.

Но наш бой не проигран. Он только начинается, и я не собиралась сдаваться без последнего слова. Я была бы не я, если бы оставила всё в таком «причёсанном» виде. Когда

основной рисунок был закончен — идеально правильный и тошнотворно дисциплинированный — я взяла самый мягкий уголь.

Задание выполнено по теме, всё верно. Но вот подпись Её я превратила в настоящий манифест хаоса. В нижнем углу холста я размашисто, жирно и абсолютно бесконтрольно вписала своё имя, окружив его вихрем ломаных линий, брызг и теней, которые буквально вырывались за пределы аккуратного наброска.

Глядя на результат, я тихо посмеивалась. В центре — его мертвый порядок, а по краям — мой пульсирующий хаос, который будто вот-вот поглотит всю эту геометрическую скуку. Это было моё маленькое внутреннее бунтарство. Мой способ сказать ему: *«Ты можешь заставить мои руки чертить линии, но ты никогда не заставишь мою душу замолчать»*.

++++

Я отправила Лерке файл, и следующие десять минут мой телефон буквально разрывался от уведомлений, вибрируя на одеяле, как сумасшедший.

Лера: *«Мать, ты бы видела его физиономию! Он впился в твой "чертеж" таким взглядом, будто пытался найти там скрытый смысл бытия. А потом выдал на всю аудиторию: "Передайте Ардовой, что она может, когда хочет. А хотеть она должна всегда". Кир, он это произнес таким тоном с таким нажимом на слово "хотеть", что у меня по*

спине мурашки размером со слона пробежали. У него голос в этот момент стал таким низким и хриплым, ну, ты понимаешь»

Я до боли сжала кулак, чувствуя, как к щекам приливает обжигающий жар. *«Хотеть я должна всегда»?* Этот наглый, самоуверенный манипулятор нарочно ввернул этот пошлый двойной смысл, прекрасно зная, что Лерка тут же донесет мне каждое его слово. Но на этом поток новостей не закончился.

Лера: *«Но это еще не всё. Про подпись он добавил отдельно. Сказал, что со зрением у него проблем нет и не стоило так усердно выделять свое имя. Цитирую: "Этим чернильным хаосом в углу Ардова лишь выставляет напоказ свое безграничное самолюбование. Она настолько восхищается собственной персоной, что боится раствориться за моими безупречными линиями"».*

Я: *«Вот же урод! Самовлюбленный, ограниченный индюк! Пусть свое раздутое эго в золоченую рамочку вставит и любитесь им до посинения!»*

Я только отправила сообщение, как телефон в руке ожил — на экране высветился входящий с незнакомого номера. Я приняла вызов, ожидая услышать курьера или спам, но в динамике раздался глубокий, вибрирующий баритон, от которого у меня перехватило дыхание.

— Ардова, — произнес он, и я буквально кожей почувствовала его снисходительную усмешку через километры

проводов. — По счастливой случайности я сейчас заглянул в экран телефона вашей подруги и имел удовольствие прочесть ваше последнее экспрессивное сообщение.

Я задохнулась от ярости и возмущения, уже набрав в легкие воздуха, чтобы выплеснуть на него весь накопленный яд, но он не дал мне вставить ни слова, перебивая своим ледяным спокойствием.

— Поумерьте свой темперамент, Ардова. Ровно через час я буду у вашего подъезда, — его голос звучал так, будто он отдавал приказ, не терпящий возражений. — Раз уж вы сподобились выполнить задание вместе со всей группой, я обязан его забрать. В противном случае мне придется отчитываться перед деканатом за каждую выставленную «впустую» оценку.

— Я могу занести работу завтра сама, — быстро проговорила я, пытаясь выгадать время и сохранить дистанцию.

Но этот сухарь и слушать не стал. — Скиньте номер квартиры сообщением, — коротко бросил он и отключился.

Вот же напыщенный индюк! Я со злостью вдолбила в ответном СМС цифру «17» и отшвырнула телефон. Очень надеюсь, что приглашать его внутрь не придется. Иначе мой домашний хаос просто выдернет этого идеального господина из его стерильного мира прямых линий и швырнет в нашу реальность. И тогда он будет валяться в обмороке не в фантазиях Лерки, а прямо у меня на пороге, не выдержав столкновения с настоящей жизнью.

++++

Ровно через час раздался звонок — требовательный, властный и пугающе пунктуальный, секунда в секунду. Я резко дернула ручку и, даже не позволяя ему пересечь линию порога, буквально впечатала свернутый ватман в его широкую грудь.

— Ваше задание. Надеюсь, деканат захлебнется от восторга, — прошипела я, намереваясь немедленно захлопнуть дверь перед его идеальным носом.

Марк лишь лениво выгнул бровь, без усилий перехватив свиток одной рукой. На его губах расцвела снисходительная, высокомерная усмешка, от которой у меня внутри всё начало закипать.

— И снова промах, Ардова. Похоже, правила элементарного приличия в вашу концепцию «хаоса» так и не вписались. Предложить куратору войти хотя бы в прихожую — выше ваших сил? — Он окинул меня взглядом сверху вниз, и в этом прищуре было нечто пугающее, заставляющее сердце пропустить удар.

Вспыхнув от ярости, я рванула дверь на себя, распахивая её настежь. — Да пожалуйста! Входите, созерцайте! — я резко развернулась и, нелепо прихрамывая, похромала вглубь квартиры.

Но стоило входной двери захлопнуться за его спиной, как на меня навалилось осознание собственного убожества. Резкий щелчок замка будто отрезал путь к спасению. Только

сейчас до меня дошло, в каком виде я предстала перед этим лощеным «мистером Совершенство». Я замерла в центре комнаты, не зная, куда спрятать руки и взгляд. Растянутая майка, мятые пижамные шорты и моя многострадальная нога — разодранная, покрытая багровой коркой и налитая фиолетовым синяком — всё это выглядело жалко в беспощадных лучах дневного света.

А квартира Боже, по прихожей словно пронеслось стадо слонов, устроивших здесь генеральное побоище. Кроссовки сиротливо валялись в разных углах, на вешалке криво висела косуха, а тумбочка превратилась в курган из ключей, чеков и тюбиков с краской для тату. Единственным островком порядка была чистая посуда в раковине, и то лишь по той причине, что с самого утра кусок не лез мне в горло.

Марк медленно ступил в комнату, и его фирменный аромат мгновенно вытеснил домашние запахи, делая мой беспорядок еще более вызывающим и стыдным. Он не спеша обвел взглядом мой «интерьер» и, наконец, зафиксировал его на мне.

— Любопытная экспозиция, — негромко произнес он, и я не могла понять, что именно он препарирует своим взором: бардак в моей берлоге или моё искалеченное тело. — Вижу, Ардова, вы верны своему стилю даже в быту.

Я почувствовала, как щеки обдает огнем. Он стоял здесь — ослепительно правильный, в своей безупречно выглаженной рубашке, подчеркивающей мощный разворот плеч, а я

чувствовала себя жалкой жертвой кораблекрушения, выброшенной на берег собственного дома.

Я замерла на месте, сверля его затылок яростным взглядом и плотно скрестив руки на груди.

— Ну, что еще? — ядовито процедила я, чувствуя, как внутри всё клокочет. — Может, чаю? Или вы решите провести здесь генеральную инспекцию на соответствие вашим стандартам?

Я ехидно взмахнула обеими руками в сторону кухни, словно приглашая высокопоставленного гостя в свои «трущобы», будучи на сто процентов уверенной, что этот эстет побрезгует даже присесть на мой стул.

Но этот негодяй лишь невозмутимо кивнул, даже не обернувшись. — С радостью попью ваш чай, Ардова. Надеюсь, он у вас такой же крепкий, как и характер, — бросил он, и в его голосе снова прорезалась эта чертова бархатистая уверенность.

Когда он начал медленно расшнуровывать свои до блеска начищенные туфли и, чеканя шаг, просеменил в сторону кухни, я едва не взвыла от его наглости. Как только его широкая спина скрылась за дверным проемом, я замахала кулаками в воздухе, имитируя удары. Мне безумно хотелось поколотить этого наглеца, вытолкать его вон, но вместо этого пришлось, стиснув зубы и хромя, плестись следом.

Я вошла на кухню и замерла. Марк сидел на моем единственном целом табурете, и в моей крошечной кухоньке он

смотрелся как инопланетный корабль, по ошибке приземлившийся на свалке. Он внимательно изучал мою коллекцию разномастных кружек, и я поняла: сейчас начнется новый раунд.

— У вас есть что-то, кроме пакетированного суррогата, или мне стоит подготовиться к худшему? — спросил он, поднимая на меня взгляд своих невыносимо темных глаз.

— Если вы планировали дегустировать элитные сорта, Марк Владимирович, то стоило захватить свой сервиз и личного плантатора, — огрызнулась я, прихрамывая к шкафу.

Но стоило мне открыть дверцу, как я с грохотом вывалила перед его носом шесть тяжелых стеклянных баночек. Здесь было всё: от терпкого пуэра до лавандового сбора. Марк медленно взметнул брови вверх, явно не ожидая такой коллекции в моей «берлоге». Я же, не давая ему вставить ни слова, ткнула пальцем в угол столешницы, где гордо сияла начищенная кофемашина — единственная вещь в этом доме, стоившая целое состояние.

— Если чай не устроит — вон машина. И да, — я ехидно прищурилась, — это не «три в одном» из киоска за углом, как вы, вероятно, думали.

Он молча, с каким-то исследовательским интересом начал перебирать баночки, пока не остановился на одной. Протянул её мне, коснувшись пальцами моей ладони — случайно или нет, но по руке пробежал ток.

Я тут же заварила чайничек, выдерживая паузу по всем

правилам, а затем поставила его прямо ему под нос. На стол перекочевала единственная уцелевшая фарфоровая чашка на блюде с тонкой позолотой — мой «трофей» с антикварного рынка.

— Прошу, — ядовито промурлыкала я. — А то вдруг наш великий куратор не пьет из обычных больших кружек, как все остальные смертные. Мы ведь за чистоту линий, не так ли?

Марк посмотрел на изящный фарфор, потом на меня. В его взгляде промелькнуло нечто похожее на одобрение, но он быстро это скрыл, поднося чашку к губам.

— Значит, вы всё-таки цените форму, Ардова, — негромко произнес он, вдыхая аромат. — Почему же тогда так старательно прячете её под своим «хаосом»?

Я демонстративно пропустила его вопрос об искусстве мимо ушей, лишь ехидно дернув уголком губ. Вместо того чтобы оправдываться, я оперлась бедрами о край столешницы, не заботясь о том, как вызывающе коротко задрались мои шорты и насколько жутко выглядит сейчас моя нога.

— Послушайте, Марк Владимирович, — я сложила руки на груди, глядя на него сверху вниз. — У меня только один вопрос: зачем вы на самом деле здесь сидите и cedите мой чай, когда вам, по вашим же словам, нужно срочно сдавать работу в деканат? Если вы вдруг решили под предлогом отчета обсудить мой быт или, не дай бог, покопаться в моей личной жизни, то спешу разочаровать — эта граница для вас

закрыта наглухо.

Я ждала очередной порции яда, привычного холодного замечания или едкой шутки про мой характер. Но Марк промолчал. Он даже не шелохнулся, продолжая держать фарфоровую чашку своими длинными пальцами. Его взгляд, обычно острый как скальпель, внезапно стал тяжелым и задумчивым. Он смотрел на меня так внимательно, словно видел не растрепанную девчонку в пижаме, а сложный подмалевок, который еще предстоит понять.

— Ты права, Кира. Границы — это важно, — произнес он неожиданно тихо, и я вздрогнула от того, что он впервые не добавил официальное «Ардова».

Он поставил чашку на блюде, но руку не убрал.

— Я полюбил искусство не из-за музеев, — начал он, глядя куда-то сквозь меня, в пустоту моей заваленной вещами кухни. — Когда мне было семь, отец — человек железной дисциплины и еще более железного сердца — запирал меня в пустой комнате за любую провинность. Там не было ничего, кроме белых стен и света из окна. Я начал рисовать на этих стенах углем из камина. Сначала это были просто каракули, мой личный хаос... такой же, как твой.

Он на мгновение замолчал, и я поймала себя на том, что перестала дышать.

— Но потом я понял: чтобы выжить в той пустоте, мне нужен порядок. Я начал выстраивать на стенах идеальные города, прямые линии, за которыми можно было спрятаться от

страха и одиночества. Искусство стало моим щитом, моей личной клеткой, в которой я чувствовал себя в безопасности. Я стал минималистом не потому, что я сухарь, Кира. А потому, что избыток чувств когда-то чуть не раздавил меня.

Марк медленно поставил чашку на блюдце. Звук фарфора о фарфор в тишине моей кухни прозвучал как выстрел.

— А какова твоя причина, Кира? — он произнес моё имя так, будто пробовал его на вкус, осторожно и глубоко. — Хаос не рождается на пустом месте. Всегда есть точка отсчета. Что тебя так яростно отталкивает от порядка, что ты готова тонуть в этом беспорядке?

Я невольно дернула плечом, чувствуя, как под его взглядом кожа начинает гореть. Я не привыкла открываться, но после его истории про уголь и белые стены защищаться стало сложнее.

— Жизнь, Марк, — ответила я, глядя на свои пальцы, испачканные графитом. — Я всё детство прожила в строгости. Да, в любви, отец меня обожал, но он требовал от меня выполнения каждой четко поставленной линии. Шаг вправо, шаг влево — и ты уже не «идеальная дочь», а разочарование. Я была его лучшим проектом.

Я подняла глаза, встречая его взгляд.

— А когда я стала взрослой, я наконец-то смогла выдохнуть. Попробовала то, что мне запрещали, и мне это понравилось. Оказалось, что это намного круче и интереснее, чем ваш вылизанный мир. Ведь солнце не может быть холодным,

а трава без своей сочной зелени — это просто жухлое сено, по которому неприятно ходить босиком. Если костер не пахнет дымом и хвоей, то это просто гарь, оседающая в легких.

Я сделала шаг к нему, забыв про боль в ноге, охваченная собственным порывом.

— Хаос — это краски. Это та самая радуга, которая вырывается после самого черного дождя. Это настроение моей души, её ритм, её крик. А ваш минимализм это просто наручники на душе художника. Красивые, блестящие, но всё же наручники.

Марк молчал. Он смотрел на меня так, словно я только что выплеснула ведро яркой краски на его безупречный белый холст. Он протянул руку, и на мгновение я подумала, что он сейчас оттолкнет меня за дерзость. Но его пальцы лишь невесомо коснулись края моего стола, совсем рядом с моей рукой.

— Наручники, — эхом отозвался он, и в его глазах промелькнула тень сомнения. — Или, может быть, спасательный круг, Кира? Чтобы не захлебнуться в этой самой радуге.

— Я никогда не захлебнусь в собственном хаосе, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — Знаете, почему? Потому что я его создатель. Я знаю здесь каждую трещинку и каждую пылинку. Я умею его контролировать, даже если со стороны это кажется безумием.

Я обвела рукой кухню, перехватывая его критический взгляд.

— А если вы намекаете на мой нынешний беспорядок, то это лишь временная капитуляция перед обстоятельствами. У меня просто нет лишнего часа на то, чтобы выстраивать на полках шеренги из банок и наводить правильную эстетику. Я всегда в движении, всегда куда-то опаздываю — вы и сами это прекрасно заметили по моим «фееричным» появлениям на парах. У меня на сон времени не хватает, а на еду — и подавно.

Я сделала глоток остывающего чая, чувствуя, как внутри закипает прежняя дерзость.

— Но меня это устраивает. Я не привереда. Мне плевать, что моя кофта висит на спинке стула, а не томится на вешалке в темном шкафу. Я могу бросить фантик на стол и выкинуть его потом, когда придет время. Я могу скомкать плед на диване и оставить его лежать бесформенным комом — и для меня это всё равно будет уют. Настоящий, живой уют.

Я подалась вперед, почти касаясь грудью края стола, за которым сидел Марк.

— А вся эта ваша вылизанная атмосфера, эти пустые поверхности и отсутствие лишних деталей это ведь просто фасад. Попытка казаться идеальным для кого-то другого. А я идеальных терпеть не могу. В них нет жизни, нет изъянов, за которые можно зацепиться. Вы — как гипсовый слепок: правильный, холодный и абсолютно неподвижный.

Марк поставил чашку. Тишина на кухне стала такой громкой. Он медленно поднялся, и из-за разницы в росте мне

пришлось задрать голову, чтобы не потерять контакт глаз.

— Значит, гипсовый слепок? — его голос вибрировал от странного напряжения. Он сделал шаг ко мне, вторгаясь на мои границы так бесцеремонно, что я невольно вжалась спиной в столешницу. — А ты не думала, Ардова, что под гипсом может скрываться то, что твой хаос просто не в силах переварить? Идеальность — это тоже броня. И иногда она нужна, чтобы не дать миру увидеть, как сильно ты в нем нуждаешься.

— Поверьте, Марк, я нисколько не нуждаюсь в чужой идеальности, — выдохнула я, чувствуя, как его близость начинает кружить голову. — В моём хаосе достаточно прямых линий и четких границ, просто они не бросаются в глаза. Я люблю объемные фигуры, живые формы, а не ваши плоские чертежи.

Наши носы почти соприкоснулись. Он наклонился еще ниже, вглядываясь в мои глаза с такой интенсивностью, будто пытался прочесть в них код к моей душе. Я видела каждую темную искорку в его зрачках, чувствовала запах древесных нот и чего-то опасно-притягательного.

— Но всё же они есть, Кира, — проговорил он низким, вибрирующим голосом, от которого по спине пробежал разряд. — А значит, вы сами себе перечите. Ведь в истинном хаосе не может быть ровных линий — только ломанные, изогнутые и неправильные. А вы... вы правильная.

Его взгляд скользнул по моим губам и снова вернулся к

глазам.

— Строгая, когда защищаетесь. Иногда злая. Иногда нежная в своих узорах... А самое главное — вы любите порядок в своих картинах. Иначе бы у вас была бессмысленная мазня, как у той же Лизы. Но у вас есть структура. Вы — упорядоченный хаос, Ардова. И это делает вас гораздо опаснее, чем вы хотите казаться.

Он замер в миллиметре от меня. Воздух между нами стал густым, как краска на палитре. Я хотела возразить, оттолкнуть его, сказать, что он ничего не понимает, но сердце колотилось о ребра так сильно, что мешало дышать.

— Вы просто боитесь признать, что мы читаем одну и ту же книгу, просто на разных языках, — добавил он, и его рука медленно поднялась, почти касаясь моей щеки.

Он медленно поднял руку, и я замерла, почти перестав дышать. Его пальцы, неожиданно теплые и сухие, коснулись моего виска, заправляя непослушную прядь волос мне за ухо. Это движение было таким будничным и одновременно интимным, что по позвоночнику пробежала дрожь. Марк склонился еще ниже, и его горячее дыхание обожгло мою кожу.

— Я принимаю ваш хаос, Кира, — прошептал он прямо мне в ухо, и от его низкого голоса внутри всё сжалось. — Раз вы всю жизнь прожили в тисках минимализма, то так и быть — оставьте его себе. Уверен, я смогу с ним подружиться.

Но прежде чем я успела что-то ответить, он резко отстра-

нился. В ту же секунду меня обдало холодом — на месте его близости образовалась звенящая пустота, которую мне до боли, до зуда в кончиках пальцев захотелось заполнить обратно, притянуть его к себе за воротник этой чертовой идеальной рубашки.

— Но и вы должны понимать: учеба есть учеба, — его тон снова стал деловым, хотя в глазах всё еще догорали опасные искры. — Я не выдумываю задания по настроению, это утвержденный порядок знаний Академии. Просто я преподаю их по своим правилам. Я не заставляю вас рисовать пыльные слепки Гомера или Аполлона. Я даю вам живого натурщика, у которого каждая деталь настоящая. Настоящее, упрямое тело.

Он прошел в прихожую, и я, как привязанная, побрела следом, прихрамывая и кусая губы.

— Я даю вам возможность прочувствовать то, что когда-то мастера изображали вживую. Венеру Милосскую ведь кто-то слепил, глядя на живую женщину. Почему вы должны копировать копию?

Марк быстро обулся, вернув себе образ безупречного куратора. Он уже взялся за ручку двери, поблагодарив за чай, но на самом пороге замер. Он обернулся и посмотрел на меня — не как на нерадивую студентку, а как на равного противника, вызвавшего у него уважение.

— Думаю, мы обязаны подружить наши взгляды, Ардова. Из этого может получиться по-настоящему хорошая карти-

на.

Дверь закрылась с негромким щелчком, оставляя меня одну в моей «хаотичной» квартире, которая вдруг показалась мне слишком просторной и тихой. Его аромат всё еще висел в воздухе, смешиваясь с запахом моего чая.

Я подошла к окну и увидела, как он выходит из подъезда. Он не обернулся, но я готова была поклясться, что этот «гипсовый слепок» только что оставил на моей душе свой первый, отчетливый отпечаток.

глава 9 «Ночная гонка»

Прошла неделя с того дня, как Марк Владимирович оставил в моей квартире шлейф парфюма и ворох мыслей, которые я никак не могла причесать.

Мой официальный больничный стал для меня своего рода убежищем. Я исправно отправляла работы ему на почту — сухие, выверенные, почти стерильные, словно доказывая: «Смотри, я усвоила твой урок, но не надейся, что это доставляет мне удовольствие».

Лерка в мессенджерах строчила отчеты с «полей» Академии: Марк стал еще холоднее, спрашивает с других вдвое строже, а на мои письма отвечает лаконичным «Принято. М.В.». Но по её словам, он каждый раз задерживает взгляд на моем пустом мольберте, будто ждет, что я вот-вот ворвусь туда со своим хаосом.

Андрей, чей «баклажановый» синяк на заднице за неделю сменил цвет на нежно-салатный, стал моим частым гостем. Он притаскивал крафтовые бургеры, и мы часами обсуждали ту аварию.

— Кир, клянусь, у меня до сих пор мурашки, когда вспоминаю, как тот черный байк нас подрезал, — говорил он, жуя картошку.

Мой «конь» всё еще был в гараже — запчасти задерживались, и Андрей, чувствуя себя виноватым рыцарем на раз-

битом корыте, торжественно поклялся возить меня на своем байке, пока мой не оживет.

Сегодня вечером набережная гудела. Запах жженой резины, кожаные куртки и рев моторов — это была моя настоящая стихия. Но было одно «но». Моего руля в руках не было. Мне пришлось сесть вторым номером к Андрею, и это его явно раззадорило.

— Держись крепче, Ардова, — бросил он, победно ухмыляясь через плечо, когда я обхватила его за талию.

Он вел себя так, будто сорвал джекпот. На светофорах он по-хозяйски накрывал мою ладонь своей, а перед ребятами из компании «любителей скорости» так и раздувался от гордости, играя роль моего «господина» или, по крайней мере, парня.

— Кузнецов, — прошипела я ему в шлем, когда его рука слишком надолго задержалась на моем колене во время остановки, — границы френдзоны не нарушать. Я здесь ради адреналина, а не ради твоих гормональных всплесков. Понял?

— Понял-понял, — усмехнулся он, но руки не убрал, лишь слегка ослабил хватку. — Но признай, тебе нравится, когда я везу.

++++

Мы неслись по ночному городу, и ветер выдувал из головы остатки здравого смысла. Но когда мы вылетели на финишную прямую у порта, я внезапно почувствовала... его. Тот самый аромат мяты, пробившийся сквозь запах залива.

У обочины, в тени огромных контейнеров, стоял знакомый черный байк. Всадник в зеркальном визоре лениво опирался на бак, наблюдая за нашими гонками. Внутри всё сжалось. Марк? Или мой аноним?

Андрей, не заметив моего оцепенения, резко заложил вираж, прижимая меня к себе еще плотнее. Я видела, как голова в черном шлеме медленно повернулась вслед за нами.

Мы припарковались у самого края набережной — на нашем «насиженном» месте, где бетонные плиты до сих пор хранили следы жженой резины наших прошлых заездов. Я не спешила слезать. Просто сидела на пассажирском сиденье байка Андрея, не поднимая визора, словно пряталась от этого мира за слоем тонированного пластика.

Андрей, этот тупорылый «глухня», кажется, совсем потерял берега. Он вальяжно откинулся назад, навалившись всей своей массой на мою грудь, и бесцеремонно облокотил локти на мои колени, будто я была не живым человеком, а удобным кожаным креслом с подлокотниками.

Рядом, прислонившись к парапету, стоял Женя. Ему было уже двадцать девять, он был самым старшим и рассудительным в нашей банде. По иронии судьбы, я со своими двадцатью двумя была здесь самой младшей, «мелкой», которую все втайне опекали.

— Мелкая, ты сегодня в режиме «лайт» или реально полюбила роль второго номера в компании Кузнеца? — Женя усмехнулся, пуская дым в сторону воды.

— Прекрати меня обижать, — рассмеялась я, наконец отщелкивая визор и впуская в шлем свежий речной воздух. — Ты же знаешь: мой «конь» в починке. Запчасти застряли где-то на таможне, деталей до сих пор нет.

— Я же тебе говорил: покупай японца, — покачал головой Женья. — На этого европейца ты запчасти месяцами ждать будешь, так и сезон закончится, а ты всё будешь подлокотником у Андрюхи подрабатывать.

++++

Мы еще долго сидели, лениво перебрасываясь колкостями и обсуждая планы на ночь, пока гул приближающегося мотора не заставил всех замолчать. К нашей стоянке плавно, почти бесшумно подкатил он. Мой аноним. Я узнала этот байк из тысячи — хищный силуэт, агрессивный оскал фар. Вот только в отличие от моего разбитого аппарата, его мотоцикл выглядел безупречно. Ни одной царапины, ни единого напоминания о той аварии, словно он за неделю успел пере собрать его с нуля или просто купил новый. Идеальный. Совершенный.

Он замер в десяти метрах от нас, не глуша двигатель. Зеркальный визор отражал огни набережной, делая его похожим на пришельца.

Андрей напрягся подо мной, выпрямляя спину, а я почувствовала, как по коже пробежал тот самый знакомый мятный холод. Он смотрел на нас. Вернее, он смотрел на то, как локти Андрея покоятся на моих бедрах.

Я замерла, вцепившись пальцами в край сиденья. Макс — еще один наш «старичок» — вальяжно подошел к черному байку, хлопнул незнакомца по плечу и обернулся к нам, сияя как начищенный медный таз.

— Прошу любить и жаловать, банда! — прокричал он, перекрывая гул набережной. — Это Димон. Мой старый знакомый, сегодня он погуляет с нами. Профи, каких поискать.

Женя, как самый дипломатичный, тут же отлепился от парапета и двинулся навстречу новичку. Этот Димон медленно, почти нехотя, поднял руку и щелкнул замком визора.

Я подалась вперед, вытягивая шею как породистый гусь, отчаянно пытаюсь разглядеть хоть одну черточку его лица под шлемом.

Ну же!

Но Женя, как назло, встал ровно по траектории моего взгляда, перекрывая всё своей широкой спиной. А Андрей, эта мелкая мстительная душонка, заметив мои метания, специально выпрямился, загораживая меня от Димона еще сильнее.

— Я уже ревную, Ардова, — усмехнулся он мне прямо в ухо, самодовольно раздувая ноздри. — Чё ты там высматриваешь? Обычный парень.

От ярости у меня потемнело в глазах. Я, недолго думая, с силой ладонью захлопнула визор на его шлеме. Раздался звонкий, сочный «дзынь», Андрей ойкнул от неожиданности, а я наконец-то получила обзор но было поздно. Димон

уже снова закрылся, лишь кивнув Жене.

— Да вы издеваетесь! — прошипела я, готовая спрыгнуть с байка и лично растолкать этих великанов.

Но тут к нашей компании притерся еще один мотоцикл — ярко-красный «Дукати». Пилот затормозил эффектно, с коротким заносом, и рывком стянул шлем. Я почувствовала, как челюсть медленно ползет вниз.

— Всем привет, — белозубо улыбнулся парень, встряхивая светлыми волосами. — Надеюсь, я не опоздал к самому интересному?

Это был Серега. Тот самый «Аполлон» из нашей Академии, которого Марк Владимирович мучил все прошлые пары, заставляя стоять в одних боксерах под моими (и не только моими) взглядами. Здесь, в кожаной куртке и с дерзким блеском в глазах, он выглядел в десять раз опаснее, чем на подиуме. Сергей обвел взглядом компанию и наткнулся на меня. Его брови взлетели вверх, а улыбка стала еще шире.

— Ого, какие люди! Кира? Не ожидал увидеть нашу «отличницу» в таком сомнительном обществе, — он подмигнул мне, игнорируя перекошенное лицо Андрея.

Я смотрела на Серёгу и не верила своим ушам. Этот парень, который ещё вчера неподвижной статуей стоял под софитами в Академии, сейчас вёл себя так, будто мы с ним сто лет в одной песочнице играли.

Он подошёл вплотную, бесцеремонно отодвинул Андрея вперёд, к самому бензобаку, освобождая себе пространство,

и буквально втиснулся ко мне в объятия. Его руки сомкнулись на моих рёбрах с такой силой, что я едва не пискнула.

— А где твоя блондиночка? — Серёга обвёл площадку весёлым взглядом, явно разыскивая Лерку.

— Она предпочитает другой вид спорта, — отозвалась я, пытаясь вернуть себе способность дышать после его «медвежьей» хватки.

— И какой же? Буду рад составить ей компанию, — он игриво повёл бровью.

— Эээ... как бы сказать. В общем, она любит хлопковые покрывала, мягкий матрас и... пускать слюни в подушку. Как там этот спорт называется? Спортивное снотворное, наверное.

Серёга тут же расхохотался, запрокинув голову. Его смех был заразительным, и даже Женя с Максом заулыбались.

— Хороший спорт! Пожалуй, в этом я ей не соперник, — отсмеявшись, он перевёл взгляд на Андрея, который уже успел вернуть себе «положение кресла» и недовольно сопел.

— Значит, ты не только натура, но и гонщик? — поинтересовался Андрей, подозрительно оглядывая «Дукати» Серёги.

— Натурщик я чисто ради помощи, — легко ответил тот. — Мы с Марком знакомы давно, ещё по Европе. Было бы грехом отказать старому другу, тем более он в этом городе новенький, связей и проверенных людей у него пока мало.

Поболтав с нами ещё пару минут и отпустив пару сомни-

тельных шуточек в адрес Андрея, Серёга решил отчалить. Но перед тем как надеть шлем, он подошёл к тому самому чёрному байку и крепко стукнул кулаком об кулак с этим Димой.

Я чуть с сиденья не свалилась. Да ладно! Земля не просто круглая, она, чёрт возьми, размером с копейку! Все друг друга знают, все в одной связке. Марк знает Серёгу, Серёга знает Диму... А я всё так же сижу «подлокотником» у Андрея и до сих пор не видела лица анонима, который, кажется, является центром этой паутины.

Дима завёл мотор, и я снова почувствовала этот мятный шлейф. Он даже не обернулся в мою сторону, просто сорвался с места вслед за Серёгой, оставив меня задыхаться от любопытства и обиды.

Женя неторопливо приблизился к нам, глубоко засунув руки в карманы своей выдавшей виды кожанки. Его взгляд, обычно ироничный, сейчас был непривычно серьезным и колючим.

— Ну что, молодежь? — бросил он, окинув нас оценивающим взором. — Собираетесь показать класс в сегодняшних заездах или так и планируете проработать декоративной мебелью до самого рассвета?

Андрей заметно замялся, явно прикидывая в уме технические возможности своего только что подлатанного «баклажанового» байка, но я не позволила ему произнести ни слова.

— Участвуем! — выпалила я, ощущая, как знакомый жар адреналина начинает лихорадочно разгонять кровь по венам. — Ты уступишь мне руль, Кузнецов. Иначе какого черта я весь вечер терпела твои наглые локти и по-хозяйски прилипшие ко мне руки?

— Размечталась! — Андрей возмущился настолько искренне, что забавно растопырил пальцы. — Я его только из сервиса выкатил, а ты превратишь его в грудку хлама быстрее, чем успеешь переключить передачу. У тебя же природный дар пускать металл в расход.

— Заткнись! В той аварии не было моей вины, — я с силой ткнула его локтем под ребра, заставляя поморщиться.

— Я подумаю над твоим предложением, — усмехнулся он, с ревом оживляя мотор, и мы рванули вперед, следуя за хвостом уходящей колонны.

Когда мы на скорости проносились мимо припаркованных Сереги и Димы, оказавшись ровно посередине между ними, Андрей решил разыграть финальный акт своего дешевого собственнического спектакля. Медленно, нарочито медленно он провел ладонью по моей руке, властно переплетая наши пальцы, словно вешая на меня невидимое клеймо «Собственность Андрея Кузнецова». Я уже сама не понимала, кому он пытается это доказать — скучающему натурщику, загадочному анониму или просто тешит свое эго через меня.

— Держись! — выкрикнул он, фамильярно похлопав ме-

ня по бедрам, и тут же до упора выкрутил ручку газа. Байк яростно вздыбился, вставая на заднее колесо в опасном вилли. Перед глазами на миг мелькнуло бездонное ночное небо, и я инстинктивно вцепилась в Андрея так крепко, что у самой перехватило дыхание. Мы пролетели на одном колесе добрых пятьдесят метров, прежде чем он соизволил мягко опустить переднюю вилку на асфальт.

— Ты законченный придурок! — проорала я ему прямо в шлем, как только мы затормозили у стартовой черты. — О таких вещах предупреждают заранее! В следующий раз я просто разожму руки, и будешь исполнять свои трюки в гордом одиночестве!

На старте царило безумие: гремела музыка, неоновые огни резали темноту, а гул сотен двигателей сливался в единый вибрирующий рев.

Женя подлетел к нам первым. Не трата времени на лишние разговоры, он отвесил Андрею такой звонкий подзатыльник по шлему, что тот вскрикнул от глухого удара, отозвавшегося колокольным звоном в ушах, и судорожно рванул вверх визор.

— За что?! — взвыл Андрей, потирая голову.

— За всё сразу, кретин! — Женя буквально кипел от ярости. — Решил нашу единственную девчонку окончательно угробить? Еще раз увижу вилли с пассажиром — лично сожгу тебя вместе с этим байком.

Затем Женя повернулся ко мне. Его взгляд мгновенно

смягчился, но тон остался жестким и приказным:

— Кира, назад к нему не садись. Домой тебя подбросит кто-нибудь другой. К этому суициднику я тебя больше не подпущу, нам лишние проблемы не нужны.

++++

Ребята уже вовсю прогревали резину, наполняя ночной воздух едким дымом и неистовым ревом. Женя, сохраняя невозмутимость старшего, в очередной раз собрал нас в круг для краткого инструктажа.

Правила были просты: заезды делятся на одиночные и парные. Победитель в каждой категории забирает куш, но главный приз достанется тому, кто покажет лучшее время за всю ночь. Сумма на кону стояла приличная, и в моих глазах уже зажегся азартный блеск. Деньги были нужны всем, и я не собиралась уступать их без боя.

Как только Женя достал планшет, чтобы составить списки, Андрей тут же выскочил вперед:

— Мы в парах! Пиши: Кузнецов и Ардова. Он обернулся к Жене и начал буквально уламывать его, клянясь всеми святыми, что будет осторожным.

— Жень, ну серьезно, я буду внимателен как никогда. Мне самому не в кайф ломать свою красотку, и подмигнул мне.

Я лишь молча закатила глаза под шлемом. Твоя «красотка» — это байк, Андрей, а не я, но вслух поправлять не стала. Женя неохотно кивнул и внес нас в список.

— Теперь одиночки, — я сделала шаг вперед. — Записы-

вай меня.

— Малявка, ты неисправима, — Женя протяжно выдохнул своё коронное «О-о-о-о-кееей», но в его голосе сквозило явное неодобрение. Он слишком опекал меня и совершенно не разделял моего рвения испытывать судьбу.

— Я тебя записываю, но я против, так и знай. С кем ты поедешь в одиночном заезде — решим позже. Мне нужно найти кого-то, кто не даст тебе убиться.

++++

Воздух на стартовой линии был настолько густым от ад-реналина и выхлопных газов, что я забывала дышать. Мы замерли в ожидании, и я чувствовала, как подо мной мелко вибрирует стальное тело байка. Серега, пристроившийся на своем красном «Дукати» слева от нас, подхватил какую-то эффектную девчонку из толпы — та вцепилась в него с восторженным писком, но сам натурщик был непривычно хмур. Он откинул визор и в упор посмотрел на Андрея.

— Слушай, Кузнецов, если ты её сегодня поломаешь, Марк не одобрит еще неделю прогулов. И я сейчас не про деканат, — его голос прозвучал как скрытая угроза.

— Плевал я на твоего Марка, — огрызнулся Андрей, хотя я заметила, как напряглись его плечи. — За Киру не переживай. Я ей вреда не причиню.

Андрей обернулся ко мне, и его движения вдруг стали на удивление сосредоточенными. Он лично проверил застежку моего шлема, подтянул крепления и, коснувшись пальцами

моей шеи, застегнул молнию куртки до самого подбородка — точь-в-точь как тот аноним.

— Держись крепче, ясно? — серьезно бросил он.

— Да знаю я! Что ты со мной как с маленькой? — я шутливо хлопнула его по рукам, стараясь сбить градус напряжения.

— Ты и есть маленькая. Малявка, — буркнул он, и в этом было столько непривычной теплоты, что я на миг замерла.

— Ой, помолчи. Если проиграем, я тебя прямо на ходу с байка скину!

Мы синхронно захлопнули визоры и по нашей старой традиции глухо стукнулись шлемами — лоб в лоб. Это был наш ритуал, наш знак доверия. Андрей кивнул Сереге, в последний раз ободряюще похлопал меня по бедру и вцепился в руль.

Три... Два... Один!

Девушка в коротких шортах взмахнула клетчатым флагом, и мир взорвался. Андрей рванул с места так, что переднее колесо лишь на долю секунды оторвалось от асфальта.

Дорога петляла, заставляя нас уходить в глубокие наклоны. Я работала вместе с ним: переносила вес, сжимала его ребра коленями, чтобы не перегружать его корпус, и почти касалась локтем пролетающего мимо асфальта. Первый круг прошел идеально. На втором Серега начал наступать на пят-

ки, его «Дукати» ревел где-то совсем рядом, а на третьем мы и вовсе начали отставать — дистанция увеличилась на корпус. Но Андрей не собирался сдаваться. Я почувствовала, как его ладонь на мгновение соскользнула с руля и коротко, жестко сжала моё колено. Это был наш сигнал: «Приготовься, сейчас будет жарко». Я поняла всё без слов. Я прижалась к нему всем телом, вминаясь грудью в его спину так, что мы превратились в единый обтекаемый снаряд. Мы оба пригнулись к самому баку, уменьшая сопротивление ветра. Андрей вдавил газ до упора. Мотор взвыл на пределе возможностей, и нас буквально вжало друг в друга от ускорения. Мы начали обходить Серегу на финальной прямой. Ветер свистел в щелях шлема, сердце колотилось в ритме поршней. Мы пересекли финишную черту ноздря в ноздрю, и нас разделило лишь расстояние переднего колеса.

Мы победили. На долю секунды, на самом краю риска, но мы были первыми.

Когда байк наконец замер, я спрыгнула на асфальт, чувствуя, как дрожат колени от переизбытка адреналина. Андрей, спрыгнув следом, не дал мне и шага сделать: он подхватил меня под талию и, издав победный клич, закружил в воздухе. Я заливисто хихикала, закинув голову к ночному небу, но когда это объятие затянулось, а его руки сжались на моей спине слишком крепко и собственнически, я начала настойчиво хлопать его по плечам.

— Всё, Кузнец, отпусти! Воздуха не хватает! — пропых-

тела я, пока он наконец не поставил меня на землю.

— Ты знала, что ты мой талисман? — выдохнул он мне в лицо, его глаза поднятого визора блестели от азарта.

— Да прям там, талисман, — я шутливо оттолкнула его. — Просто ты сегодня превзошел сам себя. Молодец. Мы отошли к парапету, наблюдая за заездами других пар.

Краем глаза я все время следила за Димой. Он даже не сорвался с места, когда ребята гоняли. Сидел где-то в тени, лениво опершись на бак своего черного зверя, и наблюдал за суетой вокруг с таким видом, будто всё это — детские игры в песочнице. Его спокойствие пугало и притягивало одновременно. Но вот настала очередь одиночек.

Женя объявил списки, и моё сердце пропустило удар: Дима медленно выпрямился и направил свой байк к стартовой линии. Рядом со мной. Андрей тут же подскочил, засыпая меня напутствиями:

— Кир, только осторожно! Смотри на дорогу, а не на него. И не вздумай оставить на моем байке ни одной царапины, поняла?

Женя до последнего пытался меня отговорить, но, поняв, что я не отступлю, лишь тяжело выдохнул свое фирменное «о-о-о-кеей».

Он подошел к Диме и, положив руку на его зеркало, заговорил серьезным, почти угрожающим голосом: — Не притирайся к ней близко. Ясно? Она еще малоопытна в таких маневрах, не вздумай устраивать свои штучки.

Дима не произнес ни слова. Он лишь коротко, едва заметно кивнул, и я снова почувствовала этот ледяной мятный шлейф.

Мы выкатились на старт. Я чувствовала себя крошечной рядом с его массивным черным аппаратом. Я застегнула шлем, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения. Дима медленно повернул голову в мою сторону. Через два зеркальных визора мы не видели глаз друг друга, но напряжение было таким, что, казалось, между байками сейчас проскочит молния.

Три... два... один...

Флаг упал, и мы сорвались. В этот раз не было никакого «второго номера». Была только я, мощь чужого байка подо мной и этот черный призрак, который с первой секунды начал играть со мной в кошки-мышки.

Этот заезд быстро перерос в безумную корриду на раскаленном асфальте. Дима не просто ехал рядом — он вёл со мной тонкую, изматывающую игру, и я ощущала это каждой клеткой своего тела. Он то намеренно притормаживал, позволяя мне ощутить обманчивый вкус лидерства, то с легкостью обходил на прямых участках, обдавая меня ледяным мятным шлейфом и оглушительным ревом своего черного зверя.

Перед каждым крутым виражом я инстинктивно сбрасы-

вала газ — страх за чужую технику и свежее воспоминание о недавнем полете в отбойник сидели глубоко в подкорке, мешая рисковать. И это бесило. Бесило до кровавых искр в глазах и скрежета зубов.

Несмотря на внутреннюю борьбу, три круга я упрямо удерживала первую позицию. В зеркалах заднего вида постоянно маячило его хищное переднее колесо, я кожей чувствовала вибрацию его мотора, но не давала ни единого шанса для маневра.

Финальный круг.

Впереди та самая коварная дуга — поворот, где мы с Андреем едва не высекли искры коленями. Я ясно осознавала: если пройду его по классической схеме, на обычной скорости, Дима сожрет меня на финишной прямой.

— Либо сейчас, либо всё было зря, — выдохнула я в микрофон шлема.

Я выкрутила ручку газа до упора, заставляя байк буквально выпрыгнуть вперед. Скорость стала предельной, встречный поток воздуха бил в грудь с такой силой, что казалось, меня вот-вот сорвет с сиденья. И вот он — момент истины. Я заложила мотоцикл так глубоко, как не осмеливалась закладывать даже на треке. Моё колено, защищенное слайдером, со звонким скрежетом чиркнуло по зернистому покрытию. Искры брызнули из-под меня золотистым веером, а в голове, заглушая свист ветра, набатом загремел голос отца — суровый, но пропитанный бесконечной любо-

ВЬЮ:

«Ты всё сможешь, Кира. Ардовы никогда не подчиняются — Ардовы подчиняют. Людей, зверей или бездушный металл. Дыши ровно. Не давай страху взять верх. Выдохни и стисни зубы. Ты — мой главный триумф, моя гордость...»

Сквозь гул в ушах я слышала, как с трибун доносится истошный вопль Андрея:

«Тормози, ненормальная! Сейчас разобьёшься!»

Кто-то из парней орал, что я прошла точку невозврата и уже не смогу вытянуть байк из такого запредельного наклона.

Доля секунды — и я должна была стать частью этого асфальта.

Но я — Ардова. Это мой хаос, и я в нем единственный творец и судья.

Я физически ощущала, как разогретые покрышки вгрызаются в дорогу на самом краю сцепления. Я фактически лежала на боку, видя каждую трещинку на дороге в нескольких сантиметрах от своего визора. А затем, резким, выверенным до миллиметра движением бедер и рук, я буквально вытолкнула байк вверх, возвращая его в вертикальное положение.

Мощный рывок — и я пулей вылетела из поворота, оставляя Диму глотать пыль за моей спиной.

Финиш!

Я пересекла черту под оглушительный рев набережной. Я сделала это — я подчинила себе эту стихию.

Когда я наконец затормозила, ко мне первыми бросились перепуганные и восхищенные Андрей и Женя.

Едва я заглушила мотор, Андрей подлетел ко мне, как разъяренный шмель. Он не просто подошел — он налетел, едва не сбивая меня с ног. Его лицо под поднятым визором было пугающе багровым, а дыхание — рваным и тяжелым.

Не дожидаясь, пока я приду в себя, он грубо схватил мой шлем за края и сорвал его с моей головы, едва не выдрав клоч волос.

— Ты чокнутая?! Совсем голову дома забыла?! — взревел он, хватая меня за плечи и лихорадочно крутя из стороны в сторону, проверяя, всё ли цело. — Тебя же могло размазать по этому гребаному асфальту тонким слоем! Ты хоть понимаешь, какой наклон ты заложила?!

— Андрей, отвали! Я его даже не поцарапала! — возмутилась я, пытаюсь высвободиться из его железной хватки. — Я контролировала ситуацию!

— Да к чертям этот байк, ясно тебе?! К чертям железо! — Его сорвало окончательно. Он с такой силой швырнул свой дорогой шлем прямо в асфальт, что тот с костяным стуком отлетел в сторону.

Даже Женя, стоявший неподалеку, напрягся и сделал шаг вперед, готовый вмешаться.

— Ты не дружишь с головой, Ардова. Вообще! Его глаза лихорадочно блестели, и прежде чем я успела выдать очередную колкость, он резко сократил расстояние.

Андрей вцепился в мои губы своими — поцелуй был жестким, отчаянным, со вкусом его страха и адреналина. Это не было нежностью, это была попытка убедиться, что я живая, теплая и всё еще здесь. Толпа вокруг тут же заулюкала и засвистела, подливая масла в огонь. Через несколько секунд он оторвался от меня, тяжело дыша. Его руки всё еще дрожали, сжимая мои плечи.

— Прости — выдохнул он, глядя на меня с такой невыносимой смесью ярости и облегчения, что у меня внутри всё на миг замерло. — Я просто перенервничал. Слишком сильно, Кир.

Я смотрела на него, чувствуя, как на губах всё еще горит его поцелуй, а в ушах звенит от его крика. Гнев медленно сменился какой-то странной пустотой.

— Ла-а-адно, — протянула я, осторожно убирая его руки со своих плеч. — Бывает.

Я залезла в карман экипировки, выудила ключи и, не глядя на него, бросила их ему в грудь. Андрей поймал их на автомате.

— Забирай свой байк. С меня на сегодня хватит гонок. Я пошла. Я развернулась и зашагала прочь от стартовой линии, чувствуя на своей спине десятки взглядов.

Стоило мне отойти в тень, подальше от гомонившей толпы и тяжело дышащего Андрея, как я услышала за спиной низкое рычание двигателя. Дима медленно подкатил ко мне, отсекая нас от остального мира стальным корпусом своего

байка. Он плавно слез с седла, не торопясь снимать шлем, и сделал шаг навстречу.

Его руки в кожаных перчатках властно легли мне на плечи. Он не просто держал — он препарировал меня взглядом сквозь зеркальный визор, медленно осматривая с головы до ног, словно искал скрытые трещины на фарфоре.

— Да нормально со мной всё! Чего вы все пристали? — огрызнулась я, пытаюсь сбросить это оцепенение, но голос предательски дрогнул.

Он не ответил, лишь едва заметно кивнул, словно подтверждая свои внутренние выводы.

— Домой? — его голос прозвучал неожиданно глубоко, вибрируя где-то под кожей.

— Что? — я вскинула голову, не понимая, слышалось мне или он действительно заговорил.

— Домой хочешь? Отвезу, — в этом не было вопроса, скорее констатация факта.

Я невольно обернулась. Андрей стоял у своего байка, сжимая в руках шлем так, что костяшки побелели. Он сверлил нас яростным взглядом и уже начал сокращать расстояние, явно намереваясь устроить вторую серию разборок. Его поцелуй всё еще горел на моих губах, но сейчас он казался чем-то лишним, навязанным.

И тут между нами, как стена, вырос Женя. Он оценил мизансцену одним быстрым взглядом и выставил ладонь вперед, останавливая Андрея на полпути.

— Так, парни, в расход! Даже не начинайте этот цирк, — отрезал Женя. Он повернулся к Андрею: — Ты катись за выигрышем, забирай долю и остынь. А ты, — он перевел взгляд на Диму, — вези её домой.

Женя подошел к Диме вплотную, заглядывая в зеркальное стекло шлема. — И чтоб аккуратно. Волос с головы упадет — я тебя из-под земли достану. Позвоню ей через полчаса, проверю.

Дима ничего не ответил, лишь коротко кивнул.

++++

Мы ехали сквозь спящий город в почти осязаемой тишине. Я прижималась к его широкой спине, чувствуя спиной встречный ветер, а кончиками пальцев — холодную кожу его куртки. Мятный шлейф его парфюма забивался под визор, дурманя сильнее любого алкоголя.

Когда байк плавно замер у моего подъезда, я поспешила слезть, уже набрав в легкие воздуха, чтобы бросить дежурное «спасибо» и скрыться в безопасности своей квартиры. Но Дима опередил меня. Он молча заглушил мотор, откинул подножку и, не снимая шлема, уверенным шагом направился прямо к входной двери.

— Эй, ты куда? — я едва поспевала за ним. — Я не намерена приглашать тебя к себе, ясно? Слышал, что Женя сказал? Довез — и свободен!

Он даже не обернулся. Он распахнул дверь и жестом велел мне заходить. Я возмущенно пыхтела, но вошла, чувствуя,

как по спине бегут мурашки от его молчаливого превосходства. Мы доехали в лифте в полном безмолвии; зеркальные стенки отражали мой растрепанный вид и его непоколебимую черную фигуру.

Когда мы дошли до моей двери, я уже приготовила целую тираду о личных границах. Но стоило мне вставить ключ в замок, как Дима остановился. Он медленно оглядел мою дверь, словно проверяя её на прочность, а затем перевел взгляд на меня. Через зеркальное стекло шлема я кожей почувствовала его тяжелый, препарирующий взгляд.

— Доброй ночи, Кира, — его голос, низкий и вибрирующий, прозвучал почти интимно в пустом коридоре.

Он коротко кивнул, развернулся и, не дожидаясь моего ответа, пошел обратно к лифту. Я так и осталась стоять с открытым ртом, глядя на его удаляющуюся спину. Ни попыток зайти, ни поцелуев, ни лишних слов. Просто холодная, властная забота, от которой внутри всё сжималось в тугий узел.

Зайдя в квартиру, я прислонилась спиной к закрытой двери. Сердце колотилось как сумасшедшее. Кто он такой?

глава 10 «Внеклассное напряжение»

Утро в Академии обрушилось на меня гулким эхом собственных шагов в пустых коридорах и резким, бьющим в нос запахом скипидара. Внутри всё вибрировало, словно я сама превратилась в туго натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего касания. События прошлой ночи — сумасшедший драйв гонки, неожиданный поцелуй Андрея и это пугающее, ледяное спокойствие Димы — перемешались в сознании в один грязный, невнятный подмалевок, который я никак не могла разобрать.

Я влетела в аудиторию буквально за минуту до звонка. Лерка, уже караулившая меня у входа, тут же вцепилась в моё плечо, а её глаза горели нездоровым любопытством:

— Кира, ты просто сумасшедшая! Я уже видела видео в чате, это было нереально! Весь кампус гудит — говорят, ты в сухую сделала того парня на черном байке?

— Да, победила, — буркнула я, пытаясь привести мысли в порядок. — Женя уже и выигрыш на карту скинул.

— Обалдеть... — Лерка понизила голос до заговорщицкого шепота. — Слушай, и как тебя довез этот таинственный гонщик? Андрей после вашего отъезда был просто бешеный, чуть байк свой не расколотил от злости. Рассказывай всё!

— Подожди, — я резко затормозила у своего мольберта и обернулась к ней. — Откуда ты вообще всё это знаешь? Ты же вчера клятвенно обещала практиковать «спортивное снотворное» и дрыхла без задних ног.

Лерка хитро прищурилась и, выдержав театральную паузу, выудила из кармана телефон. — А мне Серёжа писал. Почти всю ночь в чате торчали.

Я так и замерла, выпучив глаза. Карандаш в моих пальцах едва не хрустнул. — Серёжа? Наш натурщик? Вы что, уже общаетесь? — в голове не укладывалось, когда эта лиса успела взять в оборот «Аполлона».

— Ну да, — Лерка самодовольно поправила локон. — Он оказался очень милым и крайне... разговорчивым. Сказал, что ты вчера была просто огненной фурией.

Я скрестила руки на груди, чувствуя, как на губах сама собой расплывается едкая усмешка.

— Милым, значит? А этот твой «миляга» не удосужился упомянуть, что на заезде он был не один? Не говорил, что подхватил какую-то девицу из толпы и она висела на нём, как банный лист, пока он пытался нас догнать?

Улыбка мгновенно сползла с лица Леры. Она застыла с открытым ртом, а в её глазах промелькнуло искреннее, неподдельное удивление, которое быстро сменилось нехорошим блеском.

— В смысле... с другой? — переспросила она, и в её голосе звякнули первые нотки грядущей грозы. — То есть он

всю ночь пел мне дифирамбы в Telegram, пока на его заднем сиденье кто-то другой обтирал его куртку?

— Именно так, дорогая, — я похлопала её по плечу, чувствуя, что теперь не одна я в этой аудитории буду в бешенстве. — Добро пожаловать в реальный мир гонщиков.

Но закончить нашу беседу мы не успели. Дверь мастерской открылась, и на пороге появился Марк Владимирович с Сережей.

Появление этой парочки было эффектным: Марк Владимирович, как всегда, воплощение ледяного порядка, и Серёга, который после вчерашней ночи на набережной выглядел подозрительно бодрым. Куратор обвел нас взглядом, и я буквально кожей почувствовала, как его глаза на долю секунды замерли на мне словно он искал на моем лице следы ночного адреналина или чего-то еще.

Не проронив ни слова, Марк опустил в свое кресло, а Серёга, вместо того чтобы идти на подиум, направился прямо к Лерке. Он что-то быстро шепнул ей на ухо, отчего моя подруга мгновенно залилась пунцовым цветом, а потом, как ни в чем не бывало, притащил соседний стул и уселся рядом с Марком, закинув ногу на ногу.

Я не выдержала и наклонилась к Лерке, едва сдерживая смех. — Эй, подруга, — прошипела я ей в самое ухо. — Очнись. Напоминаю: его куртку вчера обтирала другая девица.

Лерка тут же «выключила» смущение и нахмурилась, резко скрестив руки на груди и отвернувшись от Серёги с таким

видом, будто он — пустое место. Это зрелище было настолько комичным, что я едва не прыснула.

++++

Занятие тянулось бесконечно. Лерка сидела рядом, напоминая грозовую тучу: она то бросала на Серёгу взгляды, полные обожания, то через секунду сжимала карандаш так, будто хотела вонзить его натурщику прямо в глаз.

— Ладно, расслабься, Белова, — шепнула я ей, прикрываясь планшетом. — Твой «Аполлон» просто подбросил ту девушку один раз, и она испарилась в тумане набережной. Больше я её не видела.

Лерка замерла, уставившись на меня с таким изумлением, будто я только что призналась в краже Моны Лизы. — А раньше сказать не могла?! — прошипела она в ответ, округлив глаза. — Я его уже мысленно прокляла до десятого колена и присмотрела место на кладбище для его «Дукати»!

Я не выдержала и прыснула со смеху, представляя масштаб её внутреннего триллера. Но моё веселье длилось недолго. Марк Владимирович, до этого момента что-то сосредоточенно писавший в журнале, медленно поднял голову. Его ледяной взгляд мгновенно нашел меня, стирая улыбку с лица.

— Ардова, я вижу, ваши новости куда интереснее пластической анатомии, — его голос прозвучал низко и сухо, разрезая тишину мастерской. — Будьте любезны, выходите к доске. Раз уж вы так развеселились, продемонстрируйте нам

структуру лицевых мышц при смехе. И постарайтесь не превратить это в свой любимый «хаотичный хаос».

Я поднялась, чувствуя, как Лерка сочувственно вжимается в стул, а Серёга за столом куратора прячет усмешку. Марк смотрел на меня в упор, и в глубине его зрачков снова вспыхнул опасный огонек, который я видела у себя на кухне.

Проходя мимо преподавательского стола, я не удержалась и в шутку замахнулась на Серёгу кулаком. Наш «Аполлон» тут же включил режим драматического актера: он картинно вжал голову в плечи и изобразил на лице такую комичную гримасу ужаса, что даже Марк Владимирович на мгновение замер с поднятым над журналом карандашом.

— Я выложила Лерке всё про твою вчерашнюю «пассажирку», — прошептала я, склонившись к его самому уху, чтобы мой голос не долетел до куратора. — Так что готовься: проклятие в силе, диарея до полуночи тебе обеспечена. Это месть за подругу.

Серёга испуганно скосил глаза в сторону Лерки. Та, словно почувствовав упоминание своего имени, одарила его таким тяжелым, инквизиторским взглядом из-под нахмуренных бровей, что парень нервно сглотнул.

— Черт, Ардова, она у тебя реально ведьма, — пробормотал он, прижимая ладонь к животу. — Кажется, у меня там уже что-то в узел завязывается. Спасай, скажи ей, что это была просто случайная попутчица!

— Сам виноват, — бросила я с усмешкой и уверенно шаг-

нула к доске.

Я кожей ощущала на своей спине обжигающий, препарирующий взгляд Марка. Он хранил молчание, но воздух вокруг него буквально вибрировал от раздражения. Наш шепот, эта фамильярность с натурщиком и моя непринужденность — всё это явно выводило его из равновесия. Его длинные пальцы, лежащие на столе, начали едва заметно постукивать, и мне казалось, что этот ритм в точности совпадает с моим участвовавшим пульсом.

— Ардова, если вы закончили раздавать свои сомнительные медицинские прогнозы, — его голос ударил в спину, словно ледяной душ, — будьте любезны, приступайте к заданию. И не забудьте про тени. Мы ведь не хотим, чтобы ваше искусство было таким же плоским, как и ваши шутки?

Я медленно обернулась к нему, демонстративно сжимая в пальцах кусочек мела, и встретила его взгляд своим — дерзким и прямым.

— Постараюсь добавить вашей лекции глубины, Марк Владимирович. Главное, чтобы вы оказались способны её там разглядеть.

++++

Около двадцати минут я стояла у доски, чувствуя себя как на раскаленных углях. Марк Владимирович не просто контролировал процесс — он буквально оккупировал моё личное пространство. Каждый раз, когда он склонялся, чтобы сделать замечание, его горячее дыхание обжигало моё ухо,

заставляя волоски на шее вставать дыбом. Я лишь судорожно кивала, до боли закусывая нижнюю губу, чтобы не выдать своего сбитого дыхания.

— Здесь нужен более мягкий изгиб, Ардова, — шептал он, и его голос вибрировал где-то внутри моей грудной клетки.

Он словно невзначай накрывал мою ладонь своей. Его пальцы — длинные, сильные и сухие — обхватывали мои, направляя мел. Это было излишне, ведь я и сама вела линию в нужную сторону, но он не отпускал. Между нашими телами выросла невидимая жаркая стена, воздух стал слишком тягучим, пропитанным его ароматом. Мне было безумно некомфортно под прицелом десятка пар глаз одnogруппников, и я уже была готова бросить мел, когда тишину мастерской разорвал голос Андрея.

— Марк Владимирович, — Андрей подал голос с задней парты, и в его тоне слышалась плохо скрываемая насмешка пополам с ревностью. — Может, вы просто дадите Кире закончить? А то создается впечатление, что вы пытаетесь нарисовать её руками шедевр, который сами боитесь испортить. Или вам просто нравится стоять так близко?

По аудитории пронёсся сдавленный смешок. Я замерла, чувствуя, как рука Марка на моей ладони на мгновение сжалась крепче, прежде чем он медленно, с явной неохотой, отстранился.

Марк Владимирович медленно отстранился, и я кожей по-

чувствовала, как в том месте, где была его рука, мгновенно похолодало. Он поправил манжеты рубашки с таким невозмутимым видом, будто не он только что обжигал мне шею своим дыханием.

— Кузнецов, я вижу, у вас проснулся живой интерес к технике исполнения? — голос куратора стал сухим и острым.. — Раз уж вы так ратуете за чистоту творческого процесса, прошу к доске. Составьте компанию госпоже Ардовой..

Андрей нехотя поднялся, явно не ожидая такого поворота, и поплёлся к нам под прицелом ехидных взглядов всей группы.

— Ваше задание, Андрей: изобразите лицо в анфас, — Марк сделал паузу, и его губы тронула едва заметная, почти хищная усмешка. — Постарайтесь передать характер, используя «прямые линии», за которые вы так ратовали в начале курса. Начинайте.

Я не выдержала и издала короткий, едкий смешок, который эхом разлетелся по аудитории. Андрей в академическом рисунке — это полный ноль, и все это знали. Его максимум — это наброски запчастей для байка на полях тетради. Видеть, как он со страхом в глазах берет мел и замирает перед пустой доской, пытаясь не опозориться окончательно под надзором Левицкого, было лучшим зрелищем за всё утро.

— Что смешного, Ардова? — Марк перевел взгляд на меня, и в его глазах заплескали опасные искорки. — Продол-

жайте работу. Или вы хотите помочь своему другу нарисовать хотя бы симметричные уши?

— Помогите мне, — шепотом ныл Андрей, судорожно сжимая мел, — я сейчас вместо лица коленвал нарисую.

— Не могу, — шипела я в ответ, не оборачиваясь, — иначе он нам обоим устроит такое «горе-задание», что до диплома не разгребем. Рисуй давай!

Марк Владимирович, словно чувствуя наш заговор, то и дело «стрелял» в нас острым взглядом, напоминая, что до конца пары осталось всего тридцать минут. Каждый раз, когда он отходил к окну, я короткими фразами диктовала Андрею: «Овал... осевая... глаза на линии середины...». Кузнецов лишь покорно кивал и усердно штриховал чей-то портрет.

Когда время вышло, мы синхронно отложили мел и отошли в сторону. Марк медленно приблизился. Мою работу он удостоил лишь коротким, почти одобрительным кивком, а вот у рисунка Андрея задержался надолго, задумчиво почесывая подбородок.

— И кого же вы, Кузнецов, пытались изобразить? — в его голосе сквозила неприкрытая ирония.

— Девушку, — уверенно отозвался Андрей, вытирая испачканные ладони о джинсы.

— Я вижу, что не натюрморт, — Марк склонил голову набок. — Но кто это? Ваша сестра?

— Нет, это подруга. Девушка... почти, — добавил он с та-

кой многозначительной ухмылкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Марк удивленно вскинул брови, а я наконец заглянула в работу Андрея. Сначала я не узнала в этом «шедевре» чело- века, но, заметив характерный пучок волос, проткнутый ка- рандашом, я всё поняла.

— Ты охренел, что ли?! — взревела я на всю аудиторию, забыв о присутствии куратора. — У меня что, нос такой кар- тошкой? И глаза косые? Кузнецов, оторвать бы тебе руки за такое уродство моей внешности!

Марк Владимирович медленно перевел взгляд с доски на моё пылающее от негодования лицо.

— Андрей, и правда, — вдруг произнес он неожидан- но мягко. — Зачем вы свою... почти девушку... рисуете так некрасиво? Посмотрите на неё: у неё абсолютно ровные, гар- моничные черты лица. Вы совершили преступление против натуры.

— Как смог, так и сделал! — огрызнулся Андрей, хотя было видно, что он польщен вниманием. — Я старался!

— Я тебе за «девушку» уши оторву, понял?! — шикнула я на него, но этот наглец лишь заулыбался во весь рот, до- вольный произведенным эффектом.

Как только последняя пара ног скрылась за дверью, а Лер- ка, подмигнув, умчалась за кофе — то ли ради кофеина, то ли чтобы поскорее перехватить своего Серёгу — я рину- лась к доске. Ладони мгновенно стали серыми от мела: я с

каким-то остервенением стирала этот позор, размазывая по доске «косые глаза» и «нос картошкой», которые Андрей посмел назвать моим лицом.

Я так увлеклась процессом уничтожения улики, что не услышала, как за спиной с мягким, но отчетливым щелчком закрылась дверь.

— Что же вы, Кира, так безжалостно стираете портрет вашего «почти парня»? — голос Марка раздался совсем рядом, заставив меня вздрогнуть.

Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и в его ослабленной позе было столько же грации, сколько и скрытой угрозы. Я резко обернулась, не заботясь о том, что мои руки по локоть в мелу, а лицо, скорее всего, испачкано серыми разводами.

— Никакой он мне не парень! — ядовито бросила я, сверля его взглядом. — И не «почти»! Кузнецов просто бредит на ходу, а вы, кажется, получаете удовольствие, подливая масла в огонь.

Марк медленно оттолкнулся от двери и сделал шаг в мою сторону. Тишина пустой мастерской вдруг стала давящей.

— Если он не парень, тогда почему вы так яростно уничтожаете этот набросок? — он подошел вплотную, и я снова почувствовала этот проклятый древесный аромат. — Обычно так поступают, когда изображение задевает за живое.

Я сократила расстояние до минимума, чувствуя, как от него исходит почти осязаемый жар, и дерзко вздернула нос.

— Меня не задевает за живое его рисунок, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — Меня бесит то, как он это преподнес всей аудитории. Я в курсе его вечных подколов, но это, — я ткнула пальцем в сторону размазанного мела на доске, — уже перебор. Если вас подначивает весь этот фарс, то вы просто большой глупец, Марк Владимирович.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как внутри всё дрожит от негодования. — И вообще, с какой стати вас это так заботит? Занимайтесь своей работой, проверяйте конспекты, делайте что угодно, только не лезьте в мои отношения с друзьями.

В порыве ярости я попыталась оттолкнуть его, намеренно припечатав свою испачканную мелом ладонь к его безупречному темному пиджаку. Но он даже не шелохнулся. Напротив, Марк молниеносно перехватил мою кисть, сжимая пальцы на моем запястье. Его хватка была стальной, но странно осторожной.

— Почему вы тогда не скажете ему перестать, раз это так неприятно? — его голос стал тише, приобретая опасную глубину.

— Я говорила! — проговорила я, пытаюсь вырвать руку.

— Хотите, я помогу вам? — он наклонился ближе, и его глаза, казалось, потемнели до черноты. — Один мой жест, Кира, и он отстанет от вас навсегда.

— Да уж обойдусь, Марк Владимирович! — ядовито бросила я, наконец высвободив руку и оставив на его рукаве от-

четливый белый след. — Не утруждайтесь. Свои проблемы я решаю сама, без помощи «идеальных» кураторов.

Марк

"Кира ушла, оставив после себя в мастерской звенящую тишину и белое меловое пятно на моем лацкане — как клеймо, которое я не спешил стирать. Она думала, что нанесла удар, но на самом деле лишь в очередной раз коснулась меня, и этот след обжигал сквозь плотную ткань пиджака.

Двоякие мысли разрывали голову. С одной стороны — ледяная ярость, с другой — томительное, тягучее ожидание.

А Кузнецов... Этот сопляк бесил меня до одури. Каждый раз, когда он открывал рот или позволял себе эти двусмысленные намеки на их близость, мне хотелось сорваться с места и набить ему морду прямо здесь, на глазах у всей группы. Разбить его самоуверенную улыбку об этот самый кафельный пол. Но я подавлял этот порыв. Слишком мелко. Слишком очевидно. Он для меня — всего лишь досадный шум, помеха, которая отвлекает мою новую музу от главного. От меня.

Как же раздражало, что он забивает её голову своей глупостью именно сейчас, когда мой план начал приносить плоды. Моя колючая Ардова всё еще топорищится шипами, но я чувствую — их становится меньше. Она уже не просто огрызается, она вступает в диалог. Она ищет моего взгляда, даже если сама себе в этом не признается.

Там, в её квартире, всё было по-другому. Атмосфера её хаоса действовала на меня как катализатор. Она была такой... настоящей. Беззащитной в своей пижаме и в то же время вызывающе сексуальной в своем упрямстве. Я мог взять её прямо там, на этой заваленной эскизами столешнице. Один рывок, одна вспышка — и я уверен, она бы не оттолкнула. Когда я заправлял ей прядь за ухо, я видел, как расширились её зрачки, как она затаила дыхание, ожидая поцелуя. Она была готова. Она почти созрела для капитуляции.

Но рано. Слишком рано. Если я сорву этот плод сейчас, я получу лишь тело. А мне нужна её душа, подчиненная моему ритму, её талант, признавший мой авторитет. Я хочу, чтобы она сама умоляла меня стереть границы между «куратором» и «мужчиной».

Я медленно стер мел с рукава, чувствуя на пальцах его порошковую сухость. Ничего, Кира. Твой хаос уже начал структурироваться под моим давлением. И когда ты поймешь, что твои «ишпы» больше не защищают, ты сама придешь ко мне за спасением. А Кузнецов... он скоро поймет, что играть во взрослого волка в моем лесу — смертельно опасная затея."

глава 11 «Конец войне»

Моя война против Марка Левицкого войдет в историю как самый короткий и бессмысленный блицкриг. Она закончилась, даже не успев толком начаться. Знамена были развернуты, пушки заряжены моим праведным гневом в защиту «хаоса таланта», но противник просто не явился на поле боя. Или, что еще обиднее, он даже не понял, что ему объявили войну.

Я готовила едкие отповеди на его замечания о моем «захламленном» рабочем столе и излишне ярких мазках. Я репетировала монологи о том, что минимализм — это убежище для тех, кому нечего сказать миру. Но Марк он просто изменил правила игры.

Колкости, к которым я привыкла, как к утреннему кофе, вдруг исчезли. Вместо ледяного «Кира, это избыточно», я начала слышать нечто иное. Его голос стал мягче, приобрел бархатистые обертоны, от которых по коже невольно пробежал ток. Он стал задерживаться у моих холстов. Больше не морщился от запаха терпентина и разбросанных тюбиков.

— Расскажи, что ты чувствуешь, когда выбираешь этот цвет? — спросил он вчера, остановившись так близко, что я кожей почувствовала тепло его тела.

Мы начали переписываться. Сначала сухо, по делу, но потом наши диалоги о минимализме превратились в нечто ин-

тимное. Я объясняла ему, что мой хаос — это и есть я, а он в ответ присылал фотографии пустых залов галерей, где единственный луч света решал всё. Он начал отталкиваться от моих эмоций, бережно, но уверенно подталкивая меня в нужном направлении.

Его взгляд перестал быть строгим. Теперь он был предупредительным. словно Марк очертил невидимую линию субординации и здравого смысла, за которую мне не стоило выходить, если я не хочу сгореть.

Но сегодня вечером, когда в студии остались только мы и запах дождя за окном, его «предупреждение» читалось иначе.

— Ты слишком глубоко зашла в этот красный, Кира, — тихо произнес он, подходя со спины.

Я замерла с кистью в руке. Его дыхание коснулось моей шеи, и я поняла: моя война проиграна. Потому что единственный способ победить этого человека — это сдаться ему в плен.

Я медленно отложила кисть на край палитры, боясь, что дрожь в пальцах выдаст меня с головой. Марк не отстранился. Напротив, он сделал шаг вперед, почти вплотную, так что я кожей чувствовала холодную пуговицу его идеально отутюженной рубашки через тонкую ткань моей майки.

Я стояла, вжавшись в стол, и чувствовала, как внутри всё натягивается, словно струна на перетянутой скрипке. Марк был так близко, что я видела каждую ворсинку на его ворот-

нике, но он не двигался. Он замер в сантиметре от меня, выставив руки по обе стороны от моих бедер и уперевшись ими в край стола.

Это была ловушка, созданная из воздуха и его личного пространства.

— Почему замолчала? — тихо спросил он. — Куда делись все твои колючие аргументы, Кира?

Я смотрела на него, и в голове предательски всплыло слово «индюк». Высокомерный, самовлюбленный, помешанный на своих чертовых пустых пространствах индюк. Но сейчас, глядя на то, как тяжело вздымается его грудь, я видела, что этот индюк ведет свою внутреннюю войну. Его пальцы, вцепившиеся в дерево стола, побелели в суставах. Он сдерживался. Каждой мышцей, каждым вдохом он транслировал эту невыносимую, почти осязаемую дистанцию, которую сам же и установил.

Мне казалось, или он ждал, что я сломаюсь первой? Что я сокращу этот жалкий сантиметр, вцеплюсь в его идеальную рубашку и превращу её в такой же хаос, какой царил на моих холстах?

— Мои аргументы никуда не делись, — мой голос прозвучал на удивление твердо, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Ты всё еще невыносим, Марк. Твой минимализм — это просто попытка спрятаться от настоящей жизни.

Я ожидала, что он вспыхнет, отпустит колкость или уйдет, холодно хлопнув дверью. Но он лишь чуть заметно усмех-

нулся. В этой усмешке не было издевки — только странная, почти нежная усталость.

— Может быть, — его взгляд снова стал мягким, но в самой глубине зрачков всё равно горело предупреждение. — Но в твоём хаосе слишком легко потеряться. А я привык держать всё под контролем. Особенно себя.

Он медленно убрал одну руку и поправил выбившуюся прядь моих волос. Движение было коротким, почти формальным, но я почувствовала, как у него дрогнули пальцы. Моя уверенность в том, что он просто холодный эгоист, дала серьёзную трещину. Индюк, да. Но, кажется, индюк, у которого тоже есть слабые места. И сейчас этим слабым местом была я.

Я уже потянулась за сумкой, лихорадочно соображая, как половчее сбежать из этой удушающей близости, пока окончательно не потеряла лицо. Нужно было уходить. Сейчас же. Пока запах его парфюма не стал моим единственным кислородом.

— Мне пора, Марк. Увидимся на просмотре, — бросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Я уже сделала шаг к двери, когда его голос — теперь совсем тихий, лишенный всякой иронии — заставил меня прирасти к полу.

— Знаешь, я всегда до смерти боялся того, что не могу вписать в таблицу или ограничить стенами.

Я обернулась. Марк стоял там же, у моего залитого крас-

кой стола, и смотрел на свои руки так, будто видел их впервые.

— Твой взгляд на мир он пугающий, Кира. Он шумный, неправильный и абсолютно нелогичный. Раньше я бы назвал это просто мусором. Но глядя на то, как ты рисуешь, я понял одну вещь.

Он поднял глаза на меня, и у меня перехватило дыхание. В этом взгляде больше не было брони.

— Ты — моя муза. В самом прямом и пугающем смысле этого слова. Благодаря тебе я начал менять свои взгляды на архитектуру, на пространство на самого себя. Раньше меня это приводило в ужас — терять контроль, позволять чужому хаосу диктовать правила. Но теперь я не хочу возвращаться в свою пустоту.

Я стояла, приоткрыв рот, чувствуя, как мир вокруг меняется. Мой «индюк», мой главный критик, человек-линейка — только что признался, что я перевернула его вселенную. Это было похлеще любого признания в любви. Это было признание моей силы над ним.

— Ты ты сейчас серьезно? — выдохнула я, чувствуя, как последние остатки моей «войны» рассыпаются в прах.

— Более чем, — он сделал шаг ко мне, и на этот раз в его глазах не было предупреждения. Только ожидание приговора.

Марк

"План работал безупречно. Наблюдать за ней было истинным эстетическим удовольствием: как меняется её дыхание, когда я подхожу слишком близко, как гнев в её глазах медленно сменяется растерянностью, а затем — тягучим, тёмным желанием, которое она так отчаянно пытается скрыть за маской гордости.

Моя маленькая муза почти растаяла. Но это «почти» — самая сладкая часть игры. Она всё ещё пытается брыкаться, всё ещё называет меня в мыслях (а иногда и вслух) заносчивым гордецом, и это только сильнее будоражит душу. Если бы она сдалась сразу, интерес бы угас. Но её сопротивление — это специя, которая делает победу желанной.

Я безумно хотел её подчинить. Не просто сломать — это было бы слишком грубо для такого тонкого инструмента, как её талант. Нет, я хотел, чтобы она сама захотела слушаться. Чтобы она перестала перечить, понимая, что в моей власти её хаос превращается в чистое искусство. Я хотел, чтобы она брала то, что я даю, и отдавала всю себя именно так, как я того требую. Без остатка. Без фильтров.

Она уже почти готова. Я чувствую это по тому, как она замирает под моим взглядом, как ловит каждое моё слово о её работах. Она думает, что я открываю ей свою душу, признавая её своей музой, но на самом деле я просто открываю замок на её собственной.

Осталось совсем немного. Нужно проявить терпение, со-

хранить эту маску мягкости и понимания. Потерпеть ещё немного, а потом плавно, почти незаметно, запустить руку ей в самую душу, сжать её и перестроить всё там по своим чертежам.

Война закончилась для неё. Для меня же началась самая интересная фаза захвата территории."

глава 12 «За пределами выдержки»

Декабрь в этом году решил выжать из нас все соки. Между зачетами по истории искусств и бесконечными правками в итоговой работе, я едва успевала дышать. Но сегодня был особенный день. Марк Владимирович — мой куратор и человек, который за последние три с половиной месяца перевернул мой мир вверх тормашками — решил устроить нам «прощальный вечер» перед каникулами. План был амбициозный: от залов музея до элитного клуба.

Я сидела у Леры, наблюдая, как её «Аполлон» Сергей похотейски заваривает нам чай. Они сошлись окончательно, и, честно говоря, я была за них рада, хотя иногда мне безумно хотелось запустить в Сергея чем-то тяжелым. Особенно когда он начинал свои подколки в сторону Марка.

— Кира, глянь на него, — Сергей вальяжно прислонился к дверному косяку, насмешливо щурясь. — Твой Марк в музее наверняка примет такой вид, будто сам помогал грекам Парфенон возводить. Ума не приложу, как ты выносишь этого павлина. Мы с ним сто лет знакомы, и он мне вроде как друг, но даже я порой с трудом сдерживаюсь, чтобы не отвесить ему подзатыльник за эту заносчивость.

Я почувствовала, как внутри закипает раздражение, и до боли закусила губу. В кармане джинсов завибрировал телефон. Короткое сообщение в мессенджере:

Марк Владимирович: *«Надеюсь, ты не забыла про шарф. Сегодня обещают метель. М.В.»*

Боже, как мы к этому пришли? От сухих методичек до обсуждения погоды и моих любимых книг по ночам. Его забота во время моей простуды — гора апельсинов и неделя свободы от лекций — пробила в моей защите брешь, которую я уже не могла заделать.

— Оставь её в покое, Серёж, — Лера шикнула на него и вывалила на кровать кучу вешалок. — Нам нужно решить стратегический вопрос: в чем она пойдет «сдаваться» своему куратору.

Я вздохнула, глядя на гору шелка и кружева. — Лер, мы идем в музей, а потом гулять по городу. Там минус пятнадцать. Я надену свой огромный свитер и теплые легинсы. Комфорт — мой приоритет.

Лера картинно схватилась за сердце, выуживая из кучи короткое платье из плотной шерсти с провокационным вырезом на спине. — Кира, какой свитер?! Ты в этом музее должна выглядеть как главный экспонат, чтобы у твоего Марка очки запотели! Нужно подчеркнуть сексуальность, а не превращаться в сугроб.

— Зачем мне его завоевывать? — я старалась, чтобы мой голос звучал максимально безразлично, хотя сердце после его СМС пустилось вскачь. — Он мой преподаватель. У нас просто... налаженный контакт. Мой хаос и его порядок наконец-то создали приличную картину, только и всего.

— Ага, «только и всего», — передразнила Лера, прикладывая платье к моей фигуре. — Ты когда его имя вслух произносишь, у тебя глаза блестят больше, чем стразы на этом платье. Сама же губу кусаешь каждый раз, когда он тебе пишет! Давай, примерь. Клуб «**Грань**» не пускает в бабушкиных свитерах, а Марк Владимирович явно ждет не «студентку-отличницу».

Я посмотрела на себя в зеркало. Вспомнила его взгляд от которого я теперь таяла, как снежинка на ладони. Может, один раз стоит позволить себе быть не просто студенткой в удобном худи?

— Ладно, — сдалась я. — Но если я отморожу себе всё в этом музее, ты будешь объяснять Марку, почему его муза чихает вместо того, чтобы восхищаться полотнами.

Лера победно улыбнулась:

— Поверь, он найдет способ тебя согреть. Уж в этом я не сомневаюсь.

++++

К двум часам дня площадь перед Академией напоминала растревоженный улей. Огромный туристический автобус уже прогревал мотор, пуская в морозный воздух клубы пара. Андрей с Костиком, занявшие «королевские» места в самом конце салона, вовсю махали нам руками через стекло, жестами призывая поторопиться, пока лучшие места не заняли другие.

Мы с Лерой направились к ним, но на полпути моя подру-

га-предательница вдруг замерла как вкопанная.

— Побойтесь бога, маньяки! — фыркнула я, остановившись рядом с ней и Сергеем. — Вы бы хоть до музея дотерпели. Сейчас вместо экскурсии придется скорую вызывать — вы же просто сожжете друг друга прямо на брусчатке!

Лера, даже не подумав покраснеть, неохотно оторвалась от своего «Аполлона», чьи руки по-хозяйски покоились на её талии. Сергей лишь самодовольно усмехнулся, бросив на меня быстрый взгляд:— Завидуй молча, Кира. Вон, твой надзиратель уже на посту, сейчас будет проводить перекличку душ.

Я обернулась. У дверей автобуса стоял Марк Владимирович. В длинном черном пальто, которое идеально сидело на его широких плечах, и с папкой в руках, он выглядел до невозможности чужим в этой студенческой суете. Ветер слегка растрепал его темные волосы, но взгляд оставался ледяным и сканирующим.

Когда наши глаза встретились, моё сердце сделало кульбит и провалилось куда-то в район новых сапог на каблуке. Он не улыбнулся. Он просто медленно обвел меня взглядом — от кончиков пальцев до края шарфа, — и я кожей почувствовала, как под этой тяжелой тканью пальто по телу пробежала волна жара.

— Ардова, вы решили пропустить посадку? — его голос долетел до меня через шум площади, низкий и вибрирующий. — Мы ждем только вас.

— Иду, Марк Владимирович, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Я быстро зашагала к дверям, стараясь не смотреть на Леру, которая за моей спиной явно строила мне рожи. Проходя мимо Марка, я намеренно задела его рукав своим плечом. Случайно. Почти.

— Осторожнее, Кира, — прошептал он, когда я оказалась в сантиметре от него. — Сегодня на дорогах скользко. Постарайтесь не упасть в моих глазах.

Внутри автобуса пахло мандаринами и предвкушением свободы. Я пробралась к парням, чувствуя на своей спине его жгучий взгляд. Андрей тут же протянул мне стаканчик с горячим кофе. — Кирюх, ну ты и вырядилась! Неужели ради Леонардо да Винчи?

Я лишь отмахнулась, усаживаясь у окна. За окном проплывали заснеженные улицы, а в кармане снова коротко звякнул телефон.

Марк Владимирович: *«Платье под пальто слишком тонкое для такой погоды. На обратном пути поедешь со мной в машине. Это не обсуждается. М.В.»*

Я закусила губу до боли, пряча улыбку в воротник свитера. Кажется, эта поездка в музей запомнится мне надолго.

+++++

Автобус мерно покачивался, унося нас к центру города, а я прижалась лбом к холодному стеклу, проваливаясь в воспоминания. Если бы три месяца назад мне сказали, что я бу-

ду сходить с ума от одного СМС этого человека, я бы рас- смеялась им в лицо.

Всё началось с катастрофы. Первый учебный день, мой «хаотичный» натюрморт и его ледяной голос за спиной: *«Ар- дова, в вашей работе столько же смысла, сколько в куче му- сора. Уберите эту мазню и начните думать головой, а не эмоциями»*. Мы орали друг на друга так, что в аудитории, казалось, плавился воздух. Я видела в нем напыщенного ин- дюка, застегнутого на все пуговицы любителя минимализма, для которого мир был черно-белым чертежом. Скука? Пол- нейшая.

Но потом он начал менять тактику.

Почти каждый день он задерживал меня после пар.— Ки- ра, задержитесь. Композиция требует правок, — бросал он, не глядя на меня. И начиналась пытка. Он подходил так близ- ко, что я чувствовала тепло его тела сквозь рубашку. Тянул- ся к доске или к моему холсту, чтобы что-то исправить, и его рука замирала в миллиметре от моей. Он не касался, нет. Он заставлял меня саму тянуться к нему, ловить этот невыно- симый аромат кедра. Я ненавидела себя за то, как моё тело предательски откликалось на его близость.

«Я что, сошла с ума?»— спрашивала я себя по ночам, кусая губы.

А потом его правильность начала казаться мне... опорой. Его острый взгляд теперь не резал, а защищал. Забота Марка Владимировича стала такой, что от неё иногда першило в

горле.

— *Кира, надень шарф.* — *Кира, ты опять пропустила обед? Съешь это сейчас же.* — *Не смотри на этого первокурсника, он бездарен и навязчив.*

Эта сверхопека бесила до скрежета зубов, но внутри всё сладко сжималось.

— Вы ведете себя как старый ворчливый дед! — взорвалась я однажды, когда он в очередной раз заставил меня переодеть слишком легкую, по его мнению, куртку. Марк тогда не разозлился. Он лишь тихо рассмеялся — редкий, глубокий звук, от которого у меня мурашки пошли по коже.

— О такой девушке, как ты, Ардова, необходимо заботиться, — сказал он, делая шаг ко мне и заставляя вжаться в стену. — Я ничего не могу с собой поделать. Раньше мне не приходилось никого опекать... но ты не даешь мне выбора. Ты мой личный хаос, который я обязан упорядочить.

И вот теперь, глядя на его затылок через несколько рядов сидений, я понимала: я проиграла. Его минимализм стал моей религией, а его ворчание — лучшей музыкой.

Когда автобус остановился у колоннад музея, Марк Владимирович первым спустился на тротуар. Он выглядел как истинный аристократ, вышедший из своего экипажа. Когда подошла моя очередь, он галантно подал мне руку. Его пальцы, обтянутые тонкой кожей перчаток, сжали мою ладонь чуть крепче и дольше, чем того требовали приличия. Но чтобы не вызвать подозрений у толпы студентов, он тут же по-

вторил этот жест для Леры и еще пары девчонок.

Глядя, как мои однокурсницы краснеют и робко благодарят его, я впервые по-настоящему поняла, почему по нему вздыхает вся Академия. Я и сама превращалась в такую же «влюбленную дуручку», чей пульс зашкаливал от простого касания, но давать ему повод для торжества я не собиралась. По крайней мере, пока.

В гардеробе, когда я скинула свое тяжелое зимнее пальто, в холле словно стало на несколько градусов жарче. Мое платье — на котором настояла Лера — сидело как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб.

Я краем глаза заметила, как Марк, собиравшийся что-то сказать администратору, вдруг осекся и буквально поперхнулся воздухом. Его кадык дернулся, а взгляд потемнел так стремительно, что мне стало не по себе.

— Матерь божья, Ардова! — Андрей присвистнул, толкнув Костика локтем. — Ты посмотри на неё. Да от такого вида даже у этих мраморных мужиков в античном зале кровь закипит и они с постаментов поспрыгивают.

— Точно, — поддакнул Костик, ошарашенно разглядывая меня. — Марк Владимирович, может, нам Киру в отдельный зал поставить? А то экспонаты на её фоне поблекнут.

Марк смерил парней таким ледяным взглядом, что те моментально притихли, а затем повернулся ко мне. — Ардова, я просил одеться для экскурсии, а не для... провокации, — процедил он сквозь зубы, но я видела, как его глаза жадно

скользят по моей ключице. — Держитесь рядом со мной. Живые скульптуры мне в музее не нужны.

Мы двинулись по залам. Марк вел экскурсию мастерски. Его голос, глубокий и размеренный, разносился под сводами музея, заставляя даже самых заядлых прогульщиков слушать, затаив дыхание. Он рассказывал истории создания полотен так, будто сам стоял за спиной художников. Он объяснял состав красок, тонкости лессировки и скрытые смыслы композиций.

Но всякий раз, когда группа переходила к новому экспонату, Марк словно невзначай оказывался прямо за моей спиной. Когда он объяснял технику письма на огромном полотне эпохи Ренессанса, его рука поднялась, указывая на детали, и он почти прижался грудью к моей лопатке.

— Видишь, Кира? — прошептал он мне в самое ухо, пока все остальные рассматривали мазки. — Художник был одержим своей моделью. Он скрыл её имя в тенях, потому что хотел, чтобы она принадлежала только ему. Даже после его смерти.

Я чувствовала его горячее дыхание на своей шее и понимала, что он говорит вовсе не о картине.

Экскурсия продолжалась, но для меня всё происходящее превратилось в сюрреалистичный сон. Голос Марка обволакивал, он рассказывал о символизме и скрытых деталях, но я видела только его руки, когда он указывал на холсты, и чувствовала его взгляд, который буквально прожигал спину.

Когда объявили перерыв на перекус в музейном кафе, я поняла, что мне срочно нужно выдохнуть. В залах было душно, а под прицелом глаз Марка — и вовсе невыносимо. Шепнув Лере, что мне нужно попудрить носик, я выскользнула в длинный, пустынный коридор, ведущий к уборным. Тишина здесь была почти осязаемой, прерываемой лишь стуком моих каблучков по паркету.

Я уже почти дошла до поворота, когда из тени одной из ниш внезапно выступила высокая фигура. Я не успела даже охнуть — сильная рука перехватила мое запястье, а вторая легла на талию. В следующее мгновение Марк рванул на себя дверь ближайшей санитарной комнаты, втолкнул меня внутрь и с глухим стуком вдавил в стену.

Щелкнул замок. В тесном пространстве, пахнущем чистотой и его парфюмом, стало нечем дышать.

— Я не понимаю тебя, Кира, — прорычал он, нависая надо мной так, что наши носы почти соприкасались. Его глаза, обычно такие контролируемые, сейчас метали молнии. — Что ты творишь? Ты либо намеренно провоцируешь меня на дикую ревность, заставляя этих идиотов пускать слюни, либо снова пытаешься создать вокруг себя безумный хаос, чтобы я окончательно сошел с ума.

Я сглотнула, чувствуя, как по телу разливается слабость, но постаралась придать голосу твердости:— О чём вы, Марк Владимирович? Я вас не понимаю... Какая еще ревность? Я просто надела платье.

Он лишь коротко, горько усмехнулся. Эта улыбка не предвещала ничего хорошего. Он опустил лицо так низко к моему уху, что я мгновенно покрылась мурашками. А затем я вскрикнула от неожиданности: его ладонь, горячая скользнула под вырез на спине. Медленно, дразняще он провел подушечками пальцев по голой коже вдоль позвоночника, спускаясь всё ниже и ниже, к самому краю ткани.

— Какая ревность? — прошептал он, обжигая дыханием шею. — Такая, от которой хочется вышвырнуть всех из этого музея и запереть тебя там, где никто не сможет на тебя смотреть.

Его рука замерла у основания поясницы, слегка сжав кожу. Я невольно выгнулась навстречу, прерывисто вздохнув.

— Слушай меня внимательно, Ардова, — он чуть отстранился, заглядывая мне в глаза с пугающей серьезностью. — Если из-за этого платья и твоих прогулок по морозу ты снова заболеешь... я не просто пришлю тебе фрукты. Я лично пропишусь в твоей квартире. Запру дверь изнутри и буду сам следить, чтобы ты выпивала каждое лекарство до капли. Ты поняла?

Я смотрела в его темные, одержимые зрачки и понимала, что это не угроза. Это обещание. И, боже мой, какая-то часть меня отчаянно хотела, чтобы он его выполнил.

— Поняла, — выдохнула я, почти касаясь его губ.

Марк замер, нависая надо мной, и я видела, как бешено бьется жилка у него на виске. Он намеренно медлил. Его гу-

бы находились в паре миллиметров от моих, он обжигал меня своим дыханием, но не касался, давая мне возможность почувствовать всю тяжесть его присутствия. Это была изощренная пытка: он провоцировал меня, доводил до предела, заставляя саму тянуться к нему.

Я уже приоткрыла рот, чтобы дышать глубже — воздуха в тесной комнатухе катастрофически не хватало, а напор его взгляда просто выбивал почву из-под ног. И в этот момент он сорвался.

Марк впился в мои губы неистово, почти грубо. В этом поцелуе не было нежности — только накопленная за три месяца одержимость и жажда обладания. Он целовал меня так, словно боялся, что я сейчас в ужасе оттолкну его и выбегу в коридор, расталкивая студентов. Но я не собиралась бежать. Напротив, я была готова пойти до конца, взять всё, что он давал, и, кажется, отдать в ответ гораздо больше.

Его губы безжалостно смазывали мой дорогой блеск, а горячая ладонь, что только что дразнила спину, решительно нырнула под подол платья. Когда его пальцы коснулись бедра, обжигая холодок кожи, я едва не вскрикнула. Я желала, чтобы он пробрался глубже. Глупо? Наверное. Но полгода моей «монашеской» выдержки и игры в ненависть трескали по швам.

В порыве какого-то бесстыдства я сама начала лихорадочно расстегивать его пиджак. Пальцы путались в пуговицах его безупречной рубашки, я рвалась к его телу, желая ощу-

тить под ладонями рельеф его мышц, о которых грезил на парах, рисуя его в своей голове.

Но вдруг всё оборвалось.

Марк резко перехватил мои запястья, прижимая их к стене над моей головой. Его грудь тяжело вздымалась, а глаза блестели от плохо скрываемого вожделения.

— Хватит, Кира... — выдохнул он, и голос его сорвался на хрип. — Остановись.

Я смотрела на него, дезориентированная, с распухшими губами и пылающими щеками, не понимая, почему он отстраняется.

— Это не то место, — отрезал он, пытаясь вернуть себе хотя бы каплю самообладания. — Я не позволю нашей первой близости случиться в туалете музея под аккомпанемент шагов в коридоре. Ты достойна большего, чем спешка в камере.

Он отпустил мои руки и дрожащими пальцами начал застегивать пуговицы, которые я успела вырвать из петель.

— Иди к остальным, Ардова. Приведи себя в порядок. Через десять минут мы уезжаем.

++++

Вечерний декабрьский воздух за стеклом арендованного авто казался густым и искрящимся. Марк провернул всё с пугающей эффективностью: короткое распоряжение, и вся группа уже грузилась в автобус, а мы остались вдвоем на пустой парковке музея. Теперь белый снег, летящий в свете

фар, превращал дорогу в бесконечный туннель из чистого серебра. Пейзаж был настолько идеальным, в его духе, что у меня перехватывало дыхание.

Но внутри машины было жарко.

После того поцелуя, который изменил всё, мне казалось, что я окончательно перехватила инициативу. Марк вел машину уверенно, но его правая рука больше не лежала на руле. Она покоилась на моем бедре. Его пальцы медленно, почти лениво поглаживали кожу, поднимаясь всё выше к краю платья.

Я замирала каждый раз, когда его ладонь останавливалась в миллиметре от того самого места, где начиналось моё полное поражение. Я ждала, что он пересечет эту черту, но он лишь едва заметно вздергивал уголок губ, продолжая смотреть на заснеженное шоссе.

Играет? О, это было чертовски приятно. Но эта недосказанность, это крошечное расстояние между его пальцами и моим телом убивало меня.

Я смотрела на его строгий профиль, на безупречную линию подбородка и чувствовала дикое, жадное желание. Я хотела поглотить его минимализм, растворить его ледяную выдержку в своем хаосе. Пусть весь мир вздыхает по этому недоступному, холодному гению. Пусть женщины в галереях оборачиваются ему вслед.

Я хотела, чтобы в этот момент они все видели нас и умирали от зависти. Потому что этот идеальный порядок, этот без-

упречный Марк Левицкий сейчас принадлежал мне. И только я знала, как сильно бьется его пульс под моими пальцами, когда я решаюсь на ответный ход.

— Тебе нравится этот вид, Кира? — тихо спросил он, и его рука снова двинулась, на этот раз чуть смелее.

— Вид — потрясающий, — выдохнула я, накрывая его ладонь своей и не давая ей снова замереть. — Но мне кажется, в твоей машине слишком много лишнего пространства.

Марк лишь лисьи улыбнулся, и в этой улыбке было столько снисходительного превосходства, что мне захотелось его ударить — или поцеловать до потери сознания.

— Кира, — мягко, как ребенку, объяснял он, не отрывая взгляда от заснеженной трассы. — Терпение — это тоже часть композиции. Чтобы финал был идеальным, нам нужно идеальное место. Где ничто не будет отвлекать от процесса.

Я и слышать ничего не хотела о его «стерильности». Его правильность, этот бесконечный контроль и планы на «идеальный момент» сейчас казались мне издевательством. Внутри меня полыхало, истома выжигала всё самообладание, и я поняла, что его сопротивление нужно ломать здесь и сейчас. Любым способом.

Я откинулась на кожаное сиденье и, вызывающе глядя на его точеный профиль, ляпнула первое, что пришло в голову:

— Знаешь что, Марк? Если ты не перестанешь тянуть эту резину со своим «идеальным местом», я прямо сейчас выйду из машины. Мы как раз проезжаем мимо «Оникса». Я найду

там того, кто поможет мне справиться с этой истомой сегодня же. Без лишних графиков и чертежей.

Секунда тишины была такой звенящей, что я слышала шорох падающего на капот снега. Улыбка мгновенно сползла с лица Марка. Он не просто перестал улыбаться — его взгляд стал ледяным и хищным одновременно.

Он не произнес ни слова. Просто резко крутанул руль, заставляя машину взвизгнуть шинами по обочине. Мы замерли, утопая в сугробе под светом одинокого фонаря.

Марк рванул рычаг, откидывая пассажирское сиденье назад до упора, и в ту же секунду его рука, жесткая и властная, вцепилась в мой затылок.

— Клуб? — прорычал он мне в самые губы, и я почувствовала, как его тело буквально вибрирует от ярости и желания. — Ты никуда не пойдешь, Кира.

Он одним движением притянул меня к себе, пересаживая на свои колени. Я едва успела охнуть, как его губы накрыли мои в горячем, почти болезненном поцелуе. Больше не было наставлений, не было минимализма. Была только его тяжелая рука, сминающая ткань моего платья, и осознание того, что я наконец-то пробила его броню.

В тесном пространстве машины стало невыносимо жарко. Снаружи декабрь засыпал стекла пушистым белым снегом, отрезая нас от всего мира, а внутри всё пространство было заполнено запахом кожи, мужского парфюма и моего собственного возбуждения.

Марк сжал мои бедра так крепко, что завтра там наверняка останутся следы от его пальцев. Его губы оторвались от моих лишь на мгновение, чтобы он мог выдохнуть мне в шею, обжигая кожу:

— Ты хотела нарушить правила, Кира? Хотела проверить, насколько далеко я могу зайти?

Он резко прижал меня к своей груди, заставляя почувствовать каждое напряжение его тела. Его руки действовали уверенно и властно. Минималист во всём — он не делал лишних движений, но каждое его прикосновение было точным и сокрушительным. Когда он освободил меня от мешающей одежды, холодный воздух из салона на секунду коснулся кожи, но тут же сменился жаром его ладоней.

Он вошел в меня резким, глубоким толчком, заставив меня вскрикнуть и закинуть голову ему на плечо. В этом движении не было мягкости, только обладание.

— Моя непослушная муза — прошептал он, и его голос сорвался на низкий рык. — Думала, сможешь манипулировать мной? В этом хаосе, который ты устроила, работать будут только мои правила.

Он двигался ритмично и мощно, задавая темп, которому я не могла не подчиниться. Машина слегка покачивалась, а за окном всё так же безмолвно падал снег, создавая сюрреалистичный контраст между ледяной чистотой природы и тем безумием, что происходило между нами.

Марк перехватил мои руки, прижимая их к моей груди,

заставляя меня смотреть ему в глаза. В них больше не было холодного расчета — только темный огонь, который он так долго сдерживал.

— Смотри на меня, — приказал он. — Забудь про свои клубы. Ты принадлежишь этому моменту. Ты принадлежишь мне.

Каждый его толчок выбивал из меня остатки воздуха и гордости. Я чувствовала, как мой «хаос» окончательно растворяется в его силе. Это была не просто страсть — это была капитуляция, самая сладкая в моей жизни. Когда наступила развязка, яркая и ослепительная, как вспышка на холсте, я поняла: война действительно закончена. И победителем в ней вышел тот, кто умеет ждать и подчинять.

Глава 13 «Чужой в своем клубе»

Сообщение от Босса высветилось на экране в четыре утра, разрезая темноту спальни неоновым холодом. Короткое *«Завтра в десять. Есть разговор по расширению»*.

Для любого другого это означало бы успех, новые нули на счету и статус. Для меня это означало — бежать. Снова. Оставлять город, в котором я только начал дышать одним воздухом с ней.

Пять лет я пытался выстроить эту чертову легальную империю. Босс вытащил меня из такого дерьма, о котором в приличных романах не пишут. Подарил мне этот клуб, выбил лицензии, заставил юристов завалить каждый угол бумагами с печатями, чтобы ко мне не подкопался ни один мент.

«Дима, — говорил он, — делай бизнес боем, но по закону. Тюрьма — это потеря времени, а время — это единственное, что нельзя откупить».

И вот теперь время работало против меня. Я швырнул телефон на кровать и подошел к окну. Внизу, в гараже, ждал байк — единственное место, где я чувствовал себя на своем месте. Но даже скорость не помогала заглушить ту ночь. Я проклинал себя. Последний трус, скрывшийся в тени, когда нужно было просто выйти на свет и сказать:

«Это я. Это я был с тобой тогда, после клуба».

Но я молчал. Я прятался за концепцией «серьезного вла-

дельца», пока она набивала мне татуировку, глядя прямо в глаза. И в этих глазах не было ни капли узнавания. Пустота. Холодная вежливость мастера. Она не запомнила меня, или — что еще хуже — я не оставил в ее памяти даже следа.

А я помнил всё. Как пахла её кожа той ночью, как она смеялась, не зная, кто я. Это воспоминание убивало меня медленнее, чем пуля, но вернее. И теперь — Андрей. Мажор от искусства, её ровесник, который рассуждает о мазках и композициях, пока я считаю выручку и проверяю пожарные выходы. Он кружит вокруг неё, вливаясь в этот её мир красок и холстов. Что я могу ей дать? Ключи от подпольного клуба? Запах жженой резины и бензина? Я ничего не смыслю в её искусстве, кроме того, что её тело — это самая красивая картина, которую я когда-либо видел.

Я должен уехать. Отступить. Оставить её на растерзание этому правильному мальчику с деньгами и хорошими манерами.

— Черт бы всё это побрал, — прохрипел я, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. За два месяца её жизнь может измениться до неузнаваемости. Она может влюбиться. Может выйти замуж. Может окончательно стереть тот призрачный силуэт мужчины из той единственной ночи.

Я взял куртку. Мне нужно было увидеть её салон еще раз, хотя бы через стекло, прежде чем я нажму на газ и исчезну из этого города по приказу человека, которому обязан жизнью.

Я припарковал байк за углом, чтобы звук мотора не выдал

меня раньше времени. Ночной город дышал прохладой, но внутри у меня всё выгорало.

Я замер в тени старого клёна, глядя на ярко освещенную витрину тату-салона. Внутри было светло, как в операционной. Кира работала. Она склонилась над бедром какого-то парня — очередного клиента, который, судя по оживленной жестикуляции, пытался произвести на неё впечатление. Он что-то увлеченно рассказывал, заглядывая ей в лицо, но Кира даже не вела бровью. Её губы были плотно сжаты, между бровей залегла знакомая складка — высшая степень концентрации. Она отвечала ему коротко, сухо, не отрывая взгляда от иглы. Профессионал. Холодная, недоступная, идеальная. Эта её одержимость делом, эта серьезность всегда заставляли моё сердце биться быстрее. Она не просто била тату — она создавала историю, в которую никого не пускала лишним.

Парень снова что-то сказал, попытавшись пошутить, но она лишь едва заметно кивнула, продолжая вести безупречную линию.

— Как же жаль, что я не могу остаться рядом с тобой... — прошептал я в холодный воздух, и моё дыхание превратилось в едва заметный пар.

Я смотрел на неё еще минуту, пытаюсь запечатлеть в памяти каждый изгиб её пальцев в черных перчатках. В груди тянуло так, будто мне наживую вырезали кусок сердца. Но бизнес Босса не ждал, а моя прошлая жизнь всё еще дышала

мне в спину, не давая права на слабость. Я развернулся, не дожидаясь, пока она поднимет голову. Шаг в темноту, щелчок стартера, и рев мотора заглушил всё то, что я так и не решился ей сказать. Впереди была трасса, а позади — единственная девушка, ради которой я был готов сжечь этот город дотла.

++++

Почти два месяца ада в другом городе закончились бурной волокитой и бесконечными встречами. Я вернулся в серый, предновогодний город, когда улицы уже задыхались в дешевой мишуре и запахе хвои.

Клуб встретил меня привычным гулом. Я решил начать с того, с чего начинал когда-то — встал за барную стойку. Здесь было проще всего контролировать ситуацию и одновременно прятаться за звоном льда и шейкера.

Вечер шел своим чередом: липкие стойки, пьяный смех, басы, от которых вибрировали внутренности. Девушки в коротких платьях то и дело «стреляли» в меня взглядами, задерживая пальцы на моей руке дольше положенного, когда забирали бокалы. На стойке то и дело появлялись салфетки с номерами телефонов и отпечатками помады. Я смахивал их в мусорное ведро, даже не глядя на цифры. В моей голове всё еще стоял образ из того окна — Кира в свете лампы-салона.

Но, видимо, этот вечер решил окончательно меня добить. Двери распахнулись, и в зал ввалилась шумная толпа студен-

тов. Среди этого хаоса и смеха я увидел её. Сердце пропустило удар, а потом забилося так сильно, что, казалось, перекроет музыку.

Кира.

Она изменилась. Больше не было той нахмуренной сосредоточенности, которую я видел через стекло. Она выглядела лучезарной, оживленной, словно кто-то включил внутри неё свет. Смеялась над какой-то шуткой, встряхивая волосами, и эта её легкость резала меня без ножа.

Девчонки из её компании тут же оккупировали бар прямо передо мной. Они не смотрели на бармена — я был для них лишь частью интерьера, машиной по разливу алкоголя.

— Нам четыре «Маргариты», пожалуйста! — бросила одна из них, не глядя на меня.

Я механически взялся за шейкер, слушая их щебет.

— Кир, ну серьезно, — блондинка рядом с ней вздохнула так театрально, будто была на грани обморока от восторга. — Мы так за тебя рады! Он такой внимательный, эти цветы, эти постоянные звонки... Тебе с ним так повезло!

Кира лишь загадочно улыбнулась и что-то тихо ответила, чего я не разобрал из-за грохота басов.

— Я прямо так и вижу, как он приручает твой дикий нрав. А ты, вся поплывшая от одного его взгляда, покорно стоишь у мольберта в одних мокрых трусиках в его кабинете, — продолжала блондинка, приторно хихикая.

Эти слова ударили под дых сильнее любого кастета. Ком

в горле стал колом, дышать стало нечем. Я до хруста сжал шейкер, чувствуя, как костяшки белеют от ярости и бессилия. Значит, Андрей всё-таки дожал? Или нашелся другой «идеальный», сумевший обуздать её огонь? Пока я вкалывал на Босса, пытаюсь отбелить своё имя и выстроить легальный мир, её реальность просто вычеркнула меня за ненадобностью.

А на что я, черт возьми, рассчитывал? Что она будет хранить верность тени? Призраку из той единственной ночи, который даже не соизволил назвать своего имени?

Я резким движением выставил бокалы на стойку, упорно избегая её взгляда. Мои руки — в старых шрамах, пропахшие табаком и тяжёлым прошлым — казались чем-то грязным и чужеродным рядом с её тонкими пальцами, когда она потянулась за своим коктейлем.

— Спасибо, — тихо проговорила она, наконец поднимая взгляд на меня.

Я, как последний дурак, не выдержал этого контакта и резко отвернулся к стеллажу, делая вид, что страшно занят расстановкой бутылок.

— Не за что, — бросил я через плечо, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично.

Они болтали еще минут десять, и каждое их слово впивалось в меня раскаленной иглой. Обсуждали какого-то Марка, его «бесячий минимализм» в искусстве и то, как весело они зажигали у него в машине... Черт, я едва не смахнул всю

выставку элитного алкоголя со стойки одним махом. Пальцы дрожали от ярости, которую приходилось заталкивать поглубже. Она тебе ничего не должна, Дима. Сам виноват, что пропал два месяца. Нужно было ловить момент раньше, а не играть в благородного призрака, — рычал я сам на себя, тяжело выдыхая.

Я заставил себя обернуться, решив больше не смотреть в их сторону, но в этот момент к компании подошел мужчина. Солидный, в безупречно сидящем костюме — он выглядел здесь чужаком, словно по ошибке забрел в клуб прямо с научной конференции или совета директоров. Он наклонился к Кире, что-то интимно шепнул ей на ухо, и она... она послушно встала. Не было ни споров, ни сухих ответов, которые она раздавала клиентам. Она просто позволила ему увести себя, опустив глаза. Я провожал их взглядом, пока они не скрылись в толпе. Неужели это и есть её новый мир? Этот лощеный тип в галстук теперь заменяет ей всё то, что я когда-то надеялся ей дать?

++++

Они скрылись за дверью VIP-ложи, и этот щелчок замка отозвался в моей голове звуком взведенного курка.

Остальная их компания рассыпалась по залу: кто-то полез на танцпол, кто-то зажал девчонку в углу. Им было плевать. А я остался стоять за стойкой, методично протирая один и тот же бокал, пока на стекле не послышался неприятный скрип.

Прошел час. Шестьдесят минут, которые я прожил в персональном аду. Каждый раз, когда мой взгляд падал на ту злосчастную дверь, воображение рисовало картины одна грязнее другой. Солидный костюм на полу, ее пальцы, запутавшиеся в его волосах... Я едва не раздавил бокал в руке, когда представил, как этот холеный тип касается тех мест, которые я считал своими по праву той единственной ночи.

«Ты ей никто, Дима. Ты просто призрак, который сбегал», — шипел внутренний голос.

Я понимал, что она свободная женщина. Что она имеет право на любого «пиджака», Андрея или Марка. Но в груди всё клокотало так, будто туда залили расплавленный свинец.

Дверь открылась. Они вышли не спеша. У него был вид победителя, хотя галстук чуть съехал набок, а воротник рубашки был расстегнут. Кира... она выглядела слегка помятой. Волосы, которые в начале вечера лежали идеальными волнами, теперь путались, а помада на губах стала едва заметной, словно ее стерли долгими поцелуями. Она поправила юбку коротким, резким жестом и отвела взгляд, когда они проходили мимо бара.

Я видел, как он собственнически приобнял её за плечи, и она не отстранилась. В этот момент я почувствовал себя не владельцем клуба, не серьезным бизнесменом, а уличным псом, у которого отобрали последнюю кость.

— Эй, бармен, еще виски. Двойной, — бросил «пиджак», когда они подошли к стойке, чтобы, видимо, забрать вещи.

Я медленно поднял глаза. Если бы взглядом можно было убивать, от его дорогого костюма осталась бы только горстка пепла. Я плеснул алкоголь в стакан, не заботясь о точности порции. Часть жидкости выплеснулась на стойку, пачкая его безупречный манжет.

— Аккуратнее, любезный, — процедил он, брезгливо поморщившись.

Она даже не удостоила меня взглядом. Её глаза лихорадочно сканировали танцпол, пока не выцепили ту самую блондинку, и Кира тут же рванула к ней, растворяясь в толпе.

Этот её Марк остался у стойки. Он лениво потягивал виски, смакуя каждую каплю с видом человека, который только что получил всё, что хотел. Он смотрел ей вслед с такой самодовольной улыбкой, что мне стоило огромных усилий не перемахнуть через бар и не стереть этот оскал с его лица.

Я видел их в центре зала. Кира смеялась, кружилась в танце, закидывая голову назад. Она выглядела счастливой. По-настоящему живой. И это «хорошо» в её жизни было выстроено без единого моего кирпича.

Я тяжело выдохнул, чувствуя, как внутри всё окончательно выгорает, оставляя лишь горький пепел. Раз у неё теперь есть этот нахохленный препод или кто он там — человек из её мира, понимающий «минимализм» и знающий, как вести себя в приличных кабинетах, — то моей персоне в её кругу ловить нечего.

Я — Дима, парень с байком, шрамами и подпольным клу-

бом, который едва научился носить чистые рубашки. Я был для неё лишь эпизодом, коротким замыканием, о котором она, возможно, и вспоминать-то не хочет.

Я взял тряпку и начал остервенело протирать стойку там, где только что стоял Марк. Смыть его присутствие, его запах, его победу.

— Всё, Дима, — пробормотал я под нос, — работай. Это всё, что у тебя осталось официально.

Но как бы я ни убеждал себя, что мне всё равно, взгляд против воли возвращался к ней. К той, которая пол года была моим наваждением, а теперь стала чужим трофеем.

глава 14 «Шелковые цепи»

Квартира Леры встретила нас уютным полумраком и тихим лаунжем из колонок. Скинув туфли, которые к концу ночи превратились в орудия пытки, я с наслаждением вытянулась на диване.

Лера, не теряя времени, уже разливала мартини по бокалам, бросая в каждый по паре оливок.

— Ну что, муза, за твоё триумфальное возвращение в мир живых? — Лера протянула мне бокал, хитро подмигивая.

Я сделала глоток, чувствуя, как приятное тепло и сладковатый вкус вермута окончательно расслабляют тело. Сегодня я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Впервые за долгое время я не думала о налогах, эскизах или о том странном чувстве пустоты, которое преследовало меня последние пол года.

— Твой Серёга сегодня превзошел сам себя, — усмехнулась я, вспоминая, как её «Аполлон» пытался танцевать тектоник в центре круга. — Настоящий бог дискотеки.

— Ой, не говори, — Лера закатила глаза, но по её улыбке было ясно, что она в восторге. — Зато твой Марк... Слушай, Кир, он же и правда вылитый индюк! Весь такой важный, нахохленный в этом своём костюме. Как он вообще в клуб согласился пойти?

Я рассмеялась. Марк действительно выглядел комично

среди кожаных курток и неоновых ламп, но в этом было его очарование.

— Пусть индюк, зато какой галантный, — я прикрыла глаза, вспоминая час, проведенный в VIP-кабинете. — Мы не заходили за те грани, что были вчера в машине, но черт... Лер, он так целуется. В этой комнате было так тесно и жарко. Он то и дело шептал, что я его муза, что он видит во мне свою лучшую картину. От этих слов внутри всё просто плавилось. В машине всё было на грани, а в клубе — это было похоже на медленную пытку. Его руки, его запах дорогого парфюма, его уверенность.

После той странной ночи пол года назад, о которой я пыталась забыть, Марк стал для меня спасательным кругом. Он был понятным, стабильным и... восхищался мной.

— В его кабинете у мольберта я чувствую себя особенной, — добавила я, рассматривая оливку на дне бокала. — Он привносит порядок в мой хаос.

++++

Первое время его «советы» казались мне заботой. Но постепенно Марк начал меняться. Его галантность превратилась в невидимые тиски, которые сжимались всё туже с каждой нашей встречей.

Мы сидели в его мастерской. Пахло маслом и терпким кофе. Я работала над новым эскизом, когда он подошел сзади. Его ладонь легла мне на шею, властно и тяжело.

— Сотри это, — тихо произнес он, кивнув на тонкую ли-

нию, которую я только что вывела. — Слишком агрессив-
но. Моя муза должна творить что-то более возвышенное, чи-
стое.

— Но мне нравится эта динамика, Марк, — я попыталась
улыбнуться, не оборачиваясь. — Это мой стиль.

— Твой стиль — это то, что я в тебе вижу, — его голос
стал холодным. — Переделай.

Я замерла. Внутри поднялась волна протеста, но Марк на-
клонился к самому уху, обжигая дыханием.

— Ну же, Кира. Моя муза ведь самая послушная. Самая
хорошая девочка. Сделай это для меня, и вечером мы поедem
в тот ресторан, о котором ты мечтала.

Это странное сочетание приказа и ласки сбивало с толку.
С одной стороны, мне льстило, что такой мужчина так глу-
боко погружен в мою жизнь, что он буквально «лепит» ме-
ня под себя. С другой — я чувствовала себя марионеткой, у
которой медленно обрезают нити, связывающие её с реаль-
ностью.

К вечеру стало еще страннее. Мы собирались на выстав-
ку, и я выбрала свое любимое темно-зеленое платье. Марк
окинул меня коротким взглядом и поморщился.

— Слишком вызывающе. Надень то серое, закрытое. Я не
хочу, чтобы на тебя смотрели другие. Ты — только моё про-
изведение искусства, и я не намерен делиться им с толпой.

— Марк, мне неудобно в сером, оно колючее...

— Кира, — он перебил меня, подходя вплотную и беря

за подбородок так крепко, что стало больно. — Ты ведь хочешь быть только со мной? Ты ведь понимаешь, что никто не оценит тебя так, как я? Иди и переоденься.

Я смотрела в его пустые, лишенные тепла глаза и видела в них не влюбленного мужчину, а коллекционера, который заполучил редкую игрушку и теперь проверяет её на исправность. Я подчинилась. Снова. В машине он вел себя так, будто ничего не произошло — гладил мою руку, называл своей драгоценностью и шептал, как сильно он меня желает.

А я сидела в этом колючем сером платье, смотрела в окно на мелькающие огни города.

++++

— Марк, ты сумасшедший! — я буквально чуть не запрыгнула на него, когда он вложил в мои руки конверт с брошью на горнолыжный курорт.

Новогодние каникулы в горах! Снег, искрящийся под солнцем, уютные шале, глинтвейн и скорость. Я была в абсолютном восторге. В этот момент все его странности, приказы и «серое платье» вылетели у меня из головы. Марк умел делать красивые жесты, и сейчас он выглядел как настоящий сказочный принц.

— Ну-ну, тише, моя радость, — он рассмеялся, прижимая меня к себе и собственнически похлопывая по бедрам. — Я же обещал, что этот Новый год ты не забудешь. Мы едем вчетвером: я, ты, Лера и Серега...

Пока мы ехали ко мне на квартиру, я не могла оторваться

от него. Я целовала его в колючую щеку, обнимала за плечи, пока он уверенно вел машину. В предвкушении поездки я чувствовала себя маленькой девочкой, которой наконец-то подарили ту самую куклу.

Мне казалось, что там, среди заснеженных вершин, мы сможем перезагрузиться, и этот его контроль сменится просто на сильное мужское плечо.

Как только мы переступили порог моего дома, я тут же схватила телефон. Пальцы едва попадали по буквам от возбуждения.

Я: «Лерка!!! Срочно к ко мне с Серёгой! Марк устроил сюрприз — мы едем в горы! Собираем военный совет: обсуждаем план, экипировку и сколько бутылок мартини влезет в чемодан. Жду!»

— Ого! Ничего себе! — тут же перезвонила Лерка, и её визг в трубке был таким ультразвуковым, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха.

— В горы? Сноуборд? Кирка, я всегда мечтала об этом!

На заднем фоне послышался низкий голос Серёги. Он что-то нежно зашептал ей на ухо в стиле «всегда пожалуйста, моё счастье», и связь внезапно оборвалась. Я невольно улыбнулась, прекрасно зная, что за этим последует: сейчас Лерка будет выражать свою благодарность на мягком матрасе, и им явно будет не до обсуждения списков вещей в ближайший час.

Марк тем временем уже вовсю хозяйничал на моей кух-

не. В квартире царил непривычный, почти стерильный порядок. По его просьбе мне пришлось выкроить время, отодвинув учебу и эскизы, чтобы навести здесь идеальную чистоту. Странно, но мой творческий хаос, который раньше казался мне естественным, под его давлением потихоньку утихал.

И, честно говоря, мне это даже начинало нравиться — когда на глазах не лежит ничего лишнего, в голове тоже становилось яснее.

— Чем займемся сегодня вечером? — спросила я, уютно устраиваясь на стуле.

Марк поставил передо мной чашку ромашкового чая. Его движения были выверенными, спокойными.

— У меня возникли дела, — отозвался он, даже не глядя на меня, пока вытирал руки полотенцем. — Поэтому мне придется тебя оставить, как бы сильно я ни хотел провести это время вместе. Но ты не скучай, можешь провести вечер с подружкой.

Я сделала глоток чая. Ромашка. Успокаивающее. Он часто заваривал мне именно его, словно считал, что я слишком взвинчена.

— Дела? В такой вечер? — я постаралась, чтобы в голосе не прозвучало разочарование.

— Бизнес не ждет каникул, Кира, — он подошел и коротко поцеловал меня в макушку. — Будь умницей. Не засиживайся допоздна. Я проверю, как ты отдохнула, когда вернусь.

Он ушел, и в квартире стало оглушительно тихо. Порядок,

который он навел, вдруг показался мне холодным и чужим. Я посмотрела на телефон. Лерка, скорее всего, была занята Серёгой. Идти к ним было глупо.

Внутри заворчалось странное чувство — смесь свободы и неприкаянности.

глава 15 «Выше облаков, ближе к сердцу»

Снежинки размером с добрую ладонь лениво опускались на лобовое стекло, когда Марк припарковал машину у входа. Я вышла из салона, и морозный воздух тут же уколол щеки. Красота была просто нереальная: отель выглядел как сошедшая с открытки альпийская сказка — темное дерево, панорамные окна и горы, которые, казалось, подпирали само небо.

— Кира, смотри! Мы реально в Нарнии! — Лера выскочила из второй машины и тут же попыталась зачерпнуть ладонями свежий сугроб, но Серега вовремя перехватил её за талию.

— Сначала заселение, мелкая, а потом уже снеговики, — рассмеялся он, пожимая Марку руку.

Мы направились к главному входу. Марк собственническим жестом приобнял меня за плечи, и я невольно прижалась к его куртке, чувствуя исходящее от него спокойное тепло. Было что-то особенное в том, чтобы видеть своего строгого куратора здесь, в спортивной куртке и с растрепанными от ветра волосами. Мой серьезный Марк в этой обстановке казался просто моим любимым парнем.

— Как тебе вид? — тихо спросил он, пока мы шли по хру-

стящему снегу.

— Если внутри так же круто, как снаружи, я остаюсь тут жить, — улыбнулась я. В холле пахло сосной и корицей.

Мы быстро получили ключи и разбрелись по комнатам, договорившись встретиться через пятнадцать минут. Наш номер оказался на верхнем этаже: огромная кровать, меховые пледы и балкон, с которого открывался вид на освещенную трассу.

— Чур, моя сторона у окна! — заявила я, бросая сумку на пуфик.

— Я и не спорю, — Марк подошел сзади, обнимая меня за талию и утыкаясь подбородком в плечо. — Главное, чтобы ты не замерзла.

Спустя полчаса мы уже все вместе вышли на разведку. Территория курорта была огромной. Мы медленно брели по расчищенным дорожкам, мимо катка и уютных домиков-шалаше.

Лера и Серега впереди о чем-то громко спорили, постоянно переходя на смех — Серега пытался доказать, что научит Леру кататься спиной вперед, а та в ответ угрожала, что просто столкнет его в первый же пухляк.

— Так, команда, внимание! — Серега остановился у карты склонов и обернулся к нам. — План такой: сейчас идем до того кафе с глинтвейном, смотрим, где прокат, а завтра в девять утра — чтобы все стояли на лыжах.

— В девять? — я притворно ужаснулась. — Марк, скажи

ему, что это насилие над студентами.

— Кира, здесь я не куратор, — Марк хитро прищурился и поправил мой шарф. — Здесь я твой личный тренер. Так что в девять ноль-ноль — полная боевая готовность.

Мы смеялись, вдыхая ледяной воздух и строя грандиозные планы. Впереди были горы, скорость и целые выходные, где не было места зачетам и лекциям — только мы, снег и это бесконечное чувство свободы.

На курорте Марк изменился до неузнаваемости, и это было моим самым приятным открытием. Куда-то исчез строгий куратор с его вечным занудным минимализмом и правилами. Здесь не осталось места ни для его железного порядка, ни для моего дерзкого хаоса — остались только мы, настоящие и свободные.

Он вдруг превратился в простого парня, который умеет дурачиться, искренне хохотать над глупыми шутками и наслаждаться моментом.

Я начала ловить себя на мысли, что почти забыла, каким дотошным и требовательным он бывает в университете.

В этой снежной сказке Марк позволял мне абсолютно всё: я сама решала, что надену, куда мы пойдем и даже какую книгу он будет читать мне перед сном.

Наша первая ночь прошла удивительно уютно. Мы долго обнимались и целовались, согреваясь после морозной прогулки, пока усталость от долгой дороги и горных склонов окончательно не сморила нас. Мы просто «отрубались» в

объятиях друг друга, чувствуя себя самыми счастливыми людьми на этом курорте.

++++

Утро встретило нас ослепительным солнцем, пробивавшимся сквозь плотные шторы. Я приоткрыла глаза и наткнулась взглядом на Марка — он уже проснулся и просто наблюдал за мной, подперев голову рукой. В его взгляде не было и тени той «профессорской» холодности, к которой я привыкла в университете.

— Проснулась, соня? — он лениво улыбнулся и притянул меня к себе. — Знаешь, я тут подумал... Девять утра уже прошло. Серега, наверное, уже копытом бьет у входа, но если ты хочешь еще поваляться — я официально разрешаю нам прогулять «первую пару» на склоне.

Я рассмеялась, уткнувшись ему в грудь. Это было так странно и так правильно. В городе Марк всегда жил по расписанию: его рабочее место — образец минимализма, его требования ко мне — железобетонные. А здесь он будто выдохнул.

Вчера вечером он даже не ворчал, когда я разбросала свои вещи по всему номеру, а просто смеялся над моими историями и позволил мне самой выбрать музыку для нашего вечера, хотя обычно критиковал мой плейлист.

— Поверить не могу, что мой строгий куратор предлагает прогул, — подколола я его, перебирая пальцами его волосы.

— Твой куратор остался в трёхстах километрах отсюда,

в душном кабинете, — он поцеловал меня в кончик носа. — А здесь есть только я. И я готов выполнять любые твои капризы, пока мы не вернемся обратно.

Мы наконец заставили себя встать. Пока я выбирала, какой горнолыжный костюм надеть — яркий розовый или классический черный, — Марк даже не пытался советовать что-то «практичное». Он просто сидел в кресле с книгой, которую я выбрала для него вчера (и которую он, к моему удивлению, начал читать с интересом), и одобрительно кивал на каждый мой вариант.

Когда мы спустились вниз, Лера и Серега уже вовсю дегустировали кофе в лобби.

— О, явились! — воскликнула Лера, сияя от предвкушения. — Мы уже думали, Марк там тебя к экзаменам готовит вместо катания.

— Скорее, это она меня переучивает, — Марк подмигнул мне и приобнял за талию.

— Ладно, команда, идем за снаряжением. Сегодня я планирую увидеть, как Кира покоряет этот склон... или как она красиво падает в сугроб.

Мы вышли на улицу, и я поймала себя на мысли, что мне совсем не хочется возвращаться в реальность. Здесь, среди снегов, Марк стал обычным мужчиной — теплым, веселым и бесконечно моим. Без масок, без статусов, без лишних правил.

+++++

Снежная пыль еще не осела, а я уже летела вниз по поло-
мому склону, чувствуя, как адреналин щекочет нервы.

Сноуборд слушался меня беспрекословно. Краем глаза я
видела, как в стороне Серёга, набравшись терпения, в деся-
тый раз объяснял Лерке, как правильно «ловить кант», по-
ка она смешно размахивала руками, пытаясь удержать рав-
новесие.

Марк же, как истинный эстет, шел на лыжах параллельно
мне. Его движения были выверенными и техничными.

— Кира, сбавь скорость! Контролируй дугу! — доноси-
лось до меня сквозь свист ветра.

Я лишь обернулась через плечо, задорно маша ему рукой
и заливаясь звонким смехом. В этот момент он выглядел та-
ким серьезным в своей попытке меня опекать, что это только
раззадоривало.

Я на секунду засмотрелась на то, как красиво Марк ла-
вирует между буграми, закладывая крутой вираж, и это ста-
ло моей ошибкой. Резкий удар в бок выбил из легких весь
воздух. Мир перевернулся: небо, снег и чьи-то черные коле-
ни смешались в одну карусель. Я рухнула в сугроб, и сверху
на меня навалилось что-то тяжелое и жесткое. Снаряжение
лязгнуло, сноуборды переплелись. Когда вращение прекра-
тилось, я обнаружила, что прижата к снегу парнем, одетым
во всё черное. Его зеркальные очки — точь-в-точь как мои
— отражали моё ошарашенное лицо. Мы лежали так, тяжело
и хрипло дыша, почти нос к носу. От него пахло морозным

воздухом и словно чем то знакомым. Секундная пауза затянулась, превращаясь в неловкое оцепенение. Я видела своё отражение в его маске и не могла пошевелиться, оглушенная внезапным столкновением.

— Кира! — донесся издалека встревоженный голос Марка, который уже разворачивал лыжи в нашу сторону.

— Прости! — парень выдохнул это прямо мне в лицо, не спеша отстраняться. — Там в тени яма образовалась, из-за солнца и белизны её вообще не видно было, заметил в последний момент.

Я моргнула, пытаюсь прийти в себя. Сердце всё ещё бешено колотилось — то ли от падения, то ли от неожиданной близости.

— Всё хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как снег забился под воротник. — Я жива, честно.

Он аккуратно поднялся, отстегнул одну ногу от сноуборда и протянул мне руку. Его движения были уверенными и какими-то... привычными?

Он помог мне встать и, к моему удивлению, не просто отошел, а начал заботливо отряхивать меня от снега, будто мы были сто лет знакомы.

— Больше не катайся по этой стороне, — он коротко улыбнулся (я видела, как дрогнули уголки его губ) и, лихо развернув доску, умчался вниз по склону.

В ту же секунду рядом с фонтаном снежной пыли затормозил Марк.

— Кира! Ты цела? — он тут же схватил меня за плечи, бегло осматривая на наличие травм. — Сумасшедший какой-то... Куда он смотрел? Нога не болит? Спина? Марк что-то продолжал ворчать, его голос звучал встревоженно и даже немного раздраженно — классический «кураторский» тон вернулся на мгновение.

Но я его почти не слышала. Мой взгляд был прикован к удаляющейся черной фигуре. Этот голос... низкий, с легкой вибрацией, он отозвался где-то глубоко внутри странным узнаванием. Где я могла его слышать? В университете? Или в прошлой жизни?

— Кира! Ты меня слышишь? — Марк замахал рукой прямо перед моим лицом, прерывая мои мысли.

— А? Что? — я встряхнула головой, возвращаясь в реальность. — Да, всё нормально. Он просто предупредил... там яма.

Я наконец посмотрела на Марка, который выглядел по-настоящему напуганным.

— Он сказал, там опасно. Нужно предупредить ребят, чтобы Лера туда не влетела, — добавила я, стараясь придать голосу уверенности. — И техников надо найти, пусть оградят участок лентой. Марк кивнул, всё еще подозрительно косясь в сторону уехавшего парня, а я чувствовала, как внутри поселилось странное беспокойство.

Мы перебрались на склон повыше, где трасса становилась круче, а ветер — злее. Марк теперь не отходил от меня ни

на шаг, превратившись в мою тень. После того «приземления» его расслабленность как ветром сдуло: он лавировал чуть сзади, контролируя каждое моё движение, словно я была не его девушкой на отдыхе, а первокурсницей на опасном экзамене.

Но, вопреки здравому смыслу, я была сосредоточена совсем не на спуске. Моё внимание, словно магнит, тянулось к каждой черной куртке, мелькавшей в толпе лыжников. Бокковым зрением я сканировала склон, надеясь снова увидеть тот уверенный силуэт на сноуборде.

«Где же я его слышала?» — этот вопрос крутился в голове в такт движениям доски.

Голос был слишком характерным, с вибрирующей ноткой, которую не спутаешь с тысячей других. Если он не поздоровался, значит, мы не знакомы? Или он, как и я, просто не узнал меня под экипировкой? А может, он сделал вид, что мы чужие?

Любопытство жгло изнутри сильнее, чем мороз кожу. Мне до безумия хотелось застать его в момент, когда он остановится у подножия, небрежно стянет маску и подставит лицо солнцу. Просто один взгляд, чтобы сопоставить картинку и этот навязчивый голос.

— Кира, левее! Там лед! — выкрикнул Марк, подрезая меня и заставляя сосредоточиться на трассе.

Я послушно вильнула, но внутри всё равно продолжала играть в «сыщика».

— Ты какая-то рассеянная, — заметил Марк, когда мы притормозили у развилки. Он поправил мне воротник, внимательно заглядывая в глаза.

— Точно всё в порядке? Голова не кружится после падения?

— Всё отлично, честно, — я выдавила улыбку, стараясь скрыть свое наваждение. — Просто дух захватывает от высоты.

Мы поехали дальше, и тут, внизу, у входа в небольшое панорамное кафе, я заметила знакомую черную фигуру. Парень стоял спиной к нам и как раз тянулся к креплениям шлема. Сердце пропустило удар.

«Сейчас», — пронеслось в голове.

Я замерла, почти перестав дышать. Вот он, тот самый момент! Парень уже начал расстегивать крепления, и я приготовилась увидеть его лицо, но тут, как назло, к нему подлетела какая-то блондинка в вызывающе белом костюме.

Она что-то капризно зашебетала, указывая на свою каску, и он, мягко усмехнувшись, переключил всё внимание на неё.

Его пальцы ловко возились с её ремешком, а я чувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

Да что ж такое! Почему всегда, когда разгадка уже под носом, находится кто-то, кто портит весь момент?

— Приехали, — скомандовал Марк, прерывая мою слежку. — Сдаем снаряжение и идем греться. Ты совсем замерзла, вон нос какой красный. Мы отстегнулись и побрели к

стойкам проката. Марк шел чуть впереди, неся и мои, и свои вещи. Когда мы проходили мимо того самого парня и его спутницы, Марк, то ли случайно, то ли намеренно — в его «защитном» режиме я уже ни в чем не была уверена — довольно ощутимо задел незнакомца плечом. Я затаила дыхание, ожидая столкновения или хотя бы резкого слова, но парень даже не обернулся. Он лишь слегка качнулся от толчка, продолжая улыбаться девушке.

— Ой, спасибо огромное! Ты мой спаситель! — донесся до меня звонкий голос блондинки. Она быстро чмокнула его в щеку и, бросив на ходу «увидимся в лобби!», упорхнула в сторону отеля, даже не заходя в кафе.

Парень остался стоять один, спиной к нам, и медленно потянулся за своей доской. Мы с Марком уже входили в стеклянные двери кафе, и я, буквально выворачивая шею, в последний раз оглянулась.

Он обернулся в мою сторону ровно на долю секунды. Солнце ярко бликовало на его зеркальных очках, превращая их в два непроницаемых диска, так что я снова увидела лишь собственное озадаченное отражение.

Парень едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся мне — то ли узнал, то ли просто почуял мой пристальный взгляд — и, небрежно закинув сноуборд на плечо, зашагал в сторону проката.

Его лицо так и осталось для меня загадкой, скрытой за пластиком и тенью капюшона.

— Кира, ты заходишь или решила тут превратиться в ледяную скульптуру? — иронично окликнул меня Марк, придерживая дверь кафе.

Я встряхнула головой, прогоняя наваждение, и вошла внутрь.

В помещении было шумно и тепло: пахло выпечкой, хвоей и горячим шоколадом. Лера и Серёга уже заняли угловой столик у панорамного окна. Вид у них был такой, будто они только что вернулись с поля боя, причем Лера явно побеждала по очкам.

— Нет, вы это видели?! — воскликнула Лера, как только мы подсели к ним. — Я лечу, ветер в ушах, искры из глаз, и тут дерево! Оно же только что было левее!

— Лера, это дерево стоит там последние лет тридцать, — простонал Серёга, картинно вытирая лоб. — Марк, спасай. Я за этот час пробежал по склону больше, чем за всю жизнь. Она падает — я поднимаю. Она катится не туда — я ловлю. Я теперь официально не парень, а профессиональный тягач-эвакуатор.

Мы с Марком дружно расхохотались. Марк приобнял меня за плечи, окончательно расслабившись.

— Зато у Лерки отличная техника приземления в сугроб, — подмигнул он другу. — Главное — эффектно.

Весь оставшийся вечер мы провели в этой легкой, шумной болтовне. Мы смеялись над рассказами Серёги о том, как он пытался тормозить собой, чтобы Лера не улетела в

ограждение, и строили планы на завтрашний день. Марк был удивительно веселым: он травил байки, подкалывал Серегу и ни разу не вспомнил про учебу или свои строгие графики.

++++

Второй и заключительный день на курорте начался с ослепительного солнца, которое, казалось, решило растопить остатки моей выдержки.

Мы снова были на склонах. Лерка, к всеобщему удивлению, наконец «поймала волну» и уже вполне уверенно обуздывала гору. Серёга, облегченно выдохнув, оставил её на моё попечение и умчался на черную трассу — доказывать горам, кто здесь главный.

Мы с Леркой медленно скользили по пологому участку, и наш разговор плавно перетек от техники катания к классической девичьей чепухе: от того, как мы будем выживать на защите дипломов, до туманного будущего.

— Слушай, Кир, — Лерка картинно закатила глаза, поправляя выбившуюся прядь, — я до сих пор в шоке от твоего Марка. Он из заносчивого индюка превратился в прекрасного лебедя за эти сорок восемь часов. Seriously, в академии он меня порой просто пугал. Этот его напор, взгляд сканера. Я думала, он робот.

Я усмехнулась, провожая взглядом Марка, который закладывал идеальную дугу чуть ниже нас, ни на секунду не теряя меня из виду.

— Он просто серьезно относится к работе, — попыталась

я защитить его, но Лера перебила меня.

— Ой, да ладно! Он словно одержим тобой, никого на пушечный выстрел не подпускает. Я только сейчас поняла: парень просто с ума сходит от ревности. Ты же видишь, как Андрей его постоянно подначивает в коридорах своими подкатами к тебе? Вот Марк и бесится, выстраивая вокруг тебя невидимую стену. Но тут, в горах, он наконец-то расслабился и стал... ну, нормальным мужчиной.

Слова Леры заставили меня задуматься. Одержим? Может быть. Но эта его «одержимость» сейчас грела меня сильнее, чем термобелье.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая вершины в розовое золото, мы вернулись в отель. Тело приятно ныло, а кожа горела от морозного ожога. Марк зашел в наш номер, закрыв дверь на защелку, и этот звук отозвался во мне внезапной дрожью. Его «кураторская» маска осталась где-то на заснеженных трассах.

Он подошел ко мне со спины, когда я стояла у панорамного окна, и обхватил мои плечи. Его ладони были горячими, почти обжигающими.

Он развернул меня к себе. В его глазах полыхало пламя, которое он так успешно подавлял в стенах академии.

Марк подхватил меня под бедра, усаживая на широкий подоконник. Его поцелуи были требовательными, жадными, лишенными всякого минимализма. Он изучал моё тело так же дотошно, как раньше мои курсовые, но теперь его инте-

ресовали совсем другие «ошибки». Мой дерзкий хаос встретился с его сдерживаемой страстью, и эта ночь обещала стать самым ярким финалом нашего короткого побега.

Мы забыли про ужин, про друзей в соседнем номере и про то, что завтра нам снова придется играть в «преподавателя и студентку». В полумраке комнаты, под тихий треск камина, мы растворялись друг в друге, доказывая, что настоящая свобода — это не горы, а возможность принадлежать тому, кто от тебя без ума.

Марк словно сорвался с цепей, которые сам же на себя надел в городе. Как только последняя деталь одежды коснулась пола, комната наполнилась тяжелым, сбитым дыханием.

Его руки, всегда такие сдержанные и аккуратные, теперь действовали с властью. Он жадно опустил меня на колени прямо на мягкий ковер перед панорамным окном. Его пальцы грубо зарылись в мои волосы, сжимая их у самых корней, заставляя меня запрокинуть голову. Когда он с силой вжился в мой рот, я слышала его утробное, почти звериное рычание.— Моя... — хрипел он, срываясь на шепот. — Ты моя муза, Кира. Моя долгожданная, сводящая с ума муза.

В этом не было нежности — только одержимость. Он резко поднял меня, разворачивая спиной, и прижал к жесткому подлокотнику кожаного кресла. Холод кожи кресла контрастировал с его обжигающим телом. Марк входил сзади мощно и глубоко, вбивая меня в этот подлокотник, не оставляя пространства для вдоха.

Его хватка на моих бедрах была такой сильной, что я знала — завтра там останутся темные следы его пальцев. Это была грань между болью и запредельным удовольствием, где контроль Марка превращался в абсолютную доминацию. Иногда его напор становился настолько неистовым, что я едва сдерживала стон, готовый перейти в крик. Казалось, он хочет выжечь свое имя на моей подкорке, заставить забыть всё, кроме его ритма.

Когда я пыталась чуть ослабить его хватку, он на мгновение замирал, давая мне секунду передышки, лишь для того, чтобы в следующий миг обрушиться на меня с новой, еще более дикой энергией. Этот круговорот страсти и грубости затягивал нас, стирая границы времени.

Ближе к ночи, когда мои ноги начали подкашиваться и сил стоять больше не осталось, он подхватил меня и буквально швырнул на кровать. Нависнув сверху всей своей мощью, Марк смотрел мне в глаза с пугающей прямоотой — в этом взгляде был весь его контроль и вся его жажда обладания. Он продолжал входить в меня снова и снова, заставляя выгибаться навстречу, пока его собственное тело не содрогнулось в финальной вспышке, а тяжелые капли пота не оросили мою кожу.

Мы лежали в темноте, тяжело дыша, и в этой тишине я понимала: тот Марк, который завтра снова наденет строгий костюм в академии, теперь навсегда связан со мной этой запретной, темной стороной своей души.

Дима

Весь этот мир боев, потных раздевалок и глухих ударов в челюсть начал меня душить. Клуб стал похож на клетку, из которой я вырвался сюда, в горы, чтобы просто перестать слышать звон в ушах.

Я здесь неделю, и схема была идеальной: утренний склон, обжигающий кофе, сон и редкие звонки пацанам по поводу нового подпольного зала. Всё чётко, всё по плану.

Проблема была только одна — в голове. Стоило любой девчонке в баре начать строить мне глазки, как внутри что-то щелкало. Вместо улыбки передо мной всплывало лицо Киры. Какой-то тупой сбой в системе, будто мне пробили голову сильнее обычного, и там всё застряло — ни вперед, ни назад. Наваждение, которое не вытравить ни алкоголем, ни скоростью.

Сегодня склон был жестким. Я летел вниз, пытаюсь выжать из лыж максимум, пока прямо перед носом не разверзлась гребаная яма. Вариантов не было — я резко вильнул в сторону и влетел в неё. Она даже не смотрела на трассу, вся в своем розовом мире, любуясь своим парнем, который маячил впереди.

Мы кувыркались по снегу метров сто, пока я не придавил её своим весом, пытаюсь затормозить этот безумный полет.

— Эй, ты как? Живая?! — выдохнул я, пытаюсь стряхнуть снег с визора.

— Нормально, — ее голос прорезал морозный воздух, и меня будто током ударило.

Этот голос.

Я узнаю его из тысячи, даже если на ней будет скафандр. Кира.

Сердце, которое я пытался заморозить всю неделю, пропустило мощный хук справа. Она смотрела на меня сквозь маску, поправляла экипировку, но в её глазах не было ни капли узнавания. Мой шлем и броня скрыли меня надежней любого алиби. И, черт возьми, как же это было обидно.

В нескольких метрах от нас затормозил «он». Тот самый, ради которого она сейчас здесь, а не со мной. Идеальный, правильный, заботливый.

«Сваливай, Дима. Уходи, пока можешь», — орало подсознание. Нужно было просто встать, буркнуть извинения и исчезнуть в тумане склона, чтобы не беречь старую рану. Но было поздно. Рана не просто ныла — она уже начала кровоточить, заливая всё внутри горькой правдой: я никуда от неё не убежал.

Я молча поднялся, чувствуя, как внутри закипает та самая ярость, которую я так старательно прятал в клубе. Она смотрела на меня, как на обычного туриста-неудачника.

— Прости, — хрипло бросил я, намеренно меняя интонацию.

Пора уходить. Пока я не сделал что-то, о чем пожалею.

++++

Стрелки часов в холле отеля неутомимо отсчитывали последние минуты нашего пребывания. Срок аренды истек, и вежливые, но холодные улыбки администраторов становились всё более настойчивыми — нам здесь были больше не рады.

А Марк Марк просто исчез. Экран моего телефона остался темным и мертвым, ни одного сообщения, ни одного пропущенного.

Тихая паника внутри начала сменяться глухим раздражением. Не в силах больше выносить сочувственные взгляды персонала, я стиснула зубы и сама вцепилась в наши тяжеленные баулы. Вес сумок был почти неподъемным, лямка рюкзака с остервенением впилась в плечо, заставляя мышцы ныть от напряжения.

«Где тебя черти носят, когда ты так нужен?» — зло прошипела я про себя, вытаскивая багаж на крыльцо.

Лера и Серега уже ждали в своем внедорожнике. Из выхлопной трубы валил густой пар — они прогревали мотор, готовые к долгому пути домой. Я же осталась стоять на пронизывающем ветру у запертого автомобиля Марка.

Холод быстро пробрался под одежду, обволакивая кожу ледяными тисками. Вокруг сгущались сумерки. Величественные горы, которые еще утром казались сказочными, теперь превратились в зловещие черные зубья, впивающиеся в свинцовое небо. Тяжелая серая хмарь опустилась на перевал, скрывая последние крупницы света.

Дверь соседней машины хлопнула — Серега, не в силах больше смотреть на мои мучения, решительно направился ко мне. Без лишних слов он вырвал сумки из моих онемевших пальцев.

— Давай, Кира, хватит из себя героиню строить, — проворчал он, закидывая мой багаж в свой багажник. — Живо в салон, пока окончательно не превратилась в ледышку.

Он практически силой открыл заднюю дверь и подтолкнул меня внутрь. В машине пахло кофе и теплом, но на душе у меня было так же беспросветно и холодно, как в тех тенях, что заполнили ущелье.

Час тянулся мучительно долго, превращаясь в бесконечную пытку ожиданием. Я прижалась лбом к холодному стеклу, не отрывая взгляда от автоматических дверей отеля. Каждый раз, когда они разъезжались, сердце испуганно ёкало, но внутри раз за разом оказывались чужие люди. Ледяной ком обиды, смешанной с нарастающей тревогой, разрастался в груди, мешая дышать.

Наконец, знакомая фигура буквально вылетела на крыльцо. Я вздрогнула: Марк был без куртки, в одном свитере, несмотря на кусачий мороз. Его волосы были взлохмачены, словно он только что выбрался из потасовки, а движения казались рваными и нервными. Он не шел — он почти бежал к машине.

Лихорадочно постучав в окно со стороны водителя, он дождался, пока Серёга опустит стекло, и заговорил — быстро,

захлебываясь словами, едва переводя дух:

— Серёж, план меняется. Вези их в город. Я остаюсь здесь до завтра.

— Ты с ума сошел? — Серёга опешил, его руки крепче сжали руль. — Марк, мы договаривались идти колонной. На перевале уже темень, туман ложится. Что за бред?

— Я встретил знакомого, — выпалил Марк, и я заметила, как судорожно сжались его кулаки. Он стоял так близко, что я могла бы коснуться его плеча, протянув руку, но он ни разу не повернул головы в мою сторону. Словно меня — его женщины, с которой он делил постель и планы на будущее — здесь просто не существовало.

— Мы вместе учились в Европе, — продолжал он, глядя куда-то сквозь Серёгу. — Это дело всей жизни, понимаешь? Нам нужно обсудить пару критических деталей, завтра он уже улетает в Штаты. Другого шанса не будет. Всё, не спорь, просто езжайте!

Марк развернулся и почти бегом бросился обратно к дверям отеля, словно за ним гнались все демоны преисподней. Он скрылся за стеклянным фасадом так стремительно, что я не успела даже выдохнуть его имя.

Он не подошел.

Не коснулся моей руки, не заглянул в глаза в поисках прощения, не подарил даже мимолетного, сухого поцелуя на прощание. Никаких «извини» или «я скоро буду».

Воздух в салоне внезапно стал слишком плотным, давя-

щим. В этот момент я физически ощутила, как меня, словно надоевшую вещь, просто оставили на обочине, передав из рук в руки за ненадобностью. Чужая машина, чужое тепло, и я — лишний груз в чужом маршруте.

— Кир ты в порядке? — голос Леры прозвучал откуда-то издалека. Она обернувшись, осторожно, почти невесомо накрыла мою ладонь своей, но я не шелохнулась. Я продолжала смотреть в ту точку на пустой, залитой холодным светом парковке, где только что стоял человек, которого я начала считать своим миром.

глава 16 «Вдребезги»

Всю дорогу до города в салоне висела тяжелая, почти осязаемая тишина, которую нарушало только прерывистое ворчание Серёги. Он вцепился в руль так, что побелели костяшки, и постоянно бубнил что-то себе под нос. Я сидела, откинув голову на сиденье, и из обрывков его фраз до меня долетало лишь: «...опять то же самое», «вечно он всё портит» и «он сам себе этого не простит».

Мне было плевать. Внутри всё выгорело дотла, оставив лишь пепел и глухую, ноющую пустоту. Я не стала лезть в его излияния — мне самой было настолько паршиво, что любое лишнее слово казалось острым осколком стекла в горле.

Дом встретил меня тишиной и запахом застоявшегося воздуха. Было уже глубокое, серое предрассветное утро, когда за Серёгой закрылась дверь. Только тогда, оказавшись в безопасности четырех стен, я позволила себе сломаться. Слезы хлынули сами собой — злые, горячие, обжигающие щеки.

Обида душила. Как можно было вот так просто оставить меня? Уйти, даже не обернувшись, не бросив короткого «пока», не коснувшись губами лба? Что это за дела такие, «вопросы жизни и смерти», которые важнее элементарного уважения? И что это за «друг», из-за которого он вылетает из отеля как ошпаренный, забыв, что у него вообще-то есть де-

вушка?

— Козёл... — прошипела я в пустоту темной прихожей, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

Я вспомнила его дерганный взгляд и то, как он избегал моих глаз. Страх? Ложь? Сейчас мне было всё равно. Гнев начал медленно вытеснять боль, заполняя вены ледяной решимостью.

— Ну погоди у меня, Марк... — я со злостью скинула куртку прямо на пол. — Я тебе устрою «сладкую» жизнь в академии. Ты еще пожалеешь, что не нашел пяти секунд, чтобы просто подойти ко мне.

++++

Первый экзамен после праздников всегда был испытанием, но сегодня я превратила его в акт возмездия. Я знала, как сильно Марк дорожит своим статусом и как его бесит любой намек на нарушение дресс-кода.

«Ты должна выглядеть элегантно, Кира», — поучал он меня раньше. Что ж, сегодня я буду выглядеть как его худший кошмар.

Я стояла перед дверью аудитории, поправляя ярко-красное платье, которое облегалo фигуру как вторая кожа. Глубокое декольте и неприлично короткий подол кричали о вызове. На голове — каскад дерзких, упругих кудрей, а на лице — макияж, который балансировал на грани дозволенного: густые черные стрелки и кроваво-алая помада.

Дождавшись, когда звонок смолкнет, и в коридоре воца-

рится тишина, я выждала еще пять минут. Это было финальным штрихом. Распахнув дверь, я вошла в аудиторию. Каблуки сапог отбивали по паркету уверенный, властный ритм. Десятки голов повернулись в мою сторону, но я смотрела только на него. Марк сидел за преподавательским столом, проверяя списки, и когда он поднял голову, я почти физически ощутила, как по аудитории пробежал электрический разряд.

Я прошла мимо него, обдав облаком своего самого дорогого парфюма. Ни взгляда, ни кивка. Я просто гордо прошествовала к своей парте, ловя на себе его ошеломленный, темнеющий от ярости взгляд.

Марк замер, и ручка в его пальцах с хрустом переломилась пополам. Я видела, как на его шее вздулась вена, а желваки на лице заходили ходуном. Он всегда гордился своей выдержкой, но сейчас его хваленое самообладание трещало по швам. Его взгляд, тяжелый и обжигающий, буквально впился в мою спину, когда я по-хозяйски расположилась на своем месте, закинув ногу на ногу так, что подол платья задрался еще выше.

— Ардова, — его голос прозвучал низко, с хриплыми нотками, которые он безуспешно пытался скрыть за официальным тоном. — Вы опоздали. И ваш внешний вид он едва ли соответствует правилам нашего заведения.

Он медленно поднялся, опираясь ладонями о стол. В аудитории стало так тихо, что было слышно, как падает снег за

окном. Студенты затаили дыхание, переводя взгляд с разъяренного Марка на меня, сидящую с видом королевы.

— Правила созданы для тех, кому нечего заявить миру, Марк Владимирович, — я ослепительно улыбнулась, медленно облизнув накрашенные губы, заметив, как его зрачки расширились до предела. — А я здесь, чтобы сдать экзамен.

Аудитория погрузилась в томительную, напряженную тишину, нарушаемую лишь шуршанием графита по бумаге и мерным тиканьем настенных часов. Задание было сложным: построение сложной анатомической фигуры, требующее предельной концентрации.

Но концентрация — это последнее, о чем я думала в тот момент. Марк, облаченный в безупречно отутюженную белую рубашку с закатанными по локоть рукавами, медленно мерил шагами пространство между рядами. Каждый раз, когда он проходил мимо моей парты, я кожей чувствовала исходящий от него жар и аромат парфюма, смешанный с запахом типографской краски. Он не смотрел на меня, но я знала — он видит каждое мое движение.

— Андрей, — шепнула я, слегка подавшись вперед и коснувшись плечом соседа по парте, который по какой-то причине поменялся с Костиком. Мои кудри скользнули по его руке, и парень заметно вздрогнул. — Выручай. Я, кажется, в этом безумном красном угаре забыла дома даже ластик.

Андрей, который и без того весь час бросал на меня возмущенные взгляды, расплылся в улыбке. Для него это было

не просто просьбой — это был шанс прикоснуться к запретному плоду.

— Конечно, Кир. Бери, сколько нужно, — он протянул мне стиралку, задержав пальцы на моей ладони чуть дольше.

Я специально громко рассмеялась, игриво поправив вырез платья, и принялась с преувеличенным усердием стирать лишнюю линию на наброске. Через десять минут сцена повторилась. Потом еще раз. Андрей уже откровенно забросил свой рисунок, любуясь тем, как я склоняюсь над столом, демонстрируя изгибы спины.

Краем глаза я видела, как Марк замер в конце аудитории. Его пальцы, сжимавшие планшет для оценок, побелели. Он выглядел как хищник, наблюдающий за тем, как на его территорию забрел наглый щенок.

Когда я в четвертый раз потянулась к Андрею, приглушенно воркуя слова благодарности, терпение Марка лопнуло. Его шаги по аудитории прозвучали как раскаты грома. Он вырос надо мной внезапно, заслонив собой свет ламп. Я даже не успела поднять голову, как воздух содрогнулся от резкого удара.

— Пользуйтесь своим, Кира! — прорычал он.

С оглушительным грохотом он опустил на мою парту собственный ластик — увесистый, профессиональный, еще теплый от его ладони. Удар был такой силы, что карандаши на моем столе подпрыгнули, а Андрей испуганно вжался в стул.

Марк навис над столом, упираясь руками в столешницу

и практически прижимая меня к спинке стула. В его глазах, потемнели, в них полыхала неприкрытая ярость вперемешку с безумным, болезненным желанием. Он дышал тяжело и часто, а его лицо находилось всего в паре сантиметров от моего.

— И не отвлекайте других студентов своими нуждами, — добавил он тише, так, что услышала только я. В этом шепоте было столько угрозы и скрытой страсти, что у меня по спине пробежали мурашки.

Я медленно подняла взгляд, и наши глаза встретились. Между нами буквально затрещало статическое электричество. В аудитории стало так тихо, что я слышала, как бешено колотится его сердце — или это было моё?

— Спасибо, Марк Владимирович, — пропела я, намеренно растягивая его имя. — У вас такой... внушительный инструмент. Надеюсь, он справится с моими ошибками.

Я видела, как его челюсть сжалась так сильно, что на скулах заходили желваки. Моя дерзость была пощечиной, на которую он не мог ответить при всех. Он навис еще ниже, так что я почувствовала кожей жар его тела.

— Сосредоточьтесь на задании, Кира, — выдохнул он мне прямо в губы. — Иначе мне придется аннулировать вашу работу за нарушение дисциплины.

Он резко выпрямился и быстрым шагом вернулся к своему столу, но я заметила, что его руки слегка подрагивали, когда он открывал журнал.

Весь оставшийся час он не сводил с меня глаз. Это был уже не взгляд преподавателя, а взгляд мужчины, который считает минуты до того момента, когда за последним студентом закроется дверь.

Когда прозвенел звонок, аудитория мгновенно ожила. Студенты начали шумно собираться. Я не спешила. Медленно, смакуя каждое движение, я убирала карандаши в пенал. Андрей попытался что-то сказать, но я лишь одарила его мимолетной улыбкой, от которой он окончательно потерял дар речи, и он поспешил уйти под тяжелым, обещающим расправу взглядом Марка.

Наконец, мы остались одни. Тишина в аудитории стала другой — густой, интимной и опасной. Марк медленно подошел к двери и провернул ключ в замке. Щелчок эхом отозвался в моих висках.

— А теперь, — он начал медленно снимать галстук, намазывая его на кулак и сокращая расстояние между нами, — расскажи мне, Кира, что это был за спектакль с Андреем? И кто научил тебя так красить губы?

Он остановился в шаге от меня, и его взгляд упал на мой красный подол.

— Ты ведь знала, что я сделаю, если ты придешь в этом платье, — его голос стал совсем низким, вибрирующим. — Ты этого хотела?

Я вскинула подбородок, глядя сквозь него, словно на пустом месте стоял неодушевленный предмет. Медленно, с

подчеркнутым безразличием, я застегнула пенал. Его присутствие, его расслабленный галстук и этот хищный тон — всё это должно было меня пугать или возбуждать, но внутри всё еще тлел холодный пепел того вечера на парковке.

— О чем вы, Марк Владимирович? — мой голос был сухим и официальным, как справка из деканата. — Я просто сдала работу. Если у вас нет претензий к штриховке, я пойду.

Я начала обходить его, намеренно задев бедром край стола, но не его самого. Марк перехватил меня за локоть. Его пальцы были как раскаленные тиски.

— Не паясничай, Кира. Ты весь экзамен крутилась перед этим идиотом. Ты специально надела это платье, зная, как оно на меня действует.

Я медленно опустила взгляд на его руку, сжимавшую мое предплечье, а затем снова посмотрела ему в лицо. В моих глазах не было ни капли прежнего обожания — только ледяная пустота.

— Ваше самолюбие не знает границ, — я чуть наклонила голову набок, и плотная кудря скользнула по плечу. — Неужели вы думаете, что я выбирала наряд ради вас? После того как меня бросили на морозе без единого слова, вы для меня — просто преподаватель, который вовремя не сдал счета за отель.

Он вздрогнул, будто я его ударила. Хватка на руке ослабла, и я тут же вырвалась.

— Кира, подожди... То, что произошло в горах... я должен

был...

— Мне плевать, что вы были должны, — отрезала я, уже подходя к двери. — Вы даже не сказали «прощай». Так что не ждите, что я скажу вам «привет» вне этих стен.

Я демонстративно достала зеркальце, подправила и без того идеальную помаду, даже не глядя в его сторону, хотя чувствовала, как его взгляд буквально прожигает во мне дыру. Он стоял посреди аудитории, униженный моим полным равнодушием, и я видела в отражении, как он судорожно сглатывает, не в силах отвести глаз от моих ног.

Марк рванул ворот рубашки так, что одна пуговица с мясом отлетела на пол. Его самообладание окончательно превратилось в руины. Он сделал широкий шаг, преграждая мне путь к выходу, и тяжело уперся руками в дверь по обе стороны от моей головы.

— Кира, черт возьми, послушай меня! — прорычал он, и в его голосе смешались ярость и отчаяние. — Это было срочное дело. Я не мог иначе. Тот человек... это был вопрос карьеры, будущего, всего, над чем я работал годами! Я не мог просто развернуться и уйти.

Я посмотрела на него снизу вверх, но в моем взгляде не было ни тени сочувствия. Я видела, как он сходит с ума от моего спокойствия, как его бесит, что я больше не таю в его руках.

— Будущее? — я ядовито усмехнулась, очертив взглядом его напряженное лицо. — Твое будущее было так важно, что

ты даже не вспомнил о моем настоящем? О том, что я стояла на гребаном морозе, пока небо становилось черным? Что я сама тащила эти тяжеленные сумки, которые ты же, Марк, заставил меня набить горой вещей «на всякий случай»?

— Я был на взводе, я не подумал о сумках... — начал он, но я перебила его, впечатав ладонь в его грудь.

— Ты бездушный. Вот и всё объяснение, — мой голос звенел от накопившейся горечи. — Меня тошнит от твоего двойного мира. Здесь ты — холодный, неприступный «Марк Владимирович», который карает за опоздания. В постели ты нежный и клянешься в любви. А на парковке в горах ты просто трус, который сбегает, не удосужившись сказать «прощай». У тебя всё через задницу, Марк. Ты меняешь маски быстрее, чем я успеваю к ним привыкнуть.

Он замер, его лицо побледнело, а взгляд на мгновение стал растерянным, почти умоляющим. Он попытался поймать мою руку, но я резко отдернула её.

— Тебе было плевать на меня там, — я сделала шаг назад, увеличивая дистанцию. — А теперь мне абсолютно плевать на твои оправдания здесь. Твое «срочное дело» стоило тебе меня. Считай, что этот экзамен ты провалил.

Я видела, как его кулаки сжимаются до хруста, как он борется с желанием притянуть меня к себе и заткнуть этот поток правды поцелуем, но я лишь холодно улыбнулась. Пусть горит в этом аду, который сам же и создал.

— Кира, останься! Прошу, не уходи, давай просто пого-

ворим без этого яда, — в его голосе впервые за всё время прорезалась неприкрытая мольба. Он выглядел так, будто весь его мир, выстроенный на железной дисциплине, рушился прямо на глазах.

Я остановилась у самой двери, но не обернулась. Холод внутри меня был слишком плотным, чтобы его могло растопить одно запоздалое «прошу».

— Я дам тебе время, Марк, — произнесла я ледяным тоном, глядя на свое отражение в темном стекле двери. — Ровно до завтра. Переживи эту ночь с мыслью о том, что ты наделал. Подумай хорошенько: нужна ли я тебе вообще? Или я была просто удобным дополнением к твоему идеальному образу? Ты называл меня своей музой, вдохновением. Так вот, подумай, действительно ли я та, ради кого ты готов быть мужчиной, а не просто амбициозным эгоистом.

Я взялась за ручку двери, собираясь закончить этот фарс, но стоило мне потянуть её на себя, как Марк сорвался. В один прыжок он оказался рядом и мертвой хваткой вцепился в мое предплечье, рывком разворачивая к себе.

— Ты никуда не уйдешь, пока — начал он, но его пальцы так сильно впились в мою кожу, что я не выдержала.

— А-а! — я хрипло рыкнула от резкой боли, и этот звук, полный протеста, подействовал на него как удар током.

Марк тут же отшарахнулся, отдернув руки, словно обжегся. В его глазах промелькнул ужас от того, что он только что сделал. Он смотрел на свои ладони, которыми только что

причинил мне боль, и его лицо исказилось в гримасе отвращения к самому себе.

— Кира я не хотел я — он заикался, пытаюсь сделать шаг навстречу, но я выставила ладонь вперед, пресекая любую попытку сближения.

Я наградила его таким злым, испепеляющим взглядом, что он буквально прирос к месту. Не произнеся больше ни слова, я вышла из аудитории, оставив его стоять в тишине среди разбросанных эскизов и обломков его собственного достоинства.

++++

Тиканье настенных часов в пустой гостиной казалось ударами молота. Я сидела на диване, подтянув колени к подбородку, и смотрела в одну точку уже несколько часов. Остывший чай на столике покрылся едва заметной пленкой, но мне было плевать.

В голове, как заезженная пленка, прокручивался наш скандал. Перед глазами стояло его лицо — застывшая маска ярости, которая в секунду сменилась растерянностью, когда я выплеснула на него весь свой накопленный яд.

«Боже, Кира, какая же ты дура», — прошептала я в пустоту, закрывая лицо ладонями.

Холодная логика наконец-то пробилась сквозь пелену обиды. Я ведь сама его спровоцировала. Знала, на какие точки нажимать, знала, как ударить побольнее, и сделала это с каким-то мазохистским удовольствием. А теперь сижу здесь,

в тишине, и понимаю, что его молчание о тех днях в горах могло иметь сотню причин. Там, на высоте, связь — это роскошь, а обстоятельства порой диктуют свои правила. Может, он действительно не мог? А я даже не дала ему открыть рот.

Но больше всего меня бесило то, как он со мной играет. Эта его невыносимая манера менять маски. Секунду назад он — властный безумец, отдающий приказы тоном, не терпящим возражений, от которого внутри всё сжимается то ли от страха, то ли от странного возбуждения. А в следующую минуту он становится таким нежным, что его голос обволакивает, как шелк, заставляя забыть о гордости. Эта двойственность сводила меня с ума. Я ненавидела его за «сделай так, как я сказал», но стоило ему коснуться моей щеки этим особым, трепетным движением, как вся моя броня осыпалась пеплом.

Я встала и подошла к окну. Вечер опускался на город, зажигая огни. Внизу, у подъезда, притормозила знакомая черная машина. Сердце пропустило удар, а внизу живота предательски потянуло. Я понимала: сейчас он поднимется. И я снова окажусь в ловушке между его деспотичным «хочу» и той лаской, от которой перехватывает дыхание. Я сглупила, да. Но готова ли я признать это вслух, когда он посмотрит на меня этим своим тяжелым, раздевающим взглядом?

Звонок в дверь разрезал тишину квартиры, как скальпель. Я не успела даже спросить «кто там», как замок щелкнул, и Марк буквально ворвался внутрь, принося с собой запах гро-

зы и холодного адреналина. Он не ждал приглашения — он просто захватил пространство, как привык это делать всегда.

Прежде чем я успела выговорить хоть слово упрёка, его руки — сильные, горячие — обхватили меня, сминая домашнюю футболку. Он уткнулся лицом в изгиб моей шеи, и я почувствовала, как его бьёт мелкая дрожь.

— Я такой идиот, Кира... Прости меня. Глупец, полный глупец, — шептал он, перемежая слова лихорадочными поцелуями. Его губы обжигали мою кожу, спускаясь от уха к ключице.

Я попыталась немного отстраниться, чтобы заглянуть ему в глаза, и наткнулась ладонями на его грудь. Футболка под моими пальцами была абсолютно мокрой.

— Марк, ты весь сырой! — воскликнула я, когда он рывком скинул куртку прямо на пол. — Что с тобой? Почему ты в таком виде? Он тяжело дышал, его волосы спутались, а в глазах металось что-то дикое, почти болезненное.

— В зал ходил. Думал, выжгу эту злость, выбью из головы мысли о тебе, — он горько усмехнулся, шагая ко мне вплотную и заставляя попятиться к стене. — Не помогло. Ни черта не помогло, Кира. Голова раскалывается, а внутри всё горит. Я безумно тебя хочу. Прямо сейчас.

Его голос сорвался на хрип, а ладонь властно легла на мою талию, притягивая к твердому телу. Я чувствовала его желание каждой клеточкой, и моя собственная решимость таяла, как лед под паяльной лампой. Все обиды, все раздумья о его

«приказах» и переменах настроения вдруг стали вторичными.

— Ладно, — выдохнула я, стараясь придать голосу строгости, хотя колени уже подгибались. — Но сначала душ. Ты весь в поту, Марк. Живо.

Я требовательно ткнула пальцем в сторону ванной комнаты. Марк замер на секунду, глядя на меня своим фирменным взглядом «безумца», но затем его лицо просветлело. Он коротко, по-хозяйски рассмеялся — тот самый звук, от которого у меня мурашки пошли по спине.

— Слушаюсь, мой генерал, — бросил он.

Одним движением он выудил из карманов ключи от машины и телефон, с глухим стуком бросил их на кухонный стол и, на ходу стягивая через голову мокрую футболку, скрылся за дверью ванной. Я осталась стоять в коридоре, глядя на его вещи. Телефон Марка внезапно мигнул уведомлением, но я лишь сглотнула. Тишину прервал шум воды, и я поняла, что через несколько минут он выйдет оттуда — и на этот раз я не буду сопротивляться его власти.

Я стояла у плиты, гипнотизируя взглядом закипающий чайник, но мои мысли были прикованы к телефону, лежавшему на столе. Когда экран вспыхнул от нового уведомления, я невольно скользнула по нему взглядом.

«Марк, ты на выходных был просто космический...» — высветилось на стекле.

Сердце пропустило удар, а затем пустилось вскачь, вбива-

ясь в ребра. Какая-то Элиза. Космический? Кровь застыла в жилах, когда следом прилетело второе сообщение:

«Я прощаю тебя. Жду в клубе в 10. Приехала только из-за тебя».

Я замерла с заварником в руках, чувствуя, как внутри всё начинает клокотать от ядовитой смеси обиды и ярости. Прошлые выходные... Но мы же были вместе! Или те несколько часов, когда он «уезжал по делам», пока я ждала его, были потрачены на эту Элизу? Ладонь сама потянулась к телефону. Пальцы дрожали — я должна была пролистать переписку выше, должна была узнать правду.

Но не успела. Дверь ванной распахнулась, выпустив облако горячего пара. Марк вышел, обтирая мокрые волосы полотенцем. На нем были только низко сидящие на бедрах спортивные штаны, а по рельефным мышцам живота всё еще стекали капли воды.

— Твой чай, Марк, — голос подвел меня, прозвучав суше, чем хотелось бы.

— Спасибо, малыш, — он коротко кивнул и буквально рухнул на стул, тяжело откинувшись на спинку.

Я поставила чашку перед ним, стараясь, чтобы фарфор не зазвенел о столешницу. В ту же секунду Марк перехватил телефон. Я наблюдала за ним через плечо, делая вид, что занята сахаром. Его брови тут же сошлись на переносице, между ними залегла глубокая складка. Он нахмурился, быстро пробежав глазами по строчкам, и его челюсти плотно сжались.

Он не улыбнулся. Не расслабился. Наоборот, всё его тело напряглось, как перед прыжком. Я заставила себя дышать ровно, хотя внутри всё просто кричало от желания вырвать этот гаджет и потребовать объяснений здесь и сейчас. Он молчал, его большой палец завис над экраном, а я видела, как желваки ходят под кожей его скул.

— Всё нормально? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринужденно, хотя в горле стоял ком.

— Да, малыш. Все хорошо, — Марк наконец поднял на меня взгляд, но он был каким-то слишком сосредоточенным, будто он уже мысленно был не здесь. — Но мне срочно нужно уехать. Это по поводу экзаменов. Завтра крайний срок сдавать результаты, а я их домой утащил, представляешь? Дурак, забыл совсем.

Он подскочил со стула так резко, что чай в чашке плеснул на стол. Я смотрела, как он, не морщась, натягивает на себя ту самую сырую, холодную футболку.

— Марк, может... просто завтра пораньше выедешь? — мой голос дрогнул. Я отчаянно надеялась, что он скажет «да», что он останется и эта Элиза — просто недоразумение.

Он подошел ко мне вплотную, взял мое лицо в ладони, и в его глазах снова вспыхнула пугающая и манящая нежность.

— Не уверен, что мы сможем пораньше встать, Кира, — он низко наклонился к моему уху, обжигая его своим дыханием. — Ведь я планирую пол ночи не давать тебе спать.

Этот его напор, эта уверенная ласка почти стерли из моей

памяти имя «Элиза». Внизу живота привычно потянуло от его близости, но холодный рассудок твердил:

«Он врет. Он едет в клуб».

— Тогда постарайся не задерживаться, — выдавила я, глядя, как он хватается куртку.

— Конечно, моя муза. Одна нога здесь, другая там. Буду к одиннадцати.

Я быстро взглянула на часы.

— Но сейчас восемь. Тебе до дома ехать полчаса. Где ты будешь два часа, Марк?

Он замер у двери, на секунду его взгляд стал жестким, «безумным», но он тут же взял себя в руки и мягко улыбнулся:

— Я так торопился к тебе, что оставил бардак в доме. Сама знаешь, я не люблю такое. Приберусь немного и сразу назад.

Он чмокнул меня в щеку — мимолетно, почти технично — и скрылся за дверью.

Как только звук его шагов затих в подъезде, я начала нервно мерить квартиру шагами. Бардак? Марк, который готов бросить всё ради секса, вдруг поехал «прибираться» и «сдавать экзамены» в восемь вечера в воскресенье?

«Клуб в 10», — всплыло в голове. Пазл складывался слишком идеально. Он собирался заехать домой, переодеться из сырого шмотья и поехать к ней. К этой «космической» Элизе.

Я натянула первые попавшееся шмотки, набросила куртку и, почти не дыша, вызвала такси. Город проносился мимо смазанными огнями. В 10:25 я уже входила в клуб. Грохот басов бил по перепонкам, а запах кальяна и дорогого алкоголя забивал ноздри.

Сдав одежду в гардероб, я замерла у края танцпола, лихорадочно сканируя толпу. Сердце колотилось где-то в горле. Марка нигде не было.

«Боже, Кира, что ты творишь?» — пронеслось в голове. А если он сейчас в своей пустой квартире действительно перерывает бумаги, чтобы вернуться ко мне? Что я скажу ему, когда он приедет и не найдет меня дома? Что я сумасшедшая ревнивица?

Дрожащими пальцами я достала телефон и набрала:

Я: *«Как дела? Скоро будешь?»*

Ответ пришел почти мгновенно:

Марк: *«Все нормально, малыш. Немного задерживаюсь, не могу найти работу одного из студентов. Видимо, завалялась куда-то. Скоро буду».*

Внутри всё похолодело. Этот ответ был совершенно не в его стиле. Марк был педантом до мозга костей, у него каждая бумажка лежала по струнке, каждый студент был занесен в таблицу. Он лгал. Лгал так нагло и сухо, что у меня перехватило дыхание.

— Воды, — бросила я, хлопнув купюрой по стойке бара, даже не взглянув на бармена.

Холодный стакан запотел в руке. Я опустошила его залпом, чувствуя, как ледяная влага обжигает горло, но этот холод не мог потушить пожар внутри. Я двинулась вглубь клуба, к зоне вип-кабин, ведомая каким-то мазохистским чувством. И тут я обомлела. Дверь одной из комнат приоткрылась — официантка выходила с пустым подносом, на секунду оставив проход свободным. Мой мир рухнул в это мгновение.

В полумраке кабины, на кожаном диване, сидел он. Марк. И рыжая девушка, чьи волосы огненным водопадом рассыпались по его плечам. Они не просто целовались — они буквально пожирали друг друга. Я заставила себя сделать шаг вперед, сокращая расстояние, надеясь, что зрение меня подводит, что это просто похожий силуэт.

Но нет. Это был он.

Его сильные руки, которые еще час назад сжимали мою талию, теперь по-хозяйски лежали на бедрах этой девицы. Он нагло, жадно впивался в её рот своим языком, а она, оседлав его, уже нетерпеливо расстегивала пуговицы его рубашки. Я встала в дверях, оцепенев. Время остановилось. Официантка, вернувшаяся к дверям, тихо попросила:

— Девушка, позвольте пройти...

От этого звука Марк резко отстранился от губ рыжей и перевел взгляд на дверь. Наши глаза встретились. Я увидела, как его зрачки расширились от шока, а лицо в секунду побелело. В его взгляде больше не было ни «безумца», ни

«нежного мужчины» — там был страх пойманного зверя. Он рывком скинул с себя девицу, так что та едва не вскрикнула от неожиданности, и вскочил, на ходу пытаясь запахнуть рубашку.

— Кира? — его голос прозвучал глухо, надтреснуто.

Пелена слез мгновенно застлала глаза, превращая огни клуба в размытые, уродливые пятна. Я бросилась прочь, продираясь сквозь потную, пахнущую табаком толпу. Я не шла — я бежала, толкая людей локтями, не чувствуя ничего, кроме жгучей, пульсирующей боли в груди.

— Кира! Стой! Кира, черт тебя дери! — рев Марка перекрыл даже тяжелые басы.

Я обернулась на секунду: он пробивался за мной, как танк. Его лицо было искажено яростью, он буквально раскидывал парней, вставших у него на пути, не заботясь о последствиях.

— Пошел к черту, Марк! Слышишь? К черту! — закричала я, срывая голос.

Обида требовала выхода. Мне хотелось не просто уйти, мне хотелось выжечь в его сердце такую же дыру, какую он только что проделал в моем. И я увидела барную стойку. Мозг, одурманенный предательством, выдал единственный способ ударить в ответ.

Я рванулась к бару и, перемахнув через стойку, вцепилась в футболку молодого бармена. Он едва успел отшатнуться, как я притянула его лицо к своему. — У тебя есть девушка?! — прошипела я ему прямо в губы. — Нет... — выдохнул он,

ошарашенно глядя на меня.

Это было всё, что мне нужно. Я впилась в его губы с такой отчаянной злостью, что парень сначала оцепенел. Но через секунду инстинкты взяли верх — его рука зарылась в мои волосы, притягивая меня ближе, отвечая на этот безумный, пропитанный горечью поцелуй.

В ту же секунду мир перевернулся. Железная хватка со-
мкнулась на моих плечах, и меня с силой дернули назад, от-
рывая от бармена.

— Ты че творишь?! — прошипел Марк мне в лицо. Его
трясло от ярости, в глазах полыхало настоящее безумие, а
костяшки пальцев побелели.

Я не дала ему договорить. Вложив всю свою ненависть и
разочарование в один замах, я вlepила ему звонкую, обжи-
гающую пощечину. Звук удара, казалось, услышал весь зал.
На его щеке моментально проступил багровый след.

Пока он стоял, парализованный шоком и болью, я развер-
нулась и бросилась к выходу. Я вылетела на ледяной ночной
воздух в одной майке, даже не вспомнив о куртке в гарде-
робе. Холодный ветер ударил в лицо, смешиваясь с горячи-
ми слезами, когда я выбежала на дорогу, отчаянно пытаюсь
поймать такси.

глава 17 «План Б»

Дима

Я стоял за стойкой своего клуба «Элизиум», методично наполняя бокал льдом для очередного «Олд Фэшена». Для местной публики я был просто эстетом-барменом, владельцем элитного заведения. Мало кто знал, что за этим лоском скрывается «Овраг» — мое второе детище, подпольный бойцовский клуб, где запах пота и крови перебивает аромат парфюма, а кости ломаются тише, чем шуршат купюры в карманах зрителей. Работа в обоих местах научила меня главному — читать людей. Один взгляд на то, как человек держит стакан, и я уже знал о нем всё.

Вечер тянулся однообразно: неоновые блики на стекле, смесь дорогих духов и чьих-то дешевых амбиций. А потом двери распахнулись, и вошла она.

Она выглядела как системный сбой в этом царстве шелка и высоких каблучков. Растянутая майка, тяжелые ботинки, волосы, спутавшиеся от ветра или спешки. Она не пыталась вписаться — ей было плевать. Подойдя к стойке, она даже не взглянула на меня, просто бросила короткое «воды» и осушила стакан одним махом, будто пыталась смыть привкус чего-то мерзкого. Её глаза лихорадочно сканировали зал, пока не наткнулись на цель.

Я проследил за её взглядом. В вип-зоне Марк — её парень

— самозабвенно облизывал какую-то рыжую. В ту секунду, когда их глаза с Кирой встретились, воздух в «Элизиуме» словно загустел, превратившись в холодный свинец.

Она сорвалась с места, бросившись к выходу. Пробегая мимо стойки, на секунду замерла. В её глазах, огромных, как блюдца, я увидел гремучую смесь отчаяния и слез. Она напоминала загнанную овечку, которая внезапно осознала, что волки её уже окружили, и терять ей больше нечего.

— У тебя есть девушка? — выпалила она, перегибаясь через стойку так сильно, что костяшки её пальцев, вцепившихся в мою футболку, побелели.

Я не успел даже осознать вопрос. Мое короткое «нет» еще вибрировало в воздухе, когда она рванулась вперед и впилась в мои губы.

Этот поцелуй вышиб из меня дух. В нем не было нежности — только дикая, напуганная дерзость и привкус боли. Она была ледяной, её колотило мелкой дрожью, но губы обжигали меня, как открытое пламя. В голове потемнело. Вместо того чтобы оттолкнуть эту сумасшедшую, я инстинктивно зарылся пальцами в её спутанные волосы, притягивая к себе почти грубо. Я кожей чувствовал, как она буквально вжимается в меня, пытаясь раствориться, исчезнуть, спрятаться в этом поцелуе от предательства, которое только что увидела.

Я продолжал чувствовать на губах её дрожь, когда реальность грубо ворвалась в пространство между нами. Этот по-

донок, Марк, подлетел к стойке и с силой дернул девчонку на себя, что-то яростно выкрикивая ей в лицо. Но она не сломалась. Со всего размаха она вlepила ему такую пощечину, что звон хлесткого удара на мгновение перекрыл клубный бит. Не оглядываясь, она бросилась к выходу.

Я увидел, как на губе Марка проступила кровь. Он уже дернулся было следом за ней, полный решимости догнать и додавить, но я не дал ему сделать и шага. Одним рывком я перемахнул через стойку и стальной хваткой впечатал его в место.

— Попробуй хоть с места сдвинуться — я расшибу твою бошку об этот стол, — выцедил я ему в лицо. Мой голос звучал тихо, но в нем была угроза парня из «Оврага», от которой у людей обычно подгибаются колени.

Марк еще пытался что-то вякнуть о том, что это не мое дело, но тут к нам подоспела та самая девица из VIP-зала. Рыжая, лихорадочно поправляющая глубокое декольте и размазанную по лицу помаду. Только сейчас, вблизи, под жестким неоном, я заметил, что её лицо располосовано глубокими шрамами. Косметика и фильтры клуба пытались скрыть это, но шрамы все равно проступали сквозь слой пудры. Это не выглядело жутко — скорее, как клеймо пережитой боли.

— Марк, кто это? — капризно протянула она, игнорируя меня. Но тот лишь злобно отмахнулся от неё, как от назойливой мухи, и, бросив на меня последний трусливый взгляд, зашагал обратно в свою конуру.

Мне же было не до них.

Я видел, как она вылетела на улицу абсолютно раздетой, хотя в моей памяти отчетливо отпечатался её образ на входе — в куртке. Адреналин уже подстегивал меня, не оставляя времени на раздумья. В несколько широких шагов я сократил расстояние до гардероба и, кивнув на захлопнувшуюся дверь, за которой скрылась девчонка, коротким приказом заставил гардеробщика выдать её вещи.

Вылетев на крыльцо, я жадно глотнул ледяной вечерний воздух, пытаюсь привести мысли в порядок, но увидел лишь, как она запрыгивает в желтую машину такси. Мотор взревел, и машина сорвалась с места.

Черта с два я её так просто отпущу. Не в этот раз.

Я быстро запрыгнул в свой автомобиль, мотор ответил мощным, уверенным рыком, и я до упора выжал педаль газа. Встроившись в ночной поток, я вцепился взглядом в мигающие габариты такси, стараясь не давать им затеряться среди других огней. Формально у меня был весомый повод — вернуть ей одежду, чтобы она не замерзла в этой чертовой майке. Но на самом деле внутри всё еще полыхал пожар от того отчаянного поцелуя. Я не привык оставлять вопросы без ответов, а эта девчонка только что задала мне слишком много.

Такси затормозило прямо у моего дома, и на секунду я буквально оцепенел. Сердце ощутимо мазнуло по ребрам — в голове пронеслась безумная мысль: неужели помнит? Неужели Серёга проговорился, кто был тем парнем на байке,

и она приехала ко мне? Но реальность оказалась куда прозаичнее и теснее. Она приехала к подруге, Лере, которая жила этажом ниже. Я знал, что Серый крутит с этой девчонкой и часто зависает у неё. Не теряя ни секунды, я настрочил другу сообщение, фактически напрашиваясь в гости.

Спустя два часа я вошел в квартиру Леры. В нос тут же ударила смесь запахов валерьянки и дешевого вина, но по-настоящему душила тишина. Кира забаррикадировалась в одной из комнат. Она не впускала никого, и только надрывные, едва слышные всхлипы за дверью выдавали её присутствие.

В коридоре разыгрывался какой-то странный, болезненный ритуал. Лера, едва сдерживая собственные слезы, подходила к двери и дважды стучала. Из комнаты тут же доносился ответный двойной стук. Этот бессловесный диалог продолжался, пока я пытался осознать масштаб катастрофы, разыгравшейся в «Элизиуме».

Серёга забился в угол и что-то лихорадочно печатал в телефоне.

— Как она? — глухо спросил я.

Он лишь молча качнул головой, не поднимая глаз.

Я смотрел на закрытую дверь, и внутри меня закипала холодная ярость. Марк Левицкий мог сколько угодно строить из себя ценителя «высокого искусства», но на деле он был обычным мясником, который кромсал живое сердце вживую, без наркоза.

— Хватит этой чечетки, — не выдержал я, мягко, но решительно отстраняя Леру от двери. — Ей сейчас нужны не перестукивания, а тот, кто вытащит её из этого ада.

— А ты вообще кто такой? — Лера наконец сфокусировала на мне заплаканный взгляд.

— Считай, что я — план «Б», — отрезал я, не сводя глаз с запертой двери.

Я без лишних церемоний толкнул дверь. Она поддалась с тихим, почти издевательским щелчком — никакого замка, лишь призрачный барьер из боли и тишины, который её подруга, несмотря на всю свою бойкость, так и не решилась переступить.

— И чего ты застыла на пороге? Войти, что ли, не могла? — бросил я Лере через плечо, искренне не понимая, зачем они устроили этот театр с перестукиванием.

— Конечно, могла! — Лера раздраженно фыркнула, защитно скрестив руки на груди. — Просто я уважаю её личные границы, ясно тебе? Ей нужно было пространство, воздух... Я лучше знаю, как ей помочь в таком состоянии!

— Ну да, куда уж нам, простым смертным, до ваших «высоких стратегий» и тонких материй, — буркнул я, не скрывая сарказма.

Не дожидаясь продолжения этой бесполезной дискуссии, я шагнул внутрь и плотно закрыл за собой дверь, отсекая лишние звуки. В комнате царил тяжелый полумрак. Кира сидела прямо на полу, прислонившись спиной к холодной сте-

не у самого входа. Вид у неё был разбитый: лицо припухло от долгого плача, тушь размазалась по щекам черными траурными дорожками. Но, черт возьми, даже в этом хаосе в ней читалась какая-то благородная хрупкость. Такое сочетание беззащитности и силы вызывало во мне странный коктейль из желания защитить её от всего мира и одновременно полностью подчинить себе.

— Привет, — негромко произнес я, плавно опускаясь на пол в паре шагов от нее. Я специально держал дистанцию, не пытаясь коснуться или сократить расстояние — сейчас она должна была понять, что я не очередной хищник, пришедший за своей долей.

Она медленно, словно через силу, подняла голову. В глубине её глаз, за пеленой недавних слез, промелькнуло неподдельное, почти детское изумление. Она явно не ожидала увидеть здесь парня из-за стойки «Элизиума».

— Ты — выдохнула она, но голос предательски оборвался, так и не дав слову обрести вес.

— Я, — я широко и максимально спокойно улыбнулся, стараясь этой улыбкой пробить ледяную корку её отчаяния.

Я замер, всматриваясь в её лицо, и в голове вихрем пронеслись все наши встречи. Кем я был для неё в эту секунду? Тем дерзким парнем из клуба, с которым она столкнулась той ночью? Тем безымянным байкером, чьё лицо скрывал тонированный визор шлема? Быть может, она вспомнила меня на заснеженной горнолыжной трассе или того пар-

ня с татуировкой феникса, мелькнувшего в её жизни яркой вспышкой? Или для неё я оставался всего лишь барменом, который сегодня вечером стал свидетелем её краха?

Мне было абсолютно плевать на роли и маски. В её расширившихся зрачках я читал главное — узнавание. Она видела меня, настоящего, сквозь пелену своего горя, и то, кем именно я был в её памяти в этот миг, не имело никакого значения.

Я внимательно наблюдал за ней, ожидая реакции. Она выглядела такой хрупкой, сидя на полу, но я знал, что внутри этой девчонки скрыт стержень, который Марку не переломить. Ведь она Ардова.

— Смотри, — я чуть наклонился вперед, понизив голос, — у меня есть для тебя несколько вариантов развития событий. Выбирай, какой больше по душе.

Первый: я прямо сейчас еду и набиваю твоему Марку рожу так, что родная мать не узнает.

Второй: ты берешь себя в руки, и завтра ты сама впечатываешь свой кулак в его физиономию.

Я сделал короткую паузу, глядя прямо ей в глаза, и добавил тише:

— И **третий вариант**, мой любимый. Мы едем сейчас в зал, и мы вдвоем выбиваем всё дерьмо из боксерской груши, представляя на её месте его холеную морду. Выпустишь пар, а я посмотрю, насколько хорошо ты умеешь бить. Что скажешь?

Кира молчала, но я заметил, как в её глазах, еще мокрых от слез, впервые за вечер промелькнул огонек. Тень улыбки коснулась её губ, и это было чертовски хорошим знаком.

— Значит, пойдем от малого к крупному, — произнесла она, и я кожей почувствовал, как в её голосе, еще минуту назад дрожащем от рыданий, зазвучал холодный металл. — Сначала я попытаюсь выплеснуть весь этот яд на грушу. Если не поможет и внутри всё равно будет жечь — завтра я лично раскрою этому уроду физиономию. Ну, а если и после самосуда мне не станет легче тогда в дело вступишь ты. И сделаешь это так, как умеешь.

Я коротко кивнул, едва сдерживая хищную, почти торжествующую усмешку.

— Идёт.

Такой расклад сил мне нравился даже больше, чем я ожидал. Меньше всего мне хотелось быть для неё стандартным «рыцарем» из дешевых романов, который просто приехал и наказал обидчика, пока дама сердца плачет в сторонке. Мне было важно увидеть, как она сама учится скалиться и кусаться. В ней просыпалась честная ярость, которую я привык видеть в клетках своего «Оврага», и, черт возьми, это зрелище заводило меня сильнее любого допинга. Она не хотела быть жертвой — она хотела стать палачом для своего прошлого, и я был готов дать ей в руки топор.

++++

Мы рванули в «Овраг» — мое личное убежище и под-

польный бойцовский клуб, запрятанный в лабиринтах старой промзоны. Здесь не было и намека на лоск элитных заведений: только честный, резкий запах пота, потертой кожи и окисленного железа. В этот час здание дышало пустотой, а каждый наш шаг отзывался гулким эхом под высокими сводами. Я вывел Киру в самый центр ринга, где в мертвенно-бледном свете единственного прожектора она казалась почти прозрачной.

— Руки, — коротко скомандовал я, прерывая тишину.

Я выудил из сумки рулоны длинных эластичных бинтов. Кира безропотно, словно в трансе, протянула мне свои ладони. Я начал медленно и максимально туго наматывать черную ткань, надежно фиксируя каждое запястье и каждую пястную кость. Это превратилось в какой-то пугающе интимный ритуал: я кожей ощущал, как мелкая дрожь сотрясает ее пальцы, но стоило мне поднять взгляд, как я увидел, что ее зрачки сузились, а взгляд налился сталью. Когда с намоткой было покончено, я развернул ее и слегка подтолкнул к массивному, набитому песком кожаному мешку.

— Представь, что это твой куратор, Кира. Или твой бывший. Или все те подонки, что заставляли тебя плакать. Это все твои страхи в одной оболочке. Бей так, будто этот мешок — единственное, что стоит между тобой и твоей свободой. Бей, чтобы выжить.

И она ударила. Первый выпад был робким, почти случайным, но уже через секунду ее прорвало. Она начала вкола-

чивать удар за ударом с такой первобытной, иступленной яростью, что тяжелые цепи, на которых крепился снаряд, жалобно и угрожающе закрипели. Я стоял в шаге от нее, завороченно наблюдая, как на моих глазах хрупкая, изломанная девушка сгорает, а из ее пепла восстает настоящий, беспощадный боец. В этот момент я окончательно осознал: эта девочка в сто крат опаснее и глубже, чем представляли себе все те идиоты, что пытались ее приручить.

Я пытался давать ей наставления, поправлял положение локтей и разворот плеч, пока она замерла, восстанавливая сбитое, рваное дыхание. Но Кира вдруг резко вскинула подбородок и буквально полоснула по мне своим ледяным, колючим взглядом.

— Я и без твоих советов знаю, что делать. Не считай меня глупой! — отрезала она.

Не успел я и слова вставить, как она вложила весь корпус в один короткий боковой удар. Звук был таким сочным, что я невольно замер: на плотной, выдавшей виды коже тяжелого мешка осталась отчетливая вмятина. Я несколько секунд просто молча разглядывал этот след, переваривая увиденное.

— Ладно, убедила, — усмехнулся я, стараясь скрыть искреннее изумление. — Могу только посочувствовать его роже.

Она рассмеялась. Громко, звонко, но в этом звуке было столько горького, надрывного отчаяния, что мне стало не

по себе. Чтобы хоть как-то переключить её, я предложил ей просто побороться — в шутку, без грубой силы и лишней агрессии. К моему удивлению, она охотно согласилась. Мы возились на матах, уворачивались от захватов и смеялись, пока я не ляпнул какую-то очередную колкость. Кира среагировала мгновенно: молниеносный подсекающий маневр, и я с глухим стуком полетел на лопатки, увлекая её следом. Она приземлилась прямо на меня, тяжело дыша, и её разгоряченная кожа коснулась моей.

Именно в ту секунду, глядя в её расширенные, почти черные зрачки, я понял, как ей помочь.

— Слушай, — прошептал я, чувствуя её сердцебиение. — Давай заставим твоего куратора корчиться от ревности. Разыграем спектакль: у тебя новый парень, ты светишься от счастья и знать его не хочешь. Я готов стать твоим главным героем в этой игре.

Она долго молчала, пристально изучая моё лицо, но в итоге едва заметно кивнула. А потом, оглядев стены «Оврага», спросила, что это за место на самом деле. Когда я без прикрас рассказал о подпольных боях, её глаза загорелись недобрым огнем.

Глава 18 «Вне зоны доступа»

Марк

Прошел месяц — бесконечные тридцать дней, которые вымотали меня сильнее, чем самый тяжелый двенадцатирундовый бой. Я сидел в пустой аудитории Академии, тупо уставившись в расписание на стене, но буквы расплывались, складываясь в одно и то же имя.

Кира методично уничтожала меня своим молчанием. Она игнорировала каждое мое сообщение, а я, как последний пацан, продолжал заваливать её мессенджер текстами, которые из яростных и требовательных давно превратились в почти умоляющие. Я, человек, который привык брать всё, что захочет, теперь просто ждал, когда на экране высветится заветное «печатает...». Но экран оставался мертвым, как и всё внутри меня в этот чертов месяц.

Я трижды за эти сутки приезжал к её дому. Стоял под окнами, до одури жал на кнопку звонка, но мне никто не открывал. Гробовая тишина. Я даже подкараулить её нигде не смог, потому что, к своему стыду, понял — я понятия не имею, куда она исчезает, когда не рисует и не спит. В тату-салоне, куда я завалился в полном отчаянии, мне лишь сухо бросили:

«Кира взяла отпуск. Мы только за, девчонка два года без отдыха пахала».

Бог знает, где она теперь шляется и с кем делит постель. В ту ночь всё пошло к черту только из-за того цепного пса за стойкой — этот ублюдок встал у меня на пути, не дав догнать её и вправить мозги. С того самого момента она словно сквозь землю провалилась. Я не видел её ни в городе, ни в универе — нигде. Обидно признавать, но, кажется, она действительно решила, что может просто так взять и исчезнуть из моей жизни после всего, что было.

Я сам всё запарол. Просчитался, не продумал ходы, хотя был уверен в ней, как в самом себе. Я был чертовски уверен, что Кира проглотит любую мою ложь, поверит в очередную сказку и будет покорно ждать меня дома, как и всегда. Но я не учел фактор Элизы.

Я встретил свою первую музу на горнолыжном курорте, буквально за час до отъезда. Это было как удар под дых. Забытые чувства вспыхнули с новой силой, стоило ей затащить меня в женскую уборную. Она действовала агрессивно, почти одержимо, стоя предо мной на коленях и буквально высасывая из меня душу. Она умоляла меня вернуться, твердила, что не может без меня, и клялась, что прощает всё, что случилось тогда, в Европе.

Да, она уже не та идеальная красавица, которой я её помнил. Шрамы на лице — вечное напоминание о моем срыве. Но ведь это моих рук дело. Это я её сломал, я её «перекроил», и эта вина жгла меня изнутри. Я чувствовал, что просто обязан снова сделать её своей музой, обязан забрать её об-

ратно в свой мир, чего бы мне это ни стоило.

А потом пришло это сообщение. Совсем не вовремя. Моя «малышка» Кира была обижена, грозилась порвать со мной, и я, кипя от бешенства, сорвался в подпольный клуб — мне нужно было выместить ярость, сломать какому-нибудь ублюдку челюсть. Но, проезжая мимо её дома, я не выдержал. Залетел к ней в том диком, невменяемом состоянии, и она приняла меня. Я думал, что всё уладил, но уведомление от Элизы едва не пустило всё под откос. Кира вела себя как обычно, и я был уверен: она ничего не заметила. Это меня расслабило.

«Вернусь к одиннадцати, и она снова будет ждать меня в постели», — самонадеянно решил я.

Мне нужно было вправить мозги Элизе, объяснить ей, что мне нужен план и время, чтобы она обжилаcь в городе. Но эта муза была слишком породистой, слишком хорошо изучила мои слабости. В отличие от строптивой Киры, Элиза была приручена — она знала каждое моё требование и подчинялась беспрекословно. И она захотела меня здесь и сейчас, демонстрируя свою преданность самым откровенным способом.

Я был готов разложить её прямо там. Запах ванили, исходящий от её кожи, дурманил голову, воскрешая в памяти старые, запретные картинки наших встреч. В этот момент я пришел к простому выводу: зачем выбирать? Две музы в моей коллекции — это куда статуснее и интереснее, чем одна.

Попытка связаться с её подругой, этой вездесущей Лерой, тоже обернулась полным фиаско. Я надеялся, что она хотя бы из чувства женской солидарности или элементарного страха перед куратором выдаст местонахождение Киры, но Валерия была сделана из другого теста.

— Марк Владимирович, что за напор? — её голос в трубке сочился притворным удивлением, за которым скрывалась откровенная издевка. — Вы её куратор или мамочка? Девушка официально на больничном. Лежит, выздоравливает, пьет чай с малиной. Выйдет — справку принесет, печатью заверенную. Всё по регламенту.

Я почувствовал, как зубы скрежещут друг о друга.

— Лера, послушай меня, — я понизил голос до вкрадчивого, опасного баритона, отбрасывая в сторону роль преподавателя. — Я сейчас говорю не как куратор. И мне плевать на справки. Я мужчина, который должен знать, что с моей девушкой всё в порядке. Просто скажи, где она.

В трубке повисла короткая, тяжелая тишина. Я почти слышал, как Лера на том конце провода взвешивает все «за» и «против», подбирая слова, чтобы ударить побольнее.

— Марк, — наконец выдохнула она, и то, что она впервые опустила отчество, прозвучало как финальный приговор. — При всем моем к вам безграничном уважении... и к вашему высокому искусству... катитесь-ка вы нахрен.

Короткие гудки ударили по ушам, как пощечина. Я замер, глядя на экран погасшего телефона. «Катитесь нахрен». Чет-

ко, ясно и по делу. Это была не просто грубость подруги — это был транслятор мыслей самой Киры. Она не хотела, чтобы я её находил. Она забаррикадировалась в своем коконе из боли и обиды, а Лера выставила вокруг неё колючую проволоку.

«Аполлон» — и по совместительству парень Валерии и мой знакомый, — Сергей, — оказался моим единственным билетом в этот закрытый мир. Мы дружили со второго курса, и, несмотря на всю его внешнюю легкомысленность, в мужской солидарности ему нельзя было отказать. Когда он перезвонил, его голос звучал непривычно серьезно.

— Марк, дело дрянь, — выдохнул он в трубку. — Явно удача сегодня не на твоей стороне, брат.

Я сжал телефон так, что пластик жалобно скрипнул.

— Ближе к делу. Где она?

— Где она — не скажу, Лера мне голову откусит и в одно место вставит. Но посмотри, что мне скинула Лерка час назад. Лови сообщение.

Телефон пискнул, уведомляя о входящем фото. Я открыл файл, и у меня внутри всё просто рухнуло в бездну. На экране был полнейший хаос. Квартира Киры, которую я помнил уютной, благодаря мне, теперь напоминала место взрыва.

Все её работы, каждый набросок, каждая скульптура, над которой она дрожала — всё было разломано в щепки и крошку. Банки с краской были швырнуты в стены, оставляя после себя кроваво-красные и угольно-черные кляксы. На обо-

ях отчетливо отпечатались следы её гипсовых фигур, которые она с какой-то яростной силой разбивала о стены. Словно она пыталась уничтожить не просто искусство, а саму память о том, кем она была всё это время.

— Она всё разрушила, Марк, — негромко добавил Серёга. — Сама. Лерка говорит, у неё случился нервный срыв. Она больше не рисует. Она вообще больше ничего не делает. Просто... исчезла.

Я смотрел на это пепелище её души на экране телефона, и меня накрыла волна такой вины, от которой перехватило горло. Это сделал я. Она разбила свои работы, потому что в каждой из них видела меня.

— Где она, — прорычал я, чувствуя, как в глазах темнеет. — Говори адрес, или я найду тебя и вытрясу из тебя душу, дружба нам не поможет.

На заднем плане послышался приглушенный голос Серёги, который явно пытался утихомирить свою фурию, но Валерия уже перехватила трубку. Её голос сочился таким ядом, что я почти физически почувствовал его вкус.

— Марк Владимирович, вы тупой до жути, — отчеканила она, не заботясь о субординации. — Оставьте её в покое. Как только ей станет лучше, она сама появится. Но на возобновление чего-либо даже не рассчитывайте. А будете преследовать, там и останетесь.

— Где «там»? — прорычал я, чувствуя, как терпение лопается с треском.

— Где-где... на вершине своего эха и раздутого эго! — выплюнула она и сбросила вызов.

Я замер, до хруста сжимая в руке телефон. Она что, серьезно предлагает мне просто сидеть и ждать? Пока я буду перебирать бесполезные бумажки в кабинете, Кира там, за закрытыми дверями, будет по кусочкам выжигать саму себя изнутри?

— Твою мать! — я сорвался, с силой обрушив кулак на стол, так что канцелярская мелочь подпрыгнула.

— Браво, Левицкий, просто браво, — прохрипел я, запрокинув голову и глядя в пустой потолок, словно пытаюсь найти там ответы. — Великий куратор, ценитель прекрасного, тонкая, черт бы её побрал, натура... Идиот. Как можно было так по-крупному просчитаться и в один миг превратить всё в руины?

Но, видит Бог, я слишком глубоко подсел на неё. Кира стала для меня чем-то вроде зависимости, привычкой, которая въелась под кожу. И как бы сильно я ни накосячил, отпускать её я не собираюсь. Если она думает, что это конец нашего пути, значит, она совсем меня не знает.

++++

Еще одна неделя превратилась в бесконечный цикл из мела, пыли и гнетущего ожидания. Кира так и не появилась. Парт в самом центре аудитории, которую она обычно занимала, зияла пустотой, словно выбитый зуб. Каждый раз, когда мой взгляд натыкался на это свободное место, внутри все

болезненно сжималось.

Но настоящей стеной стала Валерия. Она приходила, молча ставила планшет, выполняла задание с какой-то механической точностью и так же молча уходила. Все мои попытки поймать ее в коридоре заканчивались одинаково: она просто отмахивалась от меня, как от назойливой мухи.

— Лера, нам нужно... — начинал я, преграждая ей путь.

— Марк Владимирович, я не хочу ничего знать, ничего слышать и уж точно ничего вам говорить, — обрывала она на полуслове и буквально убегала, стуча каблуками по паркету.

На индивидуальных занятиях по диплому ситуация была еще хуже. Она сидела напротив меня, холодная и колючая.

— Валерия, как состояние Киры? Она выйдет?

— Отвалите от меня, — бросила она однажды, даже не подняв глаз от чертежа. — Я сюда учиться пришла, а не ваши жизненные драмы выслушивать. Спрашивайте по теме композиции или не тратьте мое время.

++++

Середина весны шла своим чередом, пока это утро не выбило из меня дух резким ударом под дых. Я только припарковался у Академии, когда прямо перед моим носом, взвизгнув резиной, затормозила чужая тачка. Из пассажирской двери выпорхнула Кира, и я чуть не выронил ключи от неожиданности.

Она выглядела ослепительно, черт бы её побрал. Никаких привычных бесформенных шмоток или закрытых пучков —

только дерзкое короткое платье под расстегнутым плащом и такая уверенность в глазах, от которой за версту веяло угрозой. Но настоящая ярость накрыла меня, когда из-за руля вышел он. Сначала я не узнал этого лощенного типа, но память тут же выплонула кадр из «Элизиума»: тот самый бармен. Тот ублюдок, который преградил мне путь в ту ночь.

Этот парень, вообще не считаясь с толпой студентов вокруг, по-хозяйски сгреб её за талию и впился в её губы поцелуем прямо на глазах у всей Академии. Я до хруста сжал кулак, чувствуя, как ключи впиваются в ладонь. Кира не просто не отстранилась — она ответила ему, мягко улыбнулась и что-то интимно шепнула на ухо, прежде чем скрыться в здании.

В аудиторию я зашел, едва сдерживая желание что-нибудь разнести. Кира сидела на своем месте и абсолютно спокойно болтала с Лерой, будто и не было того ада, предательства и разгромленной квартиры.

Картинка мира рушилась. Какой-то бармен на старой тачке теперь крутит моей музой. Я до боли зажмурился, пытаюсь выкинуть из головы мысли о том, чем они занимаются, когда за ними закрывается дверь.

Я медленно пробежал глазами по списку посещаемости, стараясь сохранять лицо, но на фамилии «Ардова» мой палец непроизвольно дрогнул. Я поднял взгляд. Она сидела, небрежно откинувшись на спинку стула, и в её облике появилось что-то новое, дерзкое. На ключице теперь красова-

лась тонкая вязь новой татуировки, уходящая под край платья, а в крыле носа хищно поблескивало маленькое кольцо. Бунтарство, вызванное болью, расцвело на ней пышным цветом, и, черт возьми, ей это безумно шло. Она выглядела как падший ангел, который наконец-то научился летать в аду.

Раздав группе задания и зачитав текущие баллы, я намеренно сделал паузу.

— Кира Ардова, — я произнес это имя так сухо и официально, что сам почувствовал, как голос заскрипел на зубах. — У вас катастрофически много прогулов и целая гора несданных работ.

Я выдержал паузу, пытаюсь поймать её взгляд, заставить её снова почувствовать мою власть, мою значимость в её жизни.

— В сложившейся ситуации я просто не имею права допускать вас к летним зачетам, не говоря уже об экзаменах. Вы идете на отчисление.

Я ждал, что она дрогнет, что в её глазах появится тот привычный страх потерять всё, но внутри меня всё равно полыхала ярость от воспоминания о том поцелуе на парковке. Это была моя месть — холодная, оформленная в академические рамки, но от этого не менее жестокая.

В аудитории воцарилась такая тишина, что было слышно, как гудят лампы под потолком. Студенты затаили дыхание, предвкушая развязку, но Кира лишь равнодушно пожала плечами, даже не поменявшись в лице.

— У меня всё сдано, Марк Владимирович, — спокойно, почти лениво бросила она.

Она поднялась с места, и хищный стук её высоких ботфортов, облегающих бедра, эхом ударил по моим нервам. Кира процокала к моему столу с грацией уверенной в себе пантеры. Легкий щелчок — и перед моим носом лег бланк с оценками.

— Я закрыла все хвосты дистанционно, через другого преподавателя из комиссии. Устав Академии это позволяет в исключительных случаях, — она смерила меня взглядом, в котором не было ничего, кроме арктического льда. — Кафедра вошла в положение из-за моего «плохого самочувствия».

У меня в глазах потемнело от ярости. Ровный ряд подписей, идеальный список дисциплин, и везде — «отлично». Она вычеркнула меня из этой цепочки. Сделала всё, чтобы не дать мне ни единого шанса на лишнюю минуту общения.

— Я не видел ваших работ, Ардова, — я подался вперед, чувствуя, как внутри всё клокочет. — Как ваш куратор, я обязан лично дать оценку. Где они? Я хочу их видеть.

— Конечно, Марк Владимирович, — она прищурилась, и в глубине её зрачков вспыхнула искра триумфа. — Поищите их там, куда обычно отправляете труды всех остальных в архиве или где вы там их хороните. Всё сдано в срок.

Она резко развернулась на каблуках и, не дожидаясь моего ответа, ушла на место. Сев за парту, Кира привычным

движением собрала тяжелые распушенные волосы, скрутила их в узел и закрепила обычным карандашом. Раньше этот жест казался мне верхом нежности, а сейчас он выглядел как опущенное забрало шлема. Она закрылась. И я остался по ту сторону стены.

++++

Эти полтора часа стали для меня персональным кругом ада, где каждый удар секундной стрелки отдавался болью в висках. Я сидел за кафедрой, делая вид, что проверяю чьи-то жалкие наброски, но на самом деле я едва сдерживался, чтобы не сорваться. Мне хотелось вскочить, вышвырнуть из этой аудитории всех до единого, запереть дверь на все замки и прижать её к этому столу.

Я хотел брать её здесь, среди запахов краски и гипса, впи-ваться в её губы, пока она не начнет выстывать моё имя, пока не признает, чья она муза на самом деле. Но вместе с этой яростью во мне жило другое, не менее острое желание: рухнуть перед ней на колени. Я хотел молить о прощении, вдыхать её аромат и, захлебываясь от нежности и вины, признавать каждый свой грех, каждую ошибку. Лишь бы она перестала смотреть на меня этим ледяным, мертвым взглядом, который резал по живому лучше любого скальпеля.

Как только пронзительный звонок возвестил об окончании пары, Кира поднялась первой. Движения её были отто-чены до автоматизма. Она подошла к моему столу, небреж-ным жестом бросила на него свой рисунок и, не удостоив ме-

ня даже мимолетным взглядом, направилась к выходу. Её сапоги выбивали по паркету ритм моего приговора. Лера последовала за ней, одарив меня лишь коротким, полным презрения прищуром.

Когда я открыл её работу, внутри словно что-то взорвалось, оставляя после себя выжженную пустоту. С листа на меня смотрел мощный мужской силуэт, прорисованный с пугающей страстью. Но настоящим ударом в сердце стала татуировка: на лопатках незнакомца Кира с ювелирной точностью вывела расправленные крылья птицы. Снова не рисунок, а хаос.

Я рванул к окну, прячась за тяжелой шторой, как побитый пес. Внизу, на парковке, снова раздалось это уверенное цоканье ботфортов. Кира шла к машине, и в каждом её движении читалась торжествующая свобода женщины, которая знает, что она любима. Этот проклятый бармен уже ждал её, подпирая дверцу своего авто. Стоило ей подойти, как он похозяйски притянул её за талию, и Кира, доверчиво запрокинув голову, растворилась в его объятиях.

В этой их будничной, спокойной нежности было столько яда для меня, что перед глазами всё поплыло. Она не просто бросила меня. Она отдала этому выскочке всё, что я привык считать своей собственностью: свою страсть, свои прикосновения и, самое главное, свой дар. Эти нарисованные крылья на бумаге были её финальным манифестом, клеймом, которое она выжгла на моей гордости.

Я смотрел, как он бережно поправляет подол её платья, прежде чем закрыть дверь, и остро ощущал своё ничтожество. Я остался один в пустой, ледяной аудитории, сжимая в дрожащих руках доказательство её триумфа, пока моя муза улетала прочь на чужих, сильных крыльях.

Глава 19 «Пепел на ресницах»

Это был один из тех дней, когда стены Академии казались мне камерой пыток. Я уже собиралась уйти, когда Марк преградил мне путь и запер дверь аудитории. Ключ повернулся с мерзким щелчком, отрезая меня от выхода.

Он держал меня там до самого вечера, превращая пространство в театр одного актера. Весь этот бесконечный день он ходил кругами, вдалбливая мне в голову бред о том, что я его единственная муза. Он каялся, твердил, что «облажался», что та девица в клубе сама на него запрыгнула.

— Кира, это просто работа! — выкрикивал он, теряя самообладание. — Она из Европы, моя помощница по бизнесу, понимаешь? Между нами ничего нет!

Но я смотрела сквозь него. Каждое его слово ощущалось как липкая грязь. Он был наглым, настойчивым лгуном, и я больше не верила ни единому вздоху. Я твердила ему прямо в лицо, что мне плевать, что я не его собственность и больше никогда не буду подчиняться его правилам.

Когда солнце начало садиться и я, сорвав голос на крик, рванулась к выходу, Марк сорвался. Он схватил меня за плечи и встряхнул так сильно, что мои зубы клацнули друг об друга, а в голове помутилось. Его взгляд стал звериным, диким — в ту секунду мне впервые стало по-настоящему страшно за свою жизнь.

— Ты не уйдешь отсюда, пока не признаешь, что ты моя! — рычал он мне в самое лицо. — Ты бросишь своего бармена и вернешься. Если нет — я сломаю тебе жизнь. Ты не доучишься, я вышвырну тебя из Академии с волчьим билетом!

И в тот момент я поверила. Поверила, что он способен на любую подлость. Но вместо того чтобы сдаться, я почувствовала только холодную, острую пустоту. Я больше не хотела отношений с этим монстром, а уж тем более — такой «любви», которая пахнет угрозами и насилием.

Я изобразила покорность. Сдалась, глядя ему прямо в глаза и обещая, что всё будет по-прежнему, что мне просто нужно «переспать» с этой мыслью и завтра я снова стану его. Это была наглая, отчаянная ложь, единственное оружие, которое могло вытащить меня из этого ада живой.

Он поверил. Его самолюбие подпиталось моей фальшивой слабостью. Прежде чем открыть замок, он жадно, почти с присвоением впился в мои губы, словно ставя клеймо на своей собственности, и наконец отпустил.

++++

Я влетела в квартиру Леры, почти не видя дороги из-за пелены слез. Грудь сдавливало так, будто на неё положили бетонную плиту, я задыхалась, пытаюсь вытолкнуть из себя хоть каплю воздуха. Лера, испуганно вскрикнув, буквально затащила меня внутрь.

Я выплеснула Лере всё, что произошло в аудитории, не скрывая ни одной пугающей детали. Подруга просто обомле-

ла, слушая мой сбивчивый рассказ; в её глазах читался пер-
вобытный ужас.

— Мы что-нибудь придумаем, Кира... Обязательно что-
то решим, — шептала она, пытаясь то ли меня успокоить, то
ли саму себя.

Серёга всё это время не произнёс ни слова. Он застыл ка-
менным изваянием, глядя на меня тяжелым, немигающим
взглядом. Его молчание давило сильнее любых криков, а ко-
стяшки пальцев на сжатых кулаках побелели так, что, каза-
лось, кожа вот-вот лопнет. В этом жесте было столько сдер-
живаемой ярости, что стало ясно: для Марка Левицкого без-
опасное время закончилось.

— Всё, хватит! Нахрен его, поняла? Забудь фамилию Ле-
вицкий, его больше нет! — кричала Лера, пытаясь пере-
крыть мой плач.

Не зная, как еще меня успокоить, она схватила телефон.
Прошло совсем немного времени — я всё еще сидела на по-
лу, содрогаясь от икоты, — как в дверь позвонили. На поро-
ге стоял Дима.

Я выпучила на него глаза, не понимая, как он здесь ока-
зался так быстро.

— Ты... как?

— Я живу этажом выше в этом же подъезде, — тихо отве-
тил он, опускаясь на корточки прямо перед моими ногами.

Он осторожно притянул меня к себе, усаживая на свои
колени, и начал медленно расстегивать мой плащ. Когда тя-

желая ткань соскользнула с плеч, он внезапно замер и глухо чертыхнулся.

— Черт, Кира — в его голосе послышался опасный рокот.

Я проследила за его взглядом и вздрогнула. На моих руках, там, где Марк вцеплялся в меня мертвой хваткой, уже начали расцветать уродливые багровые синяки. Вид этих следов насилия в уютном свете квартиры казался чем-то инородным и жутким.

— Я сейчас принесу во что переодеться! — Лера, заметив мой взгляд, быстро засеменила в комнату. Через минуту она вернулась и всунула мне в руки стопку вещей: мягкую пижаму и свежее белье. — Живо в душ, Кир. Смой с себя этот день, всю эту грязь.

Я на автомате побрела в ванную, чувствуя на спине тяжелый, обжигающий взгляд Серёги. Казалось, воздух в комнате наэлектризовался от его ярости.

Она подтолкнула меня к ванной. Уже закрывая дверь, я услышала низкий, обеспокоенный голос Димы, обращенный к Лере:

— Ты уверена, что её можно оставлять одну в душе? Она же едва на ногах стоит.

— Кир, ты только не закрывайся на замок, ладно? — голос Леры через дверь звучал непривычно мягко, с нотками той самой детской тревоги. — Мы будем в гостиной, прямо за дверью.

Я ничего не ответила, лишь дважды отчетливо стукнула

по кафелю. Лера тут же отозвалась:

— Она в норме, скоро выйдет! — это было адресовано Диме.

Наш старый позывной. Мы придумали его еще в десять лет, когда в летнем лагере вдвоем выдрали клочья волос девочкам из третьего отряда за то, что те стебали нас из-за старой одежды. Нас тогда заперли в темном чулане, разделив тонкой деревянной перегородкой, и мы весь вечер перестукивались, проверяя, не струсил ли другая.

Слезы снова полились градом, смешиваясь с горячими струями душа. Вместе со слезами просыпалась ярость — та самая, дикая, которую я годами пыталась похоронить под слоями масляной краски и изящных эскизов. Я так хотела быть просто художницей, любить искусство, созидать... Но эта натура всё равно выплескивалась — то в жестких иглах тату-машинки, то в сорванных костяшках.

Мой отец, владелец подпольного клуба, не нашел ничего лучше, как воспитать меня бойцом после смерти мамы. Для всего того мира я была не нежной Кирой, а «Кирюхой». Это имя стало моим клеймом и моей защитой. Друзья знали: «Кирюха» просыпается только тогда, когда перейдена черта. Но если кто-то чужой называл меня так без разрешения или лез под кожу, когда зверь внутри уже скалился — я переставала себя контролировать.

После той ночи в клубе, когда я увидела его с рыжей, Лера сказала прямо: «Возвращайся в старое русло, Кир. Это то,

что помогает тебе выживать». И я вернулась. Позвонила отцу.

Отец — человек жесткий, но справедливый. Даже живя в другом городе, он оставался моим единственным нерушимым тылом. Сначала он долго ворчал в трубку, мол, я уже не та сопливая девчонка, мне пора строить свою семью, а мой талант к искусству — это то, чем он по-настоящему гордится. Он даже прислал мне фото той женской фигуры в простыни, которую я слепила для него. Написал, что каждый вечер возвращается домой, смотрит на неё и понимает: его дочь — настоящий мастер.

Но услышав мой надломленный голос, он просто сказал: *«Доступ открыт. Иди и выбей из себя эту дурь, Кирюха. Зал в твоём распоряжении».*

Я вышла из душа, чувствуя, как влажный пар все еще обволакивает кожу, но тяжесть в груди никуда не делась. Лера тут же перехватила меня в коридоре, всучив в руку высокий бокал с чем-то ярко-красным и ледяным.

— Думаю, кофе сейчас точно не к стати, — отрезала она, подталкивая меня к кухне. — От него только сердце зайдет-ся. Выпей это, тебе нужно расслабить нервы.

Дима, сидевший за столом, понимающе подмигнул мне. Я лишь кивнула, залезла на высокий барный стул и просто уронила голову на прохладную столешницу.

— Чувствую себя убого, — глухо проговорила я в лакированное дерево.

— Это пройдет, Кир, — Лера яростно загремела посудой.
— Всё проходит.

++++

Утро началось с того самого ощущения, которое я уже однажды испытывала — вязкое тепло, чужое дыхание и спина, преграждающая путь к реальности. Я уткнулась щекой в горячую, мускулистую поверхность, и мои рецепторы тут же зафиксировали потрясающий аромат: свежие нотки хвои и терпкая мята. Этот запах действовал как транквилизатор. На мгновение мне показалось, что я не в душной многоэтажке, а где-то в уединенном домике посреди лесной чащи, и на душе стало так спокойно, что захотелось остаться в этом коконе навсегда.

Но разум включился раньше чувств. «Неужели я снова сдалась? Неужели это Марк?» — паника ударила в виски. Но аромат другой. Я попыталась осторожно вытянуть свою руку из-под его бока, но она не поддалась. Я потянула сильнее, уже готовая к худшему, и тут же услышала низкий мужской стон. Хватка на моей ладони не ослабла, а наоборот — он перехватил мои пальцы и переместил их себе на грудь, прижимая к горячей коже, которую я чувствовала даже через его футболку.

Я жадно выдохнула, чувствуя, как сердце делает кульбит. Резко приподнялась на локтях и застыла. Прямо передо мной на подушке лежала коротко стриженная макушка.

— Черт! Митя! — я буквально подпрыгнула на кровати,

вырывая руку.

Он подскочил следом, как по тревоге, дико озираясь по сторонам в поисках опасности, которая могла меня так напугать. Я же мгновенно скатилась с матраса, лихорадочно осматривая себя.

— Пижама на месте... — прошептала я, переводя дух. Посмотрела на него — он был в футболке и спортивных штанах. — Черт бы тебя побрал! Я думала, мы вчера... — я неопределенно обвела пальцем кровать, чувствуя, как лицо заливают краска.

— Напугала, — Дима со стоном рухнул обратно на подушки, по-хозяйски занимая и мою половину и обнимая мое одеяло.

— Успокойся, киса, — пробубнил он в подушку, даже не открывая глаз. — Я не такой кретин, каким ты меня считаешь. У меня строгое правило: только с официальным разрешением. К тому же, Лера бы меня кастрировала, если бы я воспользовался твоим «беспамятством».

— Хотя кто-то им не пользуется, — буркнула я, пытаюсь скрыть смущение за сарказмом.

Дима тут же вскинул голову. На его лице расплылась дерзкая, хищная улыбка. Он грациозно, словно дикий зверь на охоте, поднялся с кровати и начал медленно подкрадываться ко мне, сокращая расстояние.

— Разрешить? — прошептал он, опасно сокращая дистанцию.

— Ещё чего! — я с силой уперлась ладонями в его горячую грудь, когда он почти навис надо мной.

От неожиданного толчка он не удержал равновесие и картинно повалился обратно на подушки, раскинув руки.

— Ты мне вчера совсем другое обещала... — протянул он.

— Всё, я передумала, чего бы я там не обещала.

— Ай... разбила сердце, как и предупреждала, — он прижал руку к груди, изображая смертельную рану.

Я не выдержала и рассмеялась, глядя на этот театр одного актера.

— Хватит вести себя как ребенок! Почему ты вообще здесь остался? У тебя же квартира этажом выше.

— А ты реально не помнишь? Черт... точно. У тебя какая-то аномальная аллергия на алкоголь, которая тупо стирает самые интересные файлы, — он приподнялся на локтях. — Если я сейчас скажу, что у нас был шикарный секс, ты поверишь?

Я замерла на месте, на секунду прислушиваясь к ощущениям своего тела.

— Нет. То, что «шикарный» — точно не поверю. А вот что какой-нибудь «тяп-ляп» — может быть, потому что я вообще ничего не чувствую. Тишина в эфире.

Дима хмыкнул, явно довольный моим ответом.

— Тогда всё нормально. Ты просто вцепилась в мою руку и попросила остаться рядом.

Я замерла, уже вытаскивая из шкафа полотенце, и мед-

ленно обернулась к нему.

— Правда?

— Честное слово, — пробубнил он, снова утыкаясь лицом в подушку. — Лерка с Серёгой ушли в мою квартиру. Надеюсь, они там окончательно ничего не разнесут, пока будут наводить марафет. А я остался с тобой, как ты и просила. Честно говоря, я порывался унести тебя к себе, но твоя подруга заявила, что ты проснешься и с перепугу пропишешь мне двоечку в челюсть прямо в постели.

Я закусила губу, чувствуя, как внутри разливается странное тепло. Он мог воспользоваться моментом, мог уйти, но остался просто «греть спину», потому что я попросила.

— Я не собираюсь за это с тобой спать, так и знай! — я сурово ткнула в него пальцем, отчаянно пытаюсь вернуть себе хоть крохи контроля над ситуацией.

Дима лениво оторвал голову от подушки, и его губы расплылись в наглой, чертовски сонной улыбке, от которой по коже пробежал ненужный холодок.

— Мы уже спали, Кир, — протянул он своим низким, вибрирующим голосом.

— Я не об этом, и ты прекрасно понимаешь! — вспыхнула я, чувствуя, как лицо заливают предательский румянец.

— Как скажешь, киса, я не настаиваю, — бросил он и снова безмятежно уткнулся лицом в матрас, демонстрируя просто запредельное спокойствие.

«Серьезно?» — пронеслось у меня в голове. Я замерла,

недоверчиво глядя на его широкую спину. Все мужчины вокруг вечно пытались найти повод, чтобы залезть мне в трусы, а этот... не настаивает?

— Ладно, всё, я в душ и бегом на учебу! — бросила я, пытаюсь собраться с мыслями.

Я машинально схватила со стола телефон, взглянула на экран и замерла. Десять утра?! Глаза едва не выскочили из орбит, а сердце пропустило удар.

— Так, отмена, какой душ! Без душа! — в панике закричала я, принимаясь лихорадочно метаться по комнате, вытряхивая содержимое шкафа в поисках хоть чего-то пригодного для выхода в свет.

В этот самый момент дверь распахнулась, и в квартиру с диким, ультразвуковым писком влетела Лерка. Она была в одном кружевном белье и выглядела как воплощение хаоса.

— Мы проспали! Пропали, Кира! Левицкий нам бошку оторвёт и к экзамену не допустит, вот помани слово,— вопила она, кружась на месте и пытаясь одновременно натянуть юбку.

— Лера, не ори, а дай мне хоть что-то из шмоток! — взмолилась я, судорожно соображая. — Я же не попрусь туда в этой пижаме!

— А могла бы! — огрызнулась подруга, сражаясь с непокорными колготками. — Заявилась бы прямо так и сказала этому уроду Левицкому, что тебе на него настолько плевать, что ты даже одеваться ради его пар не сочла нужным! Мол,

встала и пришла как была!

— А ты долго еще будешь в таком виде тут бегать?! — я возмущенно ткнула пальцем в сторону дверного проема, где как раз материализовался заспанный Дима.

Понимая, что сейчас начнется неконтролируемый парад наготы, я мгновенно подскочила к нему и с силой налепила свои ладони ему на лицо, закрывая глаза.

— Даже не смей смотреть! — прикрикнула я, чувствуя, как паника смешивается с нелепостью ситуации. — Серёга тебе не просто нос сломает, он тебя на атомы расщепит, если узнает, в каком виде ты тут застукал его девушку! Отворачивайся, живо!

Я изо всех сил попыталась развернуть этого упрямого великана спиной к гостинной, но Дима, чьи глаза всё еще были плотно закрыты моими ладонями, действовал на опережение. С ловкостью профессионального борца он перехватил мои запястья и одним резким, уверенным движением дернул меня на себя. В следующую секунду я оказалась в капкане его рук, намертво прижатая к горячему мускулистому торсу. Моя макушка едва доставала до его подбородка, и я кожей чувствовала каждый удар его сердца.

— Да прикройся ты уже, дурында! — в отчаянии выкрикнула я Лере через его плечо, на всякий случай зажмурившись сама, чтобы не стать невольной свидетельницей этого позора. — Ты что, реально хочешь, чтобы его убили нечаянно прямо здесь из-за твоих кружевных трусов?!

Дима лишь низко, вибрирующе рассмеялся, и этот звук отозвался дрожью во всём моем теле, заставляя на мгновение забыть и про Леру, и про чертов экзамен.

— Приятно, что ты так печешься о моей жизни, киса, — промурлыкал он прямо мне в макушку, и я почувствовала, как его губы растянулись в довольной ухмылке.

— Не обольщайся, — огрызнулась я, пытаюсь высвободиться. — Просто не хочу быть свидетелем убийства. Меня же потом по допросам затаскают, заставят протоколы подписывать и опознания проводить. Лишняя волокита!

Он снова низко рассмеялся, обдавая мою шею жаром.

— Ладно, уговорила, я не смотрю.

Дима наконец убрал свои ладони от моего лица, открыл глаза и уставился прямо на меня, игнорируя всё, что происходило за его спиной. Но Лерка — эта ходячая катастрофа — не дала нам насладиться моментом. Она бесцеремонно вклинилась между нами, расталкивая нас в стороны. Из одежды на ней по-прежнему были только юбка и лифчик, а в глазах метались молнии.

— Вы чего встали тут как памятники?! Где моя белая блузка, Кира?! — заорала она, проносясь мимо.

Дима произвольно вытаращил глаза, наткнувшись взглядом на этот парад наготы, а я просто застонала, закрывая лицо руками.

— Всё... Теперь он точно труп. Серёга его прикончит, как только мы за порог выйдем.

Дима тут же испуганно зажмурился и буквально уткнулся носом мне в шею, прячась от «запретного» зрелища.

— Я нечаянно! Клянусь, она сама выскочила! — пробормотал он в мою кожу.

Но Лерка не унималась. Она цепко схватила меня за плечо, буквально выдергивая из его объятий и впихнула мне в руки платье и сапоги на шпильке.

— Живо одевайся! Хватит миловаться. У нас пары, время поджигает! — Она подтолкнула меня к комнате. — Уверена, этот урод Левицкий сегодня злой как черт и будет заваливать нас с потрохами за каждую запятую. Нам нельзя опаздывать еще сильнее!

++++++

Мы влетели на парковку Академии на старенькой, но резвой машине Серёги, едва не снеся шлагбаум. Мотор еще не успел заглухнуть, как мы с Леркой уже выскочили из салона, на ходу поправляя одежду.

— Слушай, — Дима вышел следом из машины, решительно туша сигарету. Может я просто пойду с тобой и сяду с вами на пары. Буду твоей личной тенью. Посмотрю я, как он рискнет тебя тронуть, когда я буду сидеть за соседней партой.

Лера скептически фыркнула, поправляя выбившиеся пряди волос.

— Исключено, Дим. У нас на вахте церберы сидят, а не люди. Ты в списках не значишься, студенческого нет. Не раз-

решено впускать тех, кто не учится, правила академии жесткие. Тебя на первом же этаже развернут.

— А меня не развернут, — подал голос Серёга.

Все обернулись к нему. Серёга выпрямился и хитро прищурился.

— Забыли? Я в академии свой человек, я же у них натурщик. У меня пропуск вездеходный, меня охранники в лицо знают. Так что я пойду вместо Димы. Сяду на задний ряд, сделаю вид, что вдохновляюсь атмосферой.

Он сжал кулак, и костяшки сухо хрустнули.

— Тем более, Марк считает меня своим другом. Он расслабится, решит, что я пришел его поддержать. А мне как раз давно хочется набить ему рожу за всё то дерьмо, что он творит. Друг не друг, а за такие вещи надо отвечать.

Дима тяжело выдохнул, глядя на то, как Серёга и Лера уже всю планируют «операцию прикрытия». Он подошел ко мне, осторожно взял за локоть и отвел в сторону, подальше от общего шума.

— Послушай, — его голос стал непривычно серьезным, почти глухим. — Если этот план даст осечку или тебе просто станет не по себе... если он хотя бы посмотрит на тебя не так — просто включи диктофон. Сразу.

Он на мгновение замолчал, подбирая слова, и добавил, не отводя взгляда:

— Или напиши мне одно любое слово. Я приеду и выкраду тебя оттуда прямо посреди лекции. Плевать на правила

и охрану.

Я почувствовала, как к горлу подступил комок тепла. Глядя в его обеспокоенные глаза, я лишь невольно улыбнулась.

— Ты делаешь слишком много для просто помощника, Дим. Спасибо тебе.

Прежде чем он успел что-то возразить, я быстро потянулась к нему и мимолетно чмокнула в щеку. Его кожа была прохладной, а сам он на секунду замер, явно не ожидая такой спонтанности.

Когда мы с грохотом распахнули массивные двери кабинета, воцарилась гробовая тишина. Марк Владимирович медленно поднял голову от ведомостей, и его глаза буквально вылезли на лоб. Он смотрел на нас так, будто увидел двух призраков.

— Вы опоздали на сорок минут, — отчеканил он ледяным тоном, в котором, однако, промелькнула искра облегчения.

— Знаем, — дерзко отозвалась Лерка, тяжело дыша. — Так нам можно войти или нет? У нас форс-мажор с машиной случился, еле добрались на перекладных.

— Садитесь, — Марк сжал ручку так, что она едва не треснула. — Но кто знает, успеете ли вы закончить работу до конца пары.

— Уж постараемся, — пробубнила Лерка, проходя на место, а следом за ней и Серёжа.

Я же шла следом молча, стараясь сохранять невозмутимость, хотя каждый шаг на высоких шпильках отзывался

звонким эхом в тишине.

— Сергей, на сегодня вроде натурщики не требуются, у нас теоретическая лекция. Твоя помощь не нужна, так что можешь быть свободен, иди по своим делам, — проговорил Марк

Но Серёга даже не шелохнулся. Напротив, он с грохотом пододвинул свободный стул еще ближе и по-хозяйски уселся прямо между мной и Лерой.

— Да я сегодня тут по другой причине, Марк, — спокойно ответил Серёга, закидывая ногу на ногу и в упор глядя на «друга». — Решил самообразованием заняться. Посижу, посмотрю, послушаю... мало ли, какие интересные темы сегодня поднимут.

Марк застыл. Он перевел взгляд на меня, потом снова на Серёгу, осознавая, что его «личная территория» внезапно оказалась под охраной.

Я села за мольберт, стараясь абстрагироваться от его присутствия. Закрыла глаза на мгновение, пытаюсь поймать то самое чувство из сегодняшнего утра. В голове всё еще витал аромат Димы — терпкая хвоя и свежая, ледяная мята. Это было так странно и так... правильно.

В аудитории было душно, и я, стараясь не смотреть в сторону Марка, медленно стянула плащ. Как только ткань соскользнула с плеч, я почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от сквозняка, а от того, с какой тяжелой тишиной замерли ребята.

Лера дала мне свое лучшее платье — глубокого винного цвета, шелковое, на тонких бретелях. Оно сидело как влитое, подчеркивая каждый изгиб, но теперь оно выставляло напоказ и кое-что другое. На моих бледных плечах и предплечьях отчетливо проступали багрово-синие пятна — следы пальцев Марка, оставшиеся после его вчерашней «вспышки страсти», которая больше походила на нападение.

Я краем глаза заметила, как Марк, сидевший за своим столом, резко нахмурился. Его пальцы, сжимавшие карандаш, побелели. Он не ожидал, что я решусь это показать.

Серёга, сидевший рядом со мной, болезненно поморщился, глядя на мои искалеченные плечи. Его кулаки под столом сжались так, что затрещало дерево стула. Он наклонился к Лере и сквозь зубы шепнул:

— Лер, ты о чем думала? Могла бы дать ей что-то закрытое, с рукавами... На неё же все смотрят. Ей и так тошно.

Лера даже не повернула головы. Она смотрела прямо на Марка колючим, торжествующим взглядом.

— Нет, — отрезала она шепотом, в котором звенела сталь. — Пусть видит, что натворил. Пусть каждый в этой аудитории знает, какая он мразь. Хватит прятать его «подвиги» под длинными рукавами.

Костик, который всегда оказывался не в том месте и не в то время, беспардонно наклонился чуть ли не к самому моему плечу, разглядывая отметины. Его наивность сейчас казалась почти святой на фоне того напряжения, что вибриро-

вало в воздухе.

— Эй, что случилось? — проговорил он, вытягивая шею.
— Кто это тебя так?

Я почувствовала, как Марк замер в двух шагах, ловя каждое мое слово. Его дыхание стало тяжелым, рваным. Я заставила себя поднять подбородок и выдавить равнодушную усмешку.

— Ничего страшного, Кость, — бросила я, поправляя тонкую бретельку платья, которая едва прикрывала самый темный след на ключице. — В спарринг играла. Немного не рассчитали силы.

Костик картинно закатил глаза и фыркнул, явно не заметив, как побледнел Марк и как опасно подался вперед Серёга.

— Ну зачем... — отозвался он, разочарованно качая головой. — Ты же всё время проигрываешь. Опять в защите дыры?

Марк издал какой-то странный звук, похожий на подавленный рык. Для всех остальных слова Костика были про спорт, но для Марка они прозвучали как пощечина. «Проигрываешь». «В защите дыры». Он знал, что в его «игре» защиты у меня действительно не было.

— Она больше не проигрывает, Кость, — тихо, но отчетливо вставил Серёга. — Теперь у неё отличный тренерский состав.

После того как шепотки в аудитории немного утихли, а

Марк, так и не дождавшись от меня ни слова, медленно вернулся к своим делам, я наконец приступила к работе. Задание было не сложным и открытым: «Внутренний мир».

Вопреки всем правилам академической анатомии, которые я зубрила годами, я начала наносить штрихи. Никаких мужских спин, никаких страдающих лиц или разбитых сердец. На листе начал проступать густой, туманный лес, величественные горы и крошечный, почти игрушечный деревянный дом, затерянный в зелени. Вместо классической рамки я пустила по краям сплетение диких лиан и нежных лесных цветов.

Ни одной надписи. Только душевное состояние этого утра,

Это осознание накрыло меня прямо посреди штриховки, заставив руку на мгновение замереть. На удивление, в этот раз я ни от кого не бежала утром, в панике кутаясь в простыни, и от меня тоже никто не сбежал, оставив после себя лишь холодную подушку и горький привкус разочарования.

Я успела закончить работу ровно к финальному звонку. Пейзаж, в отличие от сложной анатомии, требовал не математической точности, а настроения, и оно лилось из-под моего карандаша широкими, уверенными мазками. Поставив размашистую подпись в углу, я положила лист на стол Марка и, не глядя на него, вышла в коридор.

Серёге позвонили и он тут же умчал в закат попросим в случае чего звонить.

Я прислонилась затылком к холодной стене и закрыла глаза, пытаясь удержать внутри то хвойное спокойствие, что подарило мне утро. Но тишина длилась недолго. Я почувствовала теплое касание к своей ладони и резко распахнула веки.

Передо мной, почти вплотную, сидел Андрей. В его взгляде мешались беспокойство и какая-то решимость.

— Кир, всё нормально? Ты выглядишь бледной, — он попытался сжать мою руку, и я инстинктивно поежилась, отодвигаясь по лавке.

Но он и не думал уступать.

— Я хотел поговорить. Может, сходим сегодня поужинать? В то кафе на углу, — начал он, но договорить не успел.

В следующую секунду Андрей с глухим стуком грохнулся на задницу — Лера, проходя мимо, «случайно» задела его бедром с такой силой, что он не удержал равновесие. Она невозмутимо села на его место рядом со мной.

— Угони свой пыл, Беркут, — отрезала она, даже не глядя на него. — У неё на сегодня другие планы.

В этот момент дверь аудитории распахнулась.

— Заходите, — коротко бросил он. — Оглашение результатов.

Марк методично оглашал оценки, пока наконец не выудил мой лист из стопки. Он долго всматривался в туманный лес, словно пытался отыскать там тропинку к моему прощению.

— Ардова... — он сделал паузу, прочистив горло. — Несмотря на то, что подобный стиль и тематика вам совер-

шенно не свойственны, признаю: работа выполнена на высоком уровне. Атмосфера передана мастерски.

— С чего вы взяли, что мне это не свойственно? — я дерзко вскинула подбородок, ловя его взгляд. — Просто раньше я видела в мужчинах только тело, форму. А теперь, знаете ли, научилась видеть изнанку. Это так удивительно... Но рисовать грязь мне не захотелось, поэтому я изобразила то, что первым пришло на ум в это солнечное утро.

Марк на мгновение окаменел, желваки на его лице заходили ходуном. Он молча раскрыл мою зачетку и размашисто вписал оценку.

— Хорошо. Ставлю «отлично», — сухо произнес он.

— Благодарю, — я мгновенно вырвала книжку из-под его руки, не давая закрыть, и уже развернулась к выходу, но его голос пригвоздил меня к месту.

— Ардова, стоять. Вы мне не сдали еще одно задание по теории, поэтому останетесь. Сейчас я отпущу группу, а вам придется закрыть долг здесь и сейчас.

— Я всё сдала! — я нахмурилась, чувствуя подвох.

Но он молча протянул мне чистый бланк с вопросами, которых я раньше в глаза не видела. Я вытаращила глаза, понимая, что он просто выдумал этот «долг», чтобы запереть меня в кабинете.

— Ладно. Доделаю, — бросила я через плечо.

Лера смирив Марка уничтожающим взглядом, поправила сумку и шепнула мне: «Жду внизу, если через десять ми-

нут не выйдешь — вызываю ОМОН». Я лишь коротко кивнула и села на свое место, пытаюсь сосредоточиться на теории искусства. Но в голову лезло всё что угодно: мятный кофе Мити, хруст носа той блондинки, тепло чужой спины — но только не сухие термины.

— Может, вам помочь? — подал он голос из-за стола, в его интонациях проскользнула пугающая мягкость.

— Сама справлюсь, — отрезала я, не поднимая головы.

Прошло пять минут тишины. Я смотрела на пустой лист, чувствуя, как внутри всё клокочет.

— Видимо, вы целый месяц валяли дурака, а не учебой занимались, раз не можете ответить на элементарные вопросы, — язвительно заметил он.

Я вскипела.

— Куда мне до вас, Марк Владимирович! Ведь вы у нас мастер по валянию... и не только дурака, не так ли? Еще и женщин отлично валяете, вон, целые штаты.

— Кира! — он резко встал, отодвигая стул с противным скрежетом. — Я...

— Даже слушать не хочу! — перебила я его, выставив руку вперед, словно защищаясь от его слов. — Сидите на своем месте и ждите мою работу. Между нами теперь только учебный процесс.

— Кира... — в его голосе послышалось не просто оправдание, а настоящее сокрушение, от которого у меня на мгновение дрогнуло сердце, но я тут же заставила его замолчать.

Марк в три шага преодолел расстояние между нами, резким движением вырвал бланк из моих рук и, не глядя, разорвал его в клочья. Белые обрывки посыпались на пол, как искусственный снег. Я вскочила с места, бешено дыша, сердце колотилось где-то в горле.

— Какого хрена ты творишь?! — выкрикнула я.

— Ты выслушаешь меня, и точка! — рывкнул он, нависая надо мной.

— Не надо мне указывать!

— Она сама накинулась на меня в том клубе...

— Еще скажи, что ты с ней не спал, — бросила я ему в лицо, прищурившись.

Марк внезапно замер. Тишина в кабинете стала удушающей. Он отвел взгляд, и я почувствовала, как внутри меня что-то окончательно рассыпалось в прах. Я вздёрнула брови, чувствуя, как к лицу приливает жар ярости.

— Черт... — прошептала я. — Всё-таки спал.

— Она моя бывшая, так получилось! — он снова вскинулся, его голос дрожал.

Я не дала ему договорить. Размахнулась и влепила ему звонкую, обжигающую пощечину. Звук удара хлестко отразился от стен.

— Тогда для кого вся эта сцена, Марк?! — прошипела я, захлебываясь от обиды. — Ты мерзкий. Никакая я тебе не муза, понял?! Ты — просто очередной кабель, собирающий новых игрушек.

— Кира, послушай...

— Да пошел ты! — я с силой оттолкнула его в грудь, схватила сумочку и, не оборачиваясь, вылетела из кабинета.

Я неслась по коридору, не разбирая дороги, а Марк, этот самоуверенный хлыщ, даже не думал отставать. Его тяжелые шаги эхом отдавались от сводов Академии, вбивая меня в еще большую панику.

— Кира, стой! — летел мне в спину его голос, в котором теперь мешались и властность, и отчаяние.

— Марк Владимирович, даже не смейте! — выкрикнула я через плечо.

Студенты в коридорах испуганно расступались, провожая нас недоуменными взглядами. Я лавировала между ними, используя толпу как живой щит, лишь бы он не смог схватить меня за руку и снова запереть в своих лживых оправданиях.

— Кира, черт бы тебя побрал, остановись! — рывкнул он, уже не скрывая злости, когда мы выскочили на крыльцо.

— Не надо мне указывать! — прошипела я, слетая по ступеням вниз.

Я летела к знакомому автомобилю, припаркованному у ворот. Рядом замерли Лера с Серёгой, а из машины уже выходил Дима, явно почувствовавший неладное. Я влетела в него на бегу, крепко обхватывая за плечи. Его взгляд мгновенно просканировал моё бледное, запыхавшееся лицо и остановившиеся от слез глаза.

— Всё нормально? Почему так долго? — спросил он, а

затем медленно поднял голову, встречаясь взглядом с Марком, который замер в паре метров от нас.

Воздух между ними буквально заискрился от напряжения. Марк тяжело дышал, его кулаки были сжаты, а вид — совершенно невменяемый. Дима же, напротив, был пугающе спокоен. Он не убирал руки с моей талии, демонстрируя, кто здесь лишний.

— Работу сдала? — тихо спросил он, возвращая внимание ко мне.

— Да, — прошептала я, утыкаясь носом в его куртку, лишь бы не видеть Левицкого.

— Тогда поехали.

Он открыл передо мной дверь, и я нырнула в спасительную жару салона. Марк сделал шаг вперед, его рот открылся, чтобы что-то выкрикнуть, но Дима захлопнул дверь и, обернувшись к нему, коротко бросил:

— Больше не преследуй её. Для тебя это кончится плохо.

Мы сорвались с места, оставив Марка одного посреди парковки. Я смотрела в зеркало заднего вида, как его фигура становится всё меньше, пока окончательно не исчезла за поворотом.

глава 20 «Начало нашего пути»

Дима

Наш план был выверен до мелочей, как сложная часовая схема, и всё сработало с первого же такта. До этого дня я держал дистанцию — ни одного лишнего движения, ни одного касания, которое могло бы выдать мой собственный пожар. Я был для неё тренером, напарником, соучастником, кем угодно, но только не мужчиной, который мечтает быть с ней.

Но когда настал «день икс», и мы переступили порог Академии, я включил всё своё актёрское мастерство. Я демонстрировал виртуозную игру парня, который буквально дышать без неё не может, который обожает каждый её жест. Я притягивал её к себе за талию, вдыхал запах её волос, ловил каждое слово с притворной нежностью...

А ведь в этом и была самая большая ирония. Мне не нужно было ничего играть.

Каждое моё прикосновение было пропитано настоящим током, каждый взгляд — неподдельной страстью. Я тащился от неё до дрожи в руках, до помутнения в рассудке. А она? Она в это время выдавала гениальную игру, используя меня лишь как щит и оружие. Она всё ещё принадлежала тому миру, той боли и *ему*, а я был просто красивой декорацией в её личной вендетте, где она меня не помнит.

Вот и вся лажа моего мира: я стал лучшим в роли, которую мечтал проживать по-настоящему, зная, что как только занавес упадет, она снова ускользнет в свои мысли о другом.

Я видел, как Марк буквально распадался на части, глядя на нас. План удался. Мы победили. Но почему-то, чувствуя её руку в своей, я ощущал себя проигравшим.

++++

Сейчас я веду машину, а рядом со мной Кира — злая, взвинченная, с этим уже ставшим мне знакомым болезненным блеском слез в глазах. В салоне повисла тяжелая, почти осязаемая тишина, но внутри меня всё ликует, вопреки здравому смыслу. Чертовски приятное, почти физически ощутимое чувство собственности накрыло меня с головой, проникая в каждую клетку.

Я до сих пор прокручиваю в памяти эту картину, смакуя детали: Кира на своих сумасшедших каблуках буквально слетает по лестнице Академии, а за ней несется этот Левицкий. Он выглядел как разъяренная скала, за которой сходит лавина — бешеный, неуправляемый, окончательно теряющий остатки своей хваленной самообладания. Я видел его лицо в тот момент и понимал: его трясет не от того, что она опоздала или сорвала какую-то там пару. Он был в ярости от того, что она больше ему не подчиняется, что он потерял над ней власть.

И то, как она впорхнула в мои объятия... Черт, в этот момент мир для меня просто перестал существовать. Она иска-

ла во мне спасения, пряталась за меня от него, и я готов был прямо там выстроить вокруг нее стену из бетона и каленой стали, лишь бы она чувствовала себя в безопасности. Я готов дать ей всё, что она попросит — тишину, месть, самую мою жизнь — лишь бы она не переставала смотреть на меня. И не как на актера из массовки или парня, который просто удачно подвернулся под руку, чтобы побольнее уколоть бывшего.

Я хочу, чтобы она наконец увидела во мне не «план Б» и не временное убежище, а единственный верный путь. Чтобы ее взгляд, когда она цепляет меня пальцами за край куртки, был продиктован не страхом перед ним, а искренним желанием быть со мной.

Я сильнее сжимаю руль, мельком глядя на её точеный профиль. Она молчит, уставившись в окно, но я чувствую, как её тело сотрясает мелкая, нервная дрожь.

— Кир, — негромко произношу я, не прибавляя скорости, чтобы не спугнуть момент. — Мы уехали. Слышишь? Его больше нет рядом. Просто дыши. Может, мне всё-таки разбить ему морду, а? — проговорил я, и в голове уже нарисовался приятный звук хруста его аристократичного носа.

Кира медленно повернулась ко мне. Её взгляд был пустым, выжженным изнутри.

— А может, — сухо отозвалась она, и в её голосе было столько горечи, что я едва не поморщился. — Я такая дура, знаешь ли. Знала ведь, что в этом омуте ловить нечего, и всё равно сунулась. Что со мной не так, а, Мить?

По её щекам снова потекли слёзы — беззвучно, оставляя мокрые дорожки на бледной коже. Я не выдержал, резко крутанул руль, припарковал машину на обочине и врубил аварийки. В салоне стало ритмично щелкать, отмеряя секунды нашего общего безумия.

— Всё с тобой так, ясно? — я развернулся к ней всем корпусом. — Просто он грёбанный урод, вот и всё. Они все грёбанные уроды, киса. А ты просто живая.

— Может, мне и правда в монашки пойти? — проговорила она, отрешённо глядя в лобовое стекло, где в свете фар кружилась пыль. — Лерка всегда говорит, что в этом мешковатом шмотье я очень похожа...

И тут я заржал. Как бы я ни старался сохранять серьёзность, как бы мне ни было её жалко, я просто заржал в голос, до колик. Представил Киру — с её татуировками, пирсингом, этим взглядом хищницы и сорванными костяшками — в монашеском одеянии.

— Ты? В монашки?! — я вытирал выступившие от смеха слёзы. — Кир, да тебя в первый же день оттуда выгонят за то, что ты игуменье двоечку пропишешь или алтарь разрисуешь в стиле киберпанка. Не смей мои подковы!

Я бросил короткий взгляд на Киру — она всё ещё смотрела вперёд, но уголки губ чуть дрогнули, выдавая намёк на улыбку. Этот едва заметный жест заставил моё сердце пропустить удар.

— Ну, может, я и преувеличиваю, — тихо сказала она, по-

правляя прядь волос, выбившуюся из причёски. — Но иногда так хочется просто исчезнуть. Стать кем-то другим. Без всей этой грязи, без прошлого, которое тянет вниз.

Я сжал руль чуть сильнее, стараясь унять внезапную волну ярости — на тех, кто заставил её так чувствовать.

— Кира, — я говорил медленно, взвешивая каждое слово, — ты не обязана становиться кем-то другим. Ты — это ты. И в этом вся магия. В твоей дерзости, в твоём упрямстве, в том, как ты смеёшься так громко, что все оборачиваются. В том, как ты смотришь на мир — будто бросаешь ему вызов. Это не нужно прятать. Это нужно праздновать.

Она повернула голову, и наши взгляды встретились. В её глазах всё ещё плескалась боль, но сквозь неё пробивался слабый, робкий огонёк любопытства.

— Ты правда так думаешь? — прошептала она.

— Клянусь, — я положил ладонь на её руку, лежащую на колене. — И если тебе нужно исчезнуть хоть на день, мы можем это устроить. Прямо сейчас. Покинем город, найдём какой-нибудь домик у озера, будем есть пиццу и смотреть дурацкие фильмы, пока не надоест. Никаких звонков, никаких «бывших», только ты и я.

Кира молчала несколько секунд, словно взвешивая мои слова. Затем неожиданно рассмеялась — коротко, но искренне, без горечи.

— Пицца и фильмы? Это твоя версия романтического побега?

— Лучшая версия, — я подмигнул ей. — К тому же, я знаю местечко, где делают пиццу с трюфелями и пармезаном такой толщины, что им можно отбиваться от назойливых бывших.

Она фыркнула, а потом вдруг повернулась ко мне всем телом.

— А если я скажу «да»? Если я захочу этот побег? Ты правда готов бросить всё и уехать со мной?

Я выключил двигатель — машина как раз остановилась на красный свет — и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я готов уехать с тобой хоть на край света, Кира. Хоть сегодня. Хоть сейчас.

Её пальцы слегка сжали мою ладонь. Впервые за долгое время в её взгляде не было страха или отчаяния. Было что-то новое — осторожная надежда, смешанная с удивлением.

— Тогда — она глубоко вздохнула, её голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки, — тогда поехали. Думаю, мне и вправду нужна перезагрузка. Но я всё же хотела бы позвать Леру и Серёжу. Они мне тоже безумно помогают, нянчатся со мной, как с маленькой. А я, на минуточку, младше Лерки всего на полгода, — Кира нервно усмехнулась, слегка пожала плечами и отвела взгляд к окну, где за стеклом мелькали дома города. — Просто с ними мне как-то легче. Я не чувствую себя такой уязвимой.

Я на мгновение замер, обдумывая её слова. Внутри всё сжалось от лёгкой ревности — мне хотелось, чтобы этот по-

бег был только нашим, чтобы она полностью доверилась мне одному. Но я тут же подавил это чувство. Кира не игрушка, не трофей. Она — живой человек, которому нужна поддержка, а не ультиматумы.

— Конечно. Звони им. Чем больше друзей — тем веселее. И безопаснее, — добавил я с лёгкой улыбкой, пытаюсь разрядить напряжение.

Кира благодарно кивнула, достала телефон и быстро набрала сообщение. Через пару минут экран засветился ответом.

— Они согласны, — она подняла на меня глаза, в которых впервые за долгое время заиграли искорки настоящего, неподдельного оживления. — Лера уже собирает сумку, а Серёжа обещает подъехать к пиццерии через полчаса.

— Отлично, — я снова завёл двигатель. — Значит, сначала пицца. Потом вино. Потом — свобода.

— И перезагрузка, — добавила Кира, и на её губах наконец-то расцвела настоящая, живая улыбка.

глава 21 «Перезагрузка»

Я сидела в машине с Димой и улыбалась как дурочка. Его предложение — сбежать, устроить себе перезагрузку — сначала поставило меня в ступор. В голове пронеслось:

«Серьёзно? Просто взять и уехать? Куда? Как?»

А потом я вдруг отчётливо поняла: а почему бы и нет? Внутри что-то щёлкнуло. Не то чтобы я вдруг поверила, что всё станет легко и просто. Но может, хотя бы на пару часов получится забыть про Марка.

Дима смотрел вперёд, но я чувствовала, как он ждёт моего ответа. Его профиль от пробивающего солнца казался таким чётким, таким надёжным. Широкие плечи, упрямая линия челюсти, пальцы, расслабленно лежащие на руле. И эта его манера говорить — тихо, но так уверенно, будто он точно знает, что делает.

— Думаю, мне и вправду нужна перезагрузка, — выдохнула я наконец. — Но я всё же хотела бы позвать Леру и Серёжу.

Слова вырвались сами собой. Я тут же прикусила губу, боясь, что он обидится, решит, будто я ему не доверяю. Но нет — он просто кивнул, улыбнулся и сказал: *«Конечно. Звони им»*.

И вот тут меня накрыло.

Его согласие меня немного испугало. Не потому, что я бо-

ялась его или сомневалась, что он сделает что-то плохое. Со-
всем нет. Дима был другим. Не таким, как Марк. Он не да-
вил, не унижал, не пытался сломать. Он предлагал помощь
— просто так, без условий. Но именно это и пугало. Я не
знала, как себя вести с ним. Мы ведь даже толком не обща-
лись до всей этой истории с Марком. Да, приходилось играть
в «парня и девушку», чтобы позлить бывшего. Но это была
игра. Мы держались за руки на людях, иногда обнимались —
нарочито, демонстративно. Даже целовались — но наигран-
но. Без языка, без страсти, без чего-то такого, от чего пере-
хватывает дыхание. Просто касание губ, короткий жест, что-
бы Марк увидел и взбесился.

А теперь?

Я украдкой посмотрела на Диму. Он спокойно ждал, пока
я напишу сообщение Лере, и что-то насвистывал под нос. В
салоне играла тихая музыка, воздух пах кожей сидений и ед-
ва уловимо — его одеколоном. «*Что, если я всё испорчу?*» —
мелькнула паническая мысль. Что, если он ждёт от меня ка-
кой-то определённой реакции? Чего-то большего, чем я го-
това дать прямо сейчас?

Пальцы дрожали, когда я разблокировала телефон. Экран
засветился, высвечивая время. Вечер ещё не начался, а каза-
лось, будто за последние пару часов я прожила целую жизнь.

Быстро набрала сообщение, стараясь вложить в слова всю
отчаянную надежду и лёгкую панику, которые бурлили внут-
ри:

Я: «Белова, вопрос жизни и смерти, а возможно, даже лучшего дня и ночи. Дима предлагает устроить отрыв, перезагрузку головы. Пицца, вино и отдых у озера. Спасай.»

Отправила и затаила дыхание.

Дима покосился на меня, чуть приподняв бровь:

— Ну что, откликнулась твоя боевая подруга?

Я нервно рассмеялась:

— Сейчас узнаем. Лера без драмы не может, так что либо она скажет «да, конечно, я уже в пути», либо устроит допрос с пристрастием.

Телефон вибрировал почти мгновенно. Я вздрогнула и схватила его, будто он мог исчезнуть.

Лера: «Мы за. Я уже кидаю в чемодан всё подряд, а Серёж заводит машину. Будем у тебя через час.»

— Они согласны, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение, сковывавшее плечи, понемногу отпускает. — Лера пишет, что уже собирает вещи, а Серёжа заводит машину. Через час будут у меня.

Дима улыбнулся — широко, искренне, так, что у меня внутри что-то ёкнуло.

— Отлично, — он тронул машину с места. — Значит, сначала пицца. Потом вино. Потом — свобода и озеро.

— И перезагрузка, — добавила я, и на этот раз улыбка получилась настоящей, лёгкой, почти беззаботной.

Он кивнул, бросил на меня короткий взгляд — тёплый, понимающий — и сосредоточился на дороге.

++++

Через полчаса мы уже были у меня. Атмосфера в квартире всё еще искрила от того напряжения, что возникло в машине, но теперь к нему примешалось легкое, почти семейное предвкушение поездки.

— Ты собирай всё, что нужно, — Дима бросил ключи на тумбочку и обернулся ко мне. — Но лучше бери что-то удобное и теплое. У воды всегда прохладно, даже если днем жара. Я тоже сейчас метнусь домой за вещами, докуплю по дороге всё необходимое и вернусь за тобой. Часа через два, плюс-минус. Идет?

— Ладно, — я лучезарно улыбнулась, стараясь не выдать волнения, и направилась к шкафу. — Буду готова.

Достав из недр гардероба старую спортивную сумку, я резко потянула её на себя. И тут случилось то, чего я никак не ожидала: с верхней полки мне прямо на голову посыпались вещи из моего «прошлого», которое я старательно прятала.

Белоснежные бинты, капя в футляре, снаряжение... Всё то, что я доставала пару дней назад. Отец недавно открыл мне доступ в один из своих залов, и я не удержалась — ходила туда, чтобы «набить Марку рожу». Срывала злость и тоску на тяжелой кожаной груше, пока костяшки не начинали гореть.

Дима тут же подлетел ко мне, его лицо выражало искреннюю тревогу. Он перехватил падающий шлем и заглянул мне в глаза, проверяя, не зашибло ли.

— Эй, ты цела? — Его взгляд упал на гору экипировки у

моих ног. Он замер, медленно поднял капо и перевел взгляд на меня. — Это... это всё твоё?

В его голосе прозвучало не просто удивление, а настоящий шок. Тот самый Дима, который только что подкалывал меня из-за «монашеского» вида, сейчас держал в руках доказательство того, что я могу сломать человеку челюсть быстрее, чем он успеет сказать «привет».

— Это... это папино, — быстро соврала я, чувствуя, как краснеют уши. Я лихорадочно начала заталкивать бинты и снаряжение обратно на полку. — Завалилось просто. Старье.

Я захлопнула дверцу шкафа с таким видом, будто ничего не произошло, и обернулась к нему, нацепив самую невинную улыбку, на которую была способна.

— Ладно, — протянул он, и в этом коротком слове слышалось явное недоверие. — Если бы я не видел, как ты замираешь перед грушей, то подумал бы, что это и правда твоё. Но в прошлый раз ты смотрела на неё так, словно впервые увидела вживую, а в глазах читалось: «Сейчас я тебя уничтожу, но подумаю как правильно бить, чтобы не сломать руку».

Он рассмеялся — легко, открыто, — а мне стало не по себе. Внутри всё сжалось в тугий узел. Врать ему не хотелось, ложь всегда оставляла горький привкус, но и выкладывать все карты на стол я была не готова. Признать свои тайные увлечения из «прошлой жизни» означало разрушить тот хрупкий образ, который я так старательно выстраивала.

Я хотела, чтобы во мне видели девушку. Нежного, рани-

мого человека, которого хочется защитить, а не профессионального борца, способного постоять за себя в тёмном переулке.

— Если ты так и будешь стоять и рассуждать, мы и к ночи не соберёмся, — прервала я его изыскания, стараясь вернуть разговор в безопасное русло.

— Да-да, ухажу, — тут же отозвался он, пятась в прихожую.

Я замерла в дверях, наблюдая, как он легко впрыгивает в кроссовки и накидывает куртку. Каждое его движение было пропитано какой-то звериной уверенностью.

— И постарайся не прибить себя отцовскими вещами из шкафа, пока меня нет рядом, — добавил он с нескрываемой издёвкой, намекая на мою «неуклюжесть».

Я не выдержала и шутливо хлопнула его по плечу:

— Иди уже давай, язва!

— Всё, сбежал! — Дима внезапно подался вперёд, мимолётно, но обжигающе горячо чмокнул меня в щеку и вылетел из квартиры.

Я осталась стоять в тишине, глядя на закрытую дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Приятно ли мне? Безусловно. Манит ли он меня своей наглой красотой и этим дурацким чувством юмора? Определённо. Но эта недосказанность с экипировкой висела в воздухе, как заряженное ружьё.

— Так, всё, Кира, соберись! — приказала я себе вслух. —

Вещи, сумка и озеро. Никаких драк, только отдых.

++++

Через полчаса, когда я в очередной раз пыталась впихнуть невпихуемое — а именно объемную жилетку — в и без того пухлую сумку, тишину квартиры разорвал беспардонный грохот. Лера ворвалась в дом, уверенно гремя запасными ключами, которые я оставляла ей.

— Фух, ну и духота на улице! Я пока дошла, чуть не расплавилась! — закричала она прямо из прихожей, скидывая ботильоны. — Слушай, Кира, может, мне всё-таки надо было взять платье? Ну, то красное, с вырезом?

Я с трудом застегнула молнию на сумке и выглянула из комнаты, скептически приподняв бровь.

— Лер, мы же не в клуб едем, а на озеро. Какое платье? Комаров соблазнять?

— Ой, ну и что? — она по-хозяйски прошла на кухню и открыла холодильник. — Платье и озеро — это вообще-то классика романтики.

— И перед кем тебе там наряжаться? Серёга тебя видел в любом состоянии, он тебя даже голой вынесет, если ты вдруг решу, что разучилась ходить, — я усмехнулась, представляя эту картину. Серёжа действительно сдувал с неё пылинки. — Кстати, а где твой верный рыцарь? — спросила я, опираясь на дверной косяк. — Вы же должны были вместе приехать.

— Ай! — Лера досадливо махнула рукой, выуживая из холодильника банку газировки. — Дима ему позвонил ми-

нут двадцать назад. Тот сорвался с места как ошпаренный, пробормотал что-то про «надо помочь купить какую-то важную фигню» и умчался. А что именно купить — не сказал. Тайны мадридского двора, честное слово!

— Тебе не кажется, что они стали слишком часто проводить время вместе после того, как он ворвался в твой дом и утащил меня в зал? — я в сотый раз пытаюсь совладать с молнией.

Лера тяжело вздохнула, поднялась и, по-хозяйски отодвинув меня бедром, принялась профессионально складывать вещь. В её руках жилетка будто уменьшилась вдвое, и сумка застегнулась с первого раза.

— По моим подсчетам, они знакомы лет с тринадцати, — задумчиво произнесла Лера, возвращаясь к теме. — У них там какая-то общая история, секреты или еще черт знает что. Но Серёга — настоящий кремень. Молчит как партизан, сколько ни выпытывай. Я даже в самые интимные моменты, когда он максимально расслаблен, пыталась из него хоть слово вытянуть, представляешь? А он просто закрывал мне рот поцелуями. Так что, какая там тайна мирового масштаба — без понятия. Либо он просто патологически скрытный, либо боится меня расстроить чем-то серьезным.

Я нахмурилась, сопоставляя факты.

— Насколько я знаю, с Марком они знакомы, потому что вместе учились в Европе. — проговорила я. — Но Серёга же не местный. Помнишь, когда мы ждали тебя с индивиду-

ального занятия в кафе? Он обмолвился, что приехал сюда три года назад. Получается, ему тогда было двадцать пять. Ну и старика же ты себе выбрала! — я не выдержала и рассмееялась.

— Ой, а сама-то! — Лера прыснула, едва не подавившись газировкой. — Марку вообще тридцать... — Она тут же осеклась, заметив мой потяжелевший взгляд, и виновато стушевалась. — Ладно, прости, ляпнула не подумав. В общем, какая бы там тайна ни была, я её всё равно вытрясу, — гордо заявила она, делая победный глоток.

— Ну а с Димой... скорее всего, они общались постоянно, — задумчиво протянула Лера, глядя в потолок, будто пытаюсь вычислить траекторию их жизней. — Просто мы этого не замечали, потому что вообще его не знали. Дима же младше Серёги на два года. Это получается, ему сейчас...

Я наблюдала за тем, как в её голове со скрипом проворачиваются шестеренки, и не выдержала. — Боже, Лера! Математика и ты — это полный провал. Это значит, что ему двадцать шесть! — проговорила я сквозь смех.

— Точно! — рассмееялась она, всплеснув руками. — Ну, в цифрах я не сильна, зато в людях...

Нам не дали договорить. Тишину квартиры нарушил уверенный шаг и скрип двери, которую Лера в своей манере даже не потрудилась закрыть на замок. В прихожую по-хозяйски вошли Серёга и Дима.

— Ну что, готовы? — подал голос Серёга.

Он стоял в дверях, сложив мощные руки на груди и небрежно опираясь плечом о косяк. В его позе сквозила уверенность человека, который точно знает, чем закончится этот вечер.

— Готовы! — Лера подскочила к нему, сияя от нетерпения. — Почему так долго? Мы тут уже все косточки вам перемыли!

Я потянулась к своей пухлой сумке, но Дима оказался быстрее. Его пальцы на мгновение коснулись моих, когда он перехватил ремень, и по телу пробежал короткий электрический разряд. Его взгляд, темный и обещающий, заставил меня на секунду забыть, как дышать.

— Пойдёмте, пора рассаживаться по машинам, — командовал Дима, кивнув в сторону выхода.

— А мы разве не на одной поедем? — я удивленно вскинула брови. — Вместе же веселее.

— Мы подумали и решили, что лучше на разных. Мало ли что, — отозвался Серёга. — Дорога к озеру сейчас не в лучшем состоянии. Если один застрянет, другой всегда сможет вытащить. Так что поедем парами.

Мы расселись по машинам, и двигатель отозвался мощным, глухим урчанием. Когда городская суeta осталась позади, а нас поглотила трасса, я наконец решилась нарушить тишину.

— Слушай, — я повернулась к Диме. — А что ты такое покупал, что тебе даже Серёга понадобился? Вы так таин-

ственно скрылись.

Дима мельком глянул на меня и пожал плечами, возвращая взгляд к дороге.

— На самом деле — обычные вещи для домика, — спокойно ответил он. — Дрова для печки, продукты, всякое по мелочи. Тот домик, куда мы едем, давно никто не посещал. Поэтому... как бы мне ни хотелось портить атмосферу, Кира, но нам придется там немного прибратся.

Он посмотрел на меня с легким извинением в глазах, будто чувствовал вину за то, что вместо обещанного романтического отдыха нам предстоит устроить внеплановый клининг.

— Ну, нас же четверо! — уверенно отозвалась я, и на душе стало удивительно легко. — Справимся быстро. В конце концов, что, как не уборка, лучше всего отвлекает от ненужных мыслей? Разольем вино по бокалам и будем наводить марафет. Закусим пиццей, будем травить шутки... Это же идеальное начало приключения.

Дима усмехнулся, и его рука на руле заметно расслабилась.

++++

Машина плавно затормозила, и в свете фар показался наш приют на ближайшие выходные. Я вышла из салона, вдыхая полной грудью: воздух здесь был совсем другим — э настоящим на хвое и озерной прохладе. Перед нами стоял небольшой бревенчатый домик. Один этаж, но срубленный добротно, из потемневшего от времени дерева, он казался

удивительно уютным в окружении вековых сосен. Чуть поодаль, в серебристом лунном свете, поблескивала гладь озера, а к самой воде спускалась небольшая песчаная площадка — наш персональный дикий пляж. Рядом с домом притаилась старая беседка, увитая диким виноградом. Настоящий рай для тех, кто хочет сбежать от мира.

Когда Дима повернул ключ и толкнул дверь, в лицо пахнуло прохладой и чуть спертым, пыльным запахом заброшенного жилья.

— Так, первым делом — кислород! — скомандовала я, и мы дружно бросились открывать окна, впуская внутрь шест леса.

Дима щелкнул выключателем. Лампочки под потолком на мгновение мигнули и нехотя разгорелись, заливая гостиную теплым желтоватым светом. К счастью, электричество работало.

— Ну нет! — тут же раздался страдальческий стон Лерки. — Я планировала уже вовсю дегустировать вино, а вы заставляете меня дышать пылью и махать тряпкой! Это насилие над личностью!

Мы с Серегой синхронно рассмеялись. Ее театральные жесты всегда разряжали обстановку. Внутри домик оказался просторнее, чем снаружи: две уютные спальни по бокам и большая гостиная с камином посередине.

— Так, внимание! — Лерка по-хозяйски уперла руки в бока, переводя взгляд с одной двери на другую. — Мы с Се-

рёжей занимаем правую комнату. И меня вообще не волнует, как будете делить территорию вы. Дима, у тебя два варианта: либо ты спишь с Кирой на большой кровати, либо изображаешь аскета в гостиной на этом крошечном диванчике.

В гостиной и правда стоял диван, который выглядел так, будто был мал даже мне, не говоря уже о широкоплечем Диме. Я замерла, чувствуя, как щеки предательски заливают румянец. Сердце предательски екнуло — внутри всё кричало о какой-то высшей несправедливости. Дима организовал эту поездку, вез нас, таскал сумки... и теперь должен мучиться на этой «жердочке»?

Я открыла рот, чтобы возразить, но Дима даже не дал мне вставить слова.

— Гостиная — мой выбор, — отрезал он с невозмутимой полуулыбкой, от которой у меня подгибались колени. Он бросил свою сумку на скрипучие подушки дивана. — Не переживай, Кира. Я уже спал на нем однажды. И плевать, что тогда я был чуть поменьше в плечах. Места хватит.

— Митя, это нечестно... — тихо проговорила я, когда Лера с Серёжей со смехом скрылись в своей комнате.

— Честно — это когда ты выспишься и будешь улыбаться утром, — он подошел ближе, обдавая меня запахом сигарет и мяты. — А с диваном я как-нибудь договорюсь. Иди, разбирай вещи, «соседка». И не забудь — мы всё еще планировали уборку под вино.

Мы с Димой закинули вещи в мою комнату — ту самую, с

большой кроватью, которая теперь казалась неприлично пустой. Переодевшись по очереди в старые растянутые футболки и шорты, мы взялись за дело.

Пока мы с Лерой оккупировали кухню, воюя с пылью и паутиной, Диме пришлось лезть в погреб. Насос, качавший воду из скважины, решил забарахлить в самый неподходящий момент. Однако уже через двадцать минут снизу донеслось победное рычание мотора, и в кранах зашумела вода — и холодная, и, к нашему изумлению, горячая от бойлера.

— Ееее! — восторженно завопила Лера, влетая в ванную комнату. — Цивилизация! Я уж грешным делом думала, что мне придется бегать за ближайшую сосну и изображать лесную нимфу.

— Зачем тогда так быстро согласилась ехать, раз сосен боялась? — поддела я её, вытирая полку.

— Обижаешь, мать, — Лера высунулась из дверного проема, и её лицо на секунду стало серьезным. — Раз ты зовёшь, я еду. И неважно куда — хоть к самому дьяволу в пекло, я с тобой. Я всю жизнь буду «выплачивать» твоей семье, Кира. Ты же знаешь.

— Ой, да заткнись ты со своей «выплатой»! — я издевательски толкнула её в плечо, стараясь скрыть подступивший к горлу комок. — Всё наоборот. Это я тебе должна по гроб жизни за то, что не дала мне подохнуть в одиночестве. Если бы не твоё упрямство, мы бы сейчас были сестрами под одной фамилией.

— Пошла нахрен! — так же издевательски отбрила она, но в глазах блеснули искорки. — Валерия Белова — звучит охрененно. И плевать, что за выродки-родители её носили до меня. Теперь эта фамилия принадлежит только мне.

Я улыбнулась, глядя на неё. Наше прошлое было тёмным и запутанным, как этот лес вокруг дома, но именно оно сделало нас такими — колючими снаружи и преданными до боли внутри.

— Ты, кстати, рассказала ему? — я понизила голос до шепота, внимательно глядя на подругу.

Лера медленно покачала головой, и в её глазах на мгновение мелькнула такая уязвимость, которую она никогда не позволяла себе на людях.

— Я боюсь, Кир. Что, если ему не нужна девчонка из детского дома? Посмотри на него — Серёга состоявшийся парень. Огромная квартира в элитном комплексе, дорогая машина, байк, который стоит как крыло самолета. Он заваливает меня цветами, подарками, всегда одет с иголочки. А что у меня? Детдом за плечами, сложная жизнь, два выбитых зуба — спасибо «счастливому» детству, — которые теперь искусственные. Работа, которая оставляет желать лучшего, и квартира, за которую я плачу целое состояние, просто чтобы чувствовать себя человеком. Я пытаюсь одеваться солидно, но это лишь обложка, Кира. Дешёвый фасад.

— Да ладно тебе, — я мягко коснулась её руки. — А чем плохо то, кто ты есть? Ты сама добилась всего, что у тебя

есть. И это круто, что ты можешь позволить себе такую квартиру. Хотя я сотню раз предлагала тебе жить со мной.

— Ага, — Лера шмыгнула носом и тут же нацепила свою привычную дерзкую маску. — И как бы мы жили? Трахались бы по расписанию, прося друг друга погулять часок?

Я не выдержала и расхохоталась на весь дом.

— Боже упаси! Признаться честно, Валерия, я в своей квартире вообще ни с кем не трахалась.

— Серьёзно? — Лера хитро прищурилась, её хандру как рукой сняло.

— А вот сколько парней твои покрывала с «Винкс» видели?

Мы обе прыснули от смеха, затыкая рты ладонями, чтобы парни в гостиной не подумали, что мы окончательно сошли с ума.

— Ни одного! — Лера возмущенно сложила руки на груди, но в глазах плясали чертики. — Я достаю его только по великим праздникам! — она снова расхохоталась, вытирая выступившие слезы. — И там не «Винкс», ясно тебе?

— А кто? — я сквозь смех пыталась отдышаться, представляя сурового Серёгу на фоне мультяшных фей.

— Сейлор Мун, вообще-то! — гордо заявила она. — Лунная призма дает мне силу, детка!

Я засмеялась еще громче, согнувшись пополам. Представить Леру, которая в свои двадцать три почти, хранит такое сокровище, было выше моих сил.

— Ну всё, Сейлор Мун, — я вытерла глаза и попыталась вернуть лицу серьезное выражение, — иди к своему такседо-маску, пока он там один всё вино не приговорил. А я сейчас закончу с бокалами и приду.

— Ты негодяйка, поняла? — пригрозила она мне пальцем, уже выходя с кухни. — Даже не смей никому говорить, иначе я твои трусы со Спанч Бобом повешу прямо на твоём байке у подъезда!

— У меня нет таких трусов! — возмутилась я, чувствуя, как краснеют уши.

— Ох, поверь, когда они будут там висеть, все будут думать, что есть! — выкрикнула она, проносясь мимо Димы, который как раз заходил на кухню.

Дима замер в дверях и медленно вздёрнул брови вверх, переводя взгляд с убегающей Леры на меня. Его глаза заблестели от еле сдерживаемого смеха.

— Даже не начинай! — я тут же ткнула в него пальцем, пресекая любые шутки на корню. — У меня нет таких трусов, и точка!

— Да я и не хотел... — он поднял руки в притворном жесте защиты, делая шаг ко мне. — Но признаться, желтый цвет тебе бы пошел.

— Помолчи! — я всучила ему в руки четыре чистых бокала, лишь бы занять его чем-то.

Мы вышли в гостиную, и я ахнула. Парни времени зря не теряли: стол был разложен, пицца уже аппетитно дымилась,

а гора еды из пакетов казалась бесконечной. Колбаса, сыры, фрукты, какие-то закуски...

— Мы точно приехали всего на одну ночь?

Серёга в замешательстве почесал затылок, оглядывая это пиршество.

— Вообще-то, на три дня, — спокойно поправил меня Серёга.

— Я решил, что одной ночи нам будет мало, чтобы... проветрить мозги, — проговорил следом Дима.

Я замерла с тарелкой в руках.

— Три дня? — я едва не выронила бокал, глядя на Диму округлившимися глазами. — Но как же учеба? Этот урод Левицкий ясно дал понять: если я пропущу хоть одну его пару, он лично позаботится о том, чтобы меня вышвырнули из академии. А у меня, на минуточку, последний курс на кону!

Я уже представляла, как мой диплом сгорает в адском пламени из-за одной поездки на озеро, но Серёга, с набитым пищей ртом, лишь пренебрежительно махнул рукой.

— Да пусть катится нахрен твой Левицкий, — буркнул он, усаживаясь поудобнее. — Это всё бред сивой кобылы. Никого он не вышвырнет, сил не хватит. А ты, Кира, наивная — веришь каждому его слову. Мы это уже проходили, когда я помогал ему в Европе, он тогда только начинал свою «карьеру» препода. Была у него там одна студентка, Элиза. Вертел ей как хотел, строил из себя бога, пока она его не кинула красиво...

И он тут же прикусил язык.

— Элиза? — я нахмурилась, в памяти всплыло лицо яркой девицы в клубе с Марком. — Рыжая?

— Она самая, — буркнул Серёга.

Договорить ему не дала Лера. Она с размаху отвесила ему смачный подзатыльник, отчего тот едва не уткнулся носом в тарелку.

— Слышь, ты! Мы сюда перезагружаться приехали, а не о твоём Марке и его бывших пассиях слушать! — отрезала она, грозно сверкнув глазами. — Ешь молча, пока я тебе еще и за Элизу не добавила.

В гостинной повисла короткая пауза, которую нарушил тихий смех Димы. Он подошел ко мне вплотную, так что я почувствовала тепло его тела, и аккуратно забрал у меня бокал, ставя его на стол.

Дима молча отодвинул мне стул, и я опустилась на него, чувствуя, как ноги становятся ватными — то ли от усталости, то ли от услышанного. Я схватила бокал и одним махом отпила добрую половину.

— И что было дальше?

— Кира! — возмутилась Лера, округлив глаза. — Мы же договаривались! Перезагрузка, а не попойка в стиле «всё плохо».

— Да, Лера, перезагрузка, — я поставила бокал на стол чуть резче, чем хотела. — Но она пойдет куда решительнее, когда я дослушают эту историю. Потому что я вообще ни

хрена Марка не знаю. Как из человека с четкими целями и принципами вышло то дерьмо, что я увидела в итоге? Это была игра одного актера? Или он просто психически нездоров?

Серёга тяжело вздохнул, переглянулся с Димой — тот сидел рядом со мной, а Серёга не сводил с моего лица внимательного взгляда, — и начал рассказ.

История Марка приобрела совсем другой оттенок. Оказалось, что в студенческие годы он был самым обычным парнем: они с Серёгой вместе прогуливали пары в вузе, страдали ерундой и строили планы на будущее. Марк всегда считался «правильным» и надежным, но в какой-то момент всё изменилось. Он внезапно отчислился, и их пути окончательно разошлись. Марк с головой ушел в мир искусства, который, как выяснилось позже, вытянул из него всё человеческое, а Серёга отправился пробивать себе дорогу в жизни своим, куда более жестким и приземленным путем.

Судьба свела их снова в Европе. Марк тогда только готовился стать преподавателем, а Серёга вовсю крутил свой бизнес. Но Марк изменился. Из него будто вынули стержень и заменили его чем-то болезненным и фанатичным. Ему стала нужна «муза», но не для вдохновения, а для обладания. Он хотел приручить женщину, как собачку, сломать её волю и сделать частью своего «искусства».

И у него получилось. Элиза стала его одержимостью. Пару лет она терпела этот золотой ошейник, пока ей окончательно

но не надоело. Финал был страшным: когда она решила уйти, Марк впал в безумие. Он разгромил свою мастерскую в щепки, а Элиза... Элиза попала в реанимацию, а после — в долгую реабилитацию у психологов.

В гостиной воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине.

— А теперь, — голос Серёги стал жестким, а в глазах промелькнула злость, — эта сучка вернулась. Видимо, недолечилась в своей Европе и решила, что можно вернуть всё как было. А Марк этот урод заявил, что так даже лучше. Теперь у него, видите ли, две музы. Одна — покорная и сломленная, а вторую, то есть тебя, Кира, «ещё исправлять и исправлять».

Он метнул на меня виноватый, извиняющийся взгляд, но было поздно. Лерка подскочила с места так резко, что бокал в её руке дрогнул, и алое вино выплеснулось прямо на стол.

— Так ты, чертов идиот, был в курсе всего этого и молчал?! — закричала она, нависая над Серёгой. — Ты позволил моей подруге вляпаться в это дерьмо, зная, на что способен этот псих? Ты эгоист, Серёжа! Самый настоящий эгоист!

— Да я же не знал, что он возьмётся за старое! — Серёга вскинул руки, пытаясь её успокоить. — К тому же, мы с тобой тогда ещё не были вместе, мне было плевать, с кем он там крутит. А потом он вроде как в норму пришел Я думал, Кира на него хорошо влияет, что он оставил эти свои закидоны. Ну да, звал её «музой», но мало ли кто как девушек называет? Я тебя тоже хочу ласково называть, и что теперь?

— Это не меняет дела! — отрезала Лера, тяжело дыша.
— Мы с тобой ещё поговорим об этом. Очень серьезно поговорим.

Она с силой опустила обратно на стул и принялась яростно вытирать разлитое вино салфеткой.

— А ты? — Лера резко перевела взгляд на меня, и в её глазах всё ещё полыхал гнев. — Удовлетворила своё любопытство? Теперь-то тебе ясно, какой он законченный псих? Кира, тебе теперь охрану нужно нанимать, чтобы просто на его пары ходить. Может Андрея попросить?

— Ты совсем, что ли? — я чуть не поперхнулась вином.
— Андрей вообще голову потеряет от радости. Мне только его фанатизма не хватало, я едва от него отделалась!

— Я могу, — внезапно подал голос Дима.

Он заговорил впервые за долгое время, и в этой короткой фразе было столько веса, что мы все синхронно повернулись к нему. Дима сидел, расслабленно откинувшись на спинку стула, но его взгляд был предельно собранным.

— А что? — спокойно продолжил он, глядя мне прямо в глаза. — Оформите мне пропуск или доступ в академию как сопровождающему. Буду везде с тобой ходить. Могу даже сумку твою с рисунками таскать, тубусы что у вас там еще? Буду твоей тенью.

— А как же работа? — скептически прищурилась Лера.

— Она у меня либо во второй половине дня, либо вообще ночью, — парировал Дима, не сводя с меня глаз. — Так что

днем я абсолютно свободен.

— Да, но тебе же надо спать когда-то? — не унималась подруга.

— Разберемся с этим, — отрезал он таким тоном, что любые дальнейшие расспросы казались бессмысленными.

И на этом они сошлись. Буквально за минуту эти трое всё решили, согласовали графики и распределили роли, даже не дав мне вставить слова сопротивления. Моя задача была проста: ходить на учебу и делать вид, что всё в порядке, пока за моей спиной маячит «тихая» угроза в лице Димы.

++++

Я уже думала, что наша ночь закончится обычными посиделками с набитыми животами и уютными разговорами, но не тут-то было. Серёга с Димой явно поймали общую волну и придумали какую-то полнейшую дурь. Мы с Лерой лишь переглядывались и недоуменно пожимали плечами, глядя на то, как эти двое с азартом готовят реквизит.

— Вы точно это не только что выдумали? — возмущалась Лера, когда Серёга расстелил на полу огромный лист бумаги. — И почему я вообще должна стоять на этом листочке?

Суть игры оказалась до смешного простой и одновременно коварной: пары должны были танцевать под музыку, не выходя за пределы бумажного листа. С каждым раундом лист складывали вдвое, уменьшая формат, и те, кто не удерживался на крошечном клочке, выбывали.

— И как мы это сделаем? — я скептически посмотрела

на Диму, который уже уверенно занял позицию на бумаге. — Мы выпили две бутылки вина на четверых! Я и на целом ватмане не простою, меня штормит.

— А ты не стой, Кира. Держись за меня, — Дима протянул руку и собственническим жестом притянул меня за талию к себе.

Музыка заиграла, и первый раунд прошел легко. Но когда лист сложили в четвертый раз, от него остался жалкий клочок. Лера с Серёгой уже отчаянно балансировали: Серёга подхватил её на руки, и она, обхватив его за шею, громко смеялась, пытаясь не коснуться пола пяткой.

— Твоя очередь, «монашка», — выдохнул Дима мне прямо в губы.

Лист под нашими ногами был теперь размером с открытку. Стоять вдвоем на нем было физически невозможно. Дима не дал мне опомниться. Он подхватил меня под бедра, заставляя обхватить его ногами за пояс. Я вскрикнула от неожиданности, вцепившись пальцами в его крепкие плечи. Теперь он стоял на одной ноге, балансируя на самом краешке бумаги, а я была прижата к нему так плотно, что чувствовала каждый удар его сердца и жар, исходящий от его кожи.

— Так нечестно! — закричала Лера, теряя равновесие и заваливаясь на Серёгу под общий хохот. — Они жульничают!

— Мы просто используем все доступные ресурсы, — парировал Дима, не сводя с меня потемневшего взгляда.

Музыка затихла, и в гостиной стало очень тихо. Мы сыграли, но Дима не спешил опускать меня на пол. Мои ноги всё еще сжимали его талию, а его руки надежно поддерживали меня, не давая отстраниться.

— Уверены, что не придумали игру только что? — проговорила я, подозрительно глядя на Диму и в точности повторяя слова Леры.

— Нет! — отозвались они хором, и Дима наконец осторожно поставил меня на пол, хотя его руки еще секунду медлили, прежде чем отпустить мою талию.

— Мы в неё в детстве играли, — добавил Серёга с какой-то таинственной полуулыбкой, переглянувшись с другом.

В этом взгляде было что-то такое, что заставило меня снова подумать об их общем прошлом. Но времени на раздумья не осталось. Мы откупорили еще одну бутылку, и начался настоящий хаос. Игры сменяли одна другую, становясь всё безумнее и смешнее. В какой-то момент мы с Лерой объединились против парней, потом я оказалась в команде с Серёгой, и мы, подгоняемые азартом и вином, вылетели на улицу.

Это было чистое сумасшествие. Мы бегали в крошечной тьме вокруг домика, натыкаясь на кусты и пища как дети. Мы даже рыли песок на пляже в поисках «сокровищ», которые Дима спрятал там за пять минут до этого. Холодный ночной воздух обжигал легкие, но нам было жарко. Я чувствовала себя такой живой, какой не была все годы учебы в

этой чопорной академии.

Наконец, окончательно выбившись из сил, мы ввалились обратно в дом. Тяжело дыша и непрерывно хохоча, мы буквально рухнули на ковер в гостиной прямо перед камином.

— Всё, я пас — выдохнула Лера, растягиваясь на полу и кладя голову на колени Серёге. — Мои ноги официально вышли из чата.

Я привалилась плечом к плечу Димы, чувствуя, как от него исходит мощный жар. Камин уютно потрескивал, заливая комнату мягким оранжевым светом, а за окном шелестел ночной лес. Атмосфера из бесшабашного веселья плавно перетекла в то самое тягучее, доверительное русло, когда хочется говорить обо всем на свете

— Так, официально объявляю завершение ночи какой-нибудь историей из прошлого! — заявила Лера, уже еле ворочая языком, но с тем самым упрямым блеском в глазах, который не предвещал ничего доброго. — Хочу знать, как ты, Серёж, познакомился с Димой. Вы что, на одной площадке в детстве в песочнице сидели?

В ту же секунду атмосфера в комнате изменилась. Уютное тепло камина будто сменилось ледяным сквозняком. Я почувствовала, как Дима рядом со мной окаменел. Серёга замер, его желваки заходили ходуном, а пальцы, сжимавшие бокал, побелели.

Лера, почувствовав эту перемену, тут же подскочила с его колен, мгновенно протрезвев.

— В чем дело? — её голос зазвенел от напряжения. — Что за тайна, которую ты всё ещё не можешь мне рассказать? Мы уже столько времени вместе!

— Это стыдно, ясно? — глухо отозвался Серёга, не поднимая глаз. — Я не уверен, что если расскажу, ты не бросишь меня в эту же секунду. Не посмотришь на меня как на мусор.

— Ты что, убил кого-то? В тюрьме сидел? Маньяк? Наркоман? — Лера начала засыпать его вопросами, её голос срывался на крик.

Серёга тяжело, загнанно выдохнул и поднял взгляд на Диму. Тот сидел абсолютно неподвижно, его лицо превратилось в непроницаемую маску. Я чувствовала плечом, как каждый его мускул натянут, словно струна перед обрывом. Дима медленно, едва заметно кивнул — это был жест молчаливого разрешения. Общая тайна, которую они хранили на двоих, сейчас должна была выйти на свет.

Серёга выдохнул, его пальцы до белизны сжали плечи Леры. Голос его дрожал от с трудом сдерживаемого напряжения:

— Мы познакомились в детском доме.

— Что? — выдохнула Лера, и я увидела, как в её глазах застыло полное непонимание.

— Да, Лера. Я не тот «супер-мужчина» с богатыми предками и золотым наследием. Мои родители были алкашами, их лишили прав, а меня сдали в систему. Всё, что ты видишь сейчас — квартиру, машину, байк — я выгрызал у этой жиз-

ни зубами. Да, иногда переступая закон, но иначе было не выжить. И сейчас я готов землю жрать, лишь бы ты ни в чем не нуждалась.

— Ты дурак! — вскрикнула она, и по её щекам потекли слезы. — Разве это криминальная тайна? Почему ты молчал, когда я спрашивала?

Серёга горько усмехнулся и посмотрел ей прямо в душу:

— А ты? Почему ты про себя молчишь?

Лера тут же стушеввалась, её боевой задор исчез, сменившись щемящей болью.

— Признаю... мне тоже было не по себе. Я видела всю твою богатую мишуру и боялась, что если ты узнаешь правду — прогонишь меня. Потому что я тоже из детдома. С самого начала. Мать выкинула меня годовалую зимой на мусорку... Женщина мимо проходила, нашла.

Она начала плакать, размахивая руками, захлебываясь в этой старой, кровоточащей истории. Она рассказала, что по документам её звали Вероника Белова, но имя ей сменил мой отец, когда забрал её. Фамилию она оставила свою — единственное, что связывало её с той ночью на помойке.

— В шесть лет её забрал мой папа, — тихо добавила я, чувствуя, как Дима крепче прижимает меня к себе. — И только потому, что я, маленькая, увидела эту девчонку за решеткой забора, когда мы проходили мимо, и вцепилась в отца: «Папа, возьми её. Забери эту девочку с хрустальными глазами,» — прошептала я, и перед глазами всплыла та сце-

на из детства. — Папа, я хочу себе сестру.

Я помнила, как воспитатели в один голос твердили отцу, что ребенок проблемный: «Она буйная, нелюдимая, постоянно пытается сбежать!» Но я вцепилась в его руку и умоляла до тех пор, пока он не сдался. Я видела в её глазах не «буйство», а просто девченку с хрустальными глазами. Я чувствовала, что хочу чтобы она была рядом. — Так что не думаю, что можно официально считать тебя «детдомовской», — я мягко улыбнулась Лере через слезы. — Ты — Белова. Ты часть нашей семьи с шести лет. Ты моя сестра, и точка.

Лера всхлипнула и уткнулась лицом в плечо Серёги, который только сильнее сжал её в объятиях. Напряжение, копившееся годами, наконец начало уходить, сменяясь опустошенностью и облегчением.

— А можно считать, что мою тайну Серёга стырил? — весело проговорил Дима, разряжая накалившуюся атмосферу.

Мы все дружно засмеялись — этот смех был нужен нам как воздух после такого признания. Тяжесть, давившая на грудь, наконец-то отпустила.

— Нет! — тут же возразила я, толкая его плечом. — Это не считается. Говори тогда другую!

Дима на мгновение задумался, глядя на огонь, потом покрепче обнял меня за плечи, притягивая к себе, и заговорил уже серьезнее:

— Я занимаюсь нелегальным бизнесом. Точнее, для закона всё выглядит чинно и легально, документы в порядке, но

по факту... всё совсем не так.

— Ты про зал? — я тут же повернулась к нему всем телом.

— Да. Документы на него, скажем так, с «особенностями». Мне помог один человек, который подарил его в своё время. Мы всё ещё общаемся, он что-то вроде моего босса, наставника... не знаю точно. До сих пор не понимаю, чем я его тогда зацепил. Но после одного из боёв, где я выгрыз победу, он просто отдал мне ключи от клуба. Сказал: «Я здесь всё равно не живу, пусть будет кому за ним присматривать». Представь, он даже процент не просит с того, что я там зарабатываю.

Дима замолчал, и в его взгляде промелькнула благодарность к этому таинственному покровителю. А потом он резко повернул голову ко мне, и в его глазах заплясали опасные искорки.

— Свою порцию честности я выдал. Теперь твоя очередь. Какая твоя тайна, Кира?

Я долго молчала, гипнотизируя взглядом пляшущие языки пламени. Могла бы рассказать, что на самом деле умею драться и всё то время в зале, куда он меня притащил, просто ломала комедию, притворяясь слабой. Но это было не то.

— Это постыдная история, — наконец выдохнула я. — Точнее, для меня она такая. Почти год назад, на своё день рождения, я переспала с незнакомцем. И всё бы ничего, но я его вообще не помню.

В гостиной стало тихо, только дрова в камине издеватель-

ски треснули.

— Я не знаю, как мы познакомились, как его зовут, что между нами было. Я даже лица его не помню, — я закрыла глаза, снова прокручивая ту пустоту в голове. — Просто проснулась утром рядом с ним и сбегала как последняя трусиха. Моя амнезия меня подставила. И теперь я постоянно о нём думаю. А что, если бы я осталась? Может, у нас вообще ничего и не было? Вдруг мы просто разделись и отрубились? Или я нализалась так, что упала в отключке, а он меня раздевал, потому что я испачкала бельё?

Лера не выдержала и заливисто захохотала, хлопая себя по коленям.

А вот Дима, Дима не смеялся. Я почувствовала, как его рука на моём плече напряглась, а пальцы едва заметно впились в кожу. Он замер, превратившись в натянутую струну.

— В общем, как бы там ни было, — продолжила я, стараясь не смотреть на него, — меня это до жути бесит. Я каждый раз пытаюсь вернуться в тот день, но помню только, как пила и веселилась. Полный провал.

Серёга тут же раскатисто расхохотался, откидываясь назад и едва не опрокидывая пустую бутылку.

— Мужик — огонь! — выдавил он сквозь смех. — Удовлетворил так, что у девчонки память отшибло начисто! Ки-ра, это же лучший комплимент, который можно сделать парню!

Мы все зашлись в новом приступе хохота.

— Кто бы это ни был, он засел в её голове надолго, — добавила Лера, издевательски салютуя мне бокалом. — Даже грёбанный Марк не стал помехой для этого призрака прошлого.

— Да замолчи ты! — я в шутку запустила в неё подушкой, но Серёга перехватил её в воздухе и с хохотом швырнул обратно в меня. На этот раз снаряд поймал уже Дима, ловко и бесшумно, даже не шелохнувшись.

Мы просидели так ещё какое-то время, просто болтая обо всём на свете. Парни вспоминали своё детство, рассказывая, что все эти странные игры они узнали ещё в те времена, когда заняться в их суровой реальности было больше нечем. Слушая их, я понимала, что за каждой шуткой скрывается целая жизнь, о которой я раньше и не догадывалась.

Лерка уже всю дремала на коленях Серёги, окончательно сморенная вином и эмоциями. Серёга, заметив это, мягко салютовал нам свободной рукой, подхватил её на руки, как пушинку, и поднялся.

— Долго не сидите, — бросил он нам напоследок, направляясь к их комнате. — Завтра нас ждёт рыбалка, надо хоть немного поспать.

Когда дверь за ними закрылась, в гостиной воцарилась совсем иная тишина. Камин почти догорел, оставляя лишь тусклый оранжевый отблеск на бревенчатых стенах.

Глава 22 «Горький вкус дежавю»

Дима

Я замер, боясь пошевелиться. Тишину гостиной нарушало только её мерное, едва слышное дыхание. Кира уснула — так внезапно и доверчиво, уткнувшись носом в моё плечо. В груди болезненно кольнуло. Если бы она только знала, как опасно вот так засыпать рядом со мной, когда я всё ещё помню вкус её губ, а она — лишь пустоту последних месяцев.

Я осторожно подхватил её под бёдра и спину. Она была пушинкой, почти невесомой, но её близость жгла кожу даже через одежду. Пока я шел через гостинную, я чувствовал, как её тёплое дыхание щекочет мне шею, и невольно сжал пальцы чуть крепче.

Когда я аккуратно опустил её на кровать, намереваясь уйти и дать ей выспаться, реальность дала трещину. Кира не разомкнула рук. Напротив, она резко притянула меня к себе, не давая отстраниться.

— Не уходи — прошептала она, и в её голосе было столько отчаянной нужды, что у меня перехватило дыхание.

Одним резким, почти звериным движением она дернула меня на себя, и через секунду уже сидела сверху, придавливая мои бедра своими. Её глаза в полумраке казались черными омутами, в которых плескалось нечто первобытное.

— Кира — выдохнул я, пытаюсь вразумить её, пока мозг

окончательно не отключился.

— Просто помолчи, ладно? — оборвала она меня и тут же впилась в мои губы жадным, требовательным поцелуем.

Она целовала меня так,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.